Автобиография и афоризмы

учителя Ханьшаня (憨山)

1546 - 1623

Перевод текста английского перевода, выполненного упасакой Ричардом Чуном

в переложении

Преп. Чуаньюаня (Минчжэня) Шакья, орден Сюйюня

Публикация печатного издания текста этой работы, предназначенного для свободного распространения

в храме Сюйюнь, Гонолулу, Гаваи, состоялась благодаря щедрым пожертвованиям

господина и госпожи Чан, жителей Финикса, штат Аризона.

Издание буддийского дзэнского ордена Сюйюня

http://www.hsuyun.org

Оглавление

Слова признательности
Слова признательности от переводчика (на английский)
Предисловие (к английскому переводу)
Год первый (1546-7)
Год второй (1547-8)
Год третий (1548-9)
Год седьмой (1552-3)
Год восьмой (1553-4)
Год девятый (1554-5)
Год десятый (1555-6)
Год одиннадцатый (1556-7)
Год двенадцатый (1557-8)
Год тринадцатый (1558-9)
Год четырнадцатый (1559-60)
Год пятнадцатый (1560-1)
Год шестнадцатый (1561-2)
Год семнадцатый (1562-3)
Год восемнадцатый (1563-4)
Год девятнадцатый (1564-5)
Год двадцатый (1565-6)
Год двадцать первый (1566-7)
Год двадцать второй (1567-8)
Годы двадцать третий, четвёртый и пятый (1568-71)
Год двадцать шестой (1571-2)
Год двадцать седьмой (1572-3)
Год двадцать восьмой (1573-4)
Год двадцать девятый (1574-5)
Год сорок четвёртый (1589-90)
Год сорок пятый (1590-1)
Год сорок шестой (1591-2)
Год сорок седьмой (1592-3)
Год сорок восьмой (1593-4)
Год сорок девятый (1594-5)
Год пятидесятый (1595-6)
Год пятьдесят первый (1596-7)
Год пятьдесят второй (1597-8)
Год пятьдесят третий (1598-9)
Год пятьдесят четвёртый (1599-1600)
Год пятьдесят пятый (1600-1)
Год пятьдесят шестой (1601-2)
Год пятьдесят седьмой (1602-3)
Год пятьдесят восьмой (1603-4)
Год пятьдесят девятый (1604-5)
Год шестидесятый (1605-6)
Год шестьдесят первый (1606-7)
Год шестьдесят второй (1607-8)
Год шестьдесят третий (1608-9)
Год шестьдесят четвёртый (1609-10)
Год шестьдесят пятый (1610-1)
Год шестьдесят шестой (1611-2)
Год шестьдесят седьмой (1612-3)
Год шестьдесят восьмой (1613-4)
Год шестьдесят девятый (1614-5)

Год тридцатый (1575-6)
Год тридцать первый (1576-7)
Год тридцать второй (1577-8)
Год тридцать третий (1578-9)
Год тридцать четвёртый (1579-80)
Год тридцать пятый (1580-1)
Год тридцать шестой (1581-2)
Год тридцать седьмой (1582-3)
Год тридцать восьмой (1583-4)
Год тридцать девятый (1584-5)
Год сороковой (1585-6)
Год сорок первый (1586-7)
Год сорок второй (1587-8)
Год сорок третий (1588-9)
Год семидесятый (1615-6)
Год семьдесят первый (1616-7)

ПЕСНЬ ДЕРЖАТЕЛЯ ТАБЛИЧКИ
Предисловие Ханьшаня
Песнь держателя таблички

Год семьдесят второй (1617-8)
Год семьдесят третий (1618-9)
Год семьдесят четвёртый (1619-20)
Год семьдесят пятый (1620-1)
Год семьдесят шестой (1621-2)
Год семьдесят седьмой (1622-3)
Год семьдесят восьмой, последний (1623-23)

АФОРИЗМЫ УЧИТЕЛЯ ХАНЬШАНЯ

Слова признательности

С превеликим удовольствием я выражаю благодарность госпоже и господину Чан из Финикса, штат Аризона, чьи щедрость и преданность буддийской Дхарме позволили нам выполнить перевод, опубликовать и начать бесплатно распространять автобиографию Ханьшаня в храме Сюйюнь в Гонолулу, Гаваи. Благодаря их щедрости у нашего представительства в Интернете теперь появилась возможность познакомить с этим важным трудом читателей по всему миру. Мы все в долгу перед господином и госпожой Чан.

Господин Чан родился в весьма уважаемой буддийской семье: его отцом был упасака Минмин, последователь нашего преподобного учителя Сюйюня в Китае. Вся семья господина Чана издавна связана с буддизмом, за что заслужила уважение; и возможность пользоваться их надёжной поддержкой - для всех нас большая честь.

Благодаря усилиям господина Чана и его предков были переведены и стали распространяться во множестве стран мира многие важные буддийские труды. Я сам вспоминаю то удовольствие, с которым я читал экземпляр Лотосовой Сутры[1], написанный от руки его отцом для чтения и изучения другими людьми. Семья Чан также позаботилась о переводе и издании на английском языке Сутры Помоста патриарха Хуэйнэна, а также множества других древних китайских текстов.

[1] Лотосовая сутра - Саддхарма-пундарика сутра, дословно "Сутра о цветке лотоса чудесной Дхармы".

Сердцем буддизма является благочестие последователей Будды. Во всём мире немного найдётся буддистов, чья преданность может сравниться с преданностью семьи Чан. И уж точно нет никого, чья преданность могла бы её превзойти.

Мы все находимся в долгу у господина и госпожи Чан, который мы вряд ли сможем оплатить.

Настоятель Чжи Динь Сакья

храм Сюйюнь

Кавананакоа-плэйс 42

Гонолулу, Гаваи.

Слова признательности от переводчика (на английский)

За свою историю учение Дхармы оказывало влияние на самых разных людей, образованных и необразованных, богатых и бедных, знатных и простолюдинов, и даже на императоров с их семьями. Литературные памятники крупных буддийских учителей и патриархов, посвятивших свои жизни проповеди Дхармы, служат нам ценными путеводителями. Из их биографий мы узнаём не только подробности их поисков истины и практики буддизма, но также об их личности и решимости в достижении цели и соблюдении обетов.

Учитель Ханьшань был одним из четырёх величайших монахов эпохи династии Мин (1368-1643 гг.) в Китае. Он был влиятельным патриархом дзэн-буддизма. Практикуя дзэн всю свою жизнь, он достиг просветления и пережил различные состояния сверхвидения. Он помогал своим последователям в понимании многих сутр, выступая с лекциями и снабжая их комментариями, такими как, например, серия лекций "Хуа юань сюань тань" (Откровенные беседы о "Сутре сердца"), комментарий на Аватамсака-сутру, Ланкаватара-сутру, работа "Подробное изложение смысла Сурангама-сутры", и многие другие. Кроме того он был высоко образованным учёным в области классической китайской литературы, написавшем такие комментаторские труды, как "Учение о сознании Чуньцю Цзо", "Чжао лунь" и другие.

Если эта книга позволит читателю, независимо от того, причисляет ли он уже себя к буддистам, разделить великую радость, заключённую в нашей религии, и немного больше узнать о её славной истории, задачу настоящей работы можно считать выполненной.

Наконец, я хотел бы выразить искреннюю благодарность Преп. Чуаньюаню (Минчжэню) Шакья, посвятившему значительные время и силы переложению моего перевода китайского оригинала на английский. Я также хотел бы поблагодарить Дост. Чжи-диня Сакья, помогавшего мне советом и разъяснениями, когда они мне были необходимы в процессе работы. В завершение я выражаю свою признательность благому намерению господина и госпожи Чан, благодаря щедрости которых мир смог познакомиться с этим важным трудом.

Ричард Чун

Гонолулу, декабрь 1993 г.

АВТОБИОГРАФИЯ И АФОРИЗМЫ ЧАНЬСКОГО УЧИТЕЛЯ ХАНЬШАНЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ
(к английскому переводу)

Для идущего по пути Чань, как и для всякого идущего по тернистому пути, постоялые дворы, указатели и иногда помощь являются незаменимыми средствами. В особенности когда путь тяжёл, путешественник нуждается в безопасном месте для отдыха в той же степени, в которой ему необходимо знать свое местонахождение. При падении, ему понадобится помощь для того, чтобы подняться. Заблудившись, он будет нуждаться в человеке, хорошо знающем дорогу, который сможет ему указать направление.

В Чань каждый путник знает, что он может найти прибежище в буддийской Дхарме. В этом самом комфортном из всех убежищ для него всегда отыщется место. А его мысли о возросшем ощущении благополучия, об умиротворении, радости и свободе, всё явственней им переживаемых, надежно утвердят его в определённой точке крутого подъёма.

Но как быть в критические минуты уныния и покинутости? Кто подаст ему руку помощи и будет находится рядом, пока он не поправится и не встанет на ноги? В минуты растерянности кто укажет ему верное направление? Заблудившись, по чьим следам сможет он вернуться на Истинный Путь?

На пути Чань руку помощи, добрый совет и дружеское общество путнику даёт и составляет учитель Ханьшань. Эти следы в верном направлении, они тоже его.

Современный путник может задаться вопросом: в чём актуальность автобиографии странствующего китайского учителя XVI в. для нашего сверхзвукового общества? Мысль о том, что паровозам, ныне

устаревшим и диковинным, во времена Ханьшаня ещё только предстояло спустя века появиться, его просто рассмешит.

И тот, кто обычно пользуется чёткими, точными записями, сделанными с помощью технологий Кремниевой долины, непременно усомнится в пользе, которую можно извлечь из бледного мазка воспоминаний человека, называвшего себя Ханьшань... "Глупая гора".

Но человеческая душа не поддаётся научному анализу. Нирваны невозможно достичь на космическом челноке или по железной дороге. В наше время, как и во времена Сиддхартхи, прогресс на пути достигается развитием любви, понимания и скромности. И Ханьшань помогает нам в обретении этих сокровищ.

Кого из нас не раздражали родительские наставления, употребление родительской власти, которой во имя "пользы для будущего" его заставляли поступать так, как ему было не по душе? И годами, пока не наступит это самое "будущее", в нас сидит чувство протеста. Всякий, в ком подобного протеста сидит хотя бы толика, извлечёт большую пользу из биографии Ханьшаня. Грустно он повествует о том, как будучи счастливым благополучным ребёнком, ради получения наилучшего образования должен был быть отправлен на учёбу вдали от дома.

Разлука со всем, что ему было дорого - в особенности с его любимой матерью - была для него немыслимой, и он отчаянно протестовал, раз за разом отказываясь подниматься на борт парома, который должен был его увезти. Представьте себе боль и огорчение, которые он испытал, когда его собственная мать приказала бросить его в реку, а затем, не обращая внимания на его рыдания, повернулась и ушла, не оставив ему иного выбора, кроме как обратиться за помощью к посторонним людям. Его любовь к ней сменилась презрением и обидой, которые излечимы только безразличием. Представьте, какую он испытал боль, когда, уже будучи взрослым человеком, узнал, что все годы после его отъезда его мать регулярно ходила на реку и, сидя на берегу, лила слёзы, настолько она его любила и по нему скучала.

Ханьшаня справедливо считают одним из величайших китайских поэтов. Куда бы он ни приходил, от него требовали сочинений. Те, кому удавалось уговорить его сочинить для них стихотворение, относились к ним как к атрибуту статуса. Но Ханьшань отлично понимал, что мастерство и проницательность, за которые он заслужил признание, были результатом того "наилучшего образования", за которое его мать заплатила такую цену, и его гнев, презрение и безразличие сменились стыдом. Из любви к нему его мать пожертвовала собственным счастьем, а он отплатил ей за это бездушным холодным молчанием. Разве нам нечему поучиться на его опыте?

Кого из нас не обвиняли в проступке, которого он не совершал? И если кому пока удавалось избегнуть такой участи, то разве не опасается он возможных обвинений в будущем? Будучи неспособным доказать свою невиновность, как он перенесёт наказание? Падёт ли он до уровня лжи, или, сохранив достоинство, продолжит стремиться к своей цели, не взирая на преграды, воздвигаемые клеветой? Ханьшаня ложно обвиняли в преступлении, и описание его поведения послужит примером для подражания всякому, кого постигла подобная же участь.

Кого из нас не распирало от самодовольной гордыни настолько, что он утрачивал способность восприятия истины? Когда интеллектуальная мощь Ханьшаня начала возрастать, вместе с ней, будто стараясь не отставать, возросло и его эго. Он стал настолько заносчив, что едва не порвал со своим лучшим другом, так как тот не оказывал ему должных знаков почтения. Врезается в память нелицеприятный упрёк, который он получил от старшего духовного товарища, и который его отрезвил.

На каждой странице текст изобилует ценными уроками. Также чрезвычайно поучительны и афоризмы. Они, будучи меткими и проникая в самую суть, напрямую затрагивают источник наших заблуждений. Свет гения Ханьшаня освещает нам путь и ведёт вперёд в нашем поиске духовной чистоты.

Говоря словами 11 афоризма Ханьшаня

“Извлеки рыбу на берег и она будет помнить океан до конца своих дней. Заключи птицу в клетку и она не забудет небо. Каждый скучает по своему родному дому, по тому месту, находиться в котором ему предназначено природой.

Человек рождается в состоянии невинности. Его изначальная природа есть любовь, милосердие и чистота. И при этом он так запросто переезжает, даже не помышляя о своём старом доме. Разве это не печальней, чем участь рыб и птиц?”

Познакомившись с жизнью Ханьшаня, мы больше не будем настолько беспечны в своих переездах.

Преподобный Чуаньюань (Минчжэнь) Шакья

25 ноября 1994 г.

храм Сюйюнь

Гонолулу, Гаваи

Автобиография учителя Ханьшаня (1546-1623)[2]

(с примечаниями переводчика на русский)[3]

[2] Автобиография была записана под диктовку Ханьшаня его самым многолетним учеником Фушанем (1587?-1623? гг.) и впервые опубликована в 1658 г. при содействии Цяня Цяньи (1582-1664 гг.), одного из ведущих интеллектуалов того времени.

[3] В примечаниях использованы сведения из следующих источников:

Интернет
Zhang Dewei
1. "Challenging the Reigning Emperor for Success: Hanshan Deqing 憨山德清 (1546-1623) and Late Ming Court Politics." Journal of the American Oriental Society 134.2 (2014), pp. 263-85.
2. "Engaged but not Entangled: Miaofeng Fudeng 妙峰福登 (1540–1612) and the Late Ming Court." in "The Middle Kingdom and the Dharma Wheel: Aspects of Realatioship between the Buddhist Samgha and the State in Chinese History", Sinica Leidensia, Vol. 133, Leiden; Bostton: Brill, 2016, pp. 322-78.
3. "Where the Two Worlds Met: Spreading the Ming Beizang 明北藏 in Wanli (1573-1620) China." Journal of the Royal Asiatic Society, Volume 26 / Issue 03 / July 2016, pp. 487-508
4. "A Fragile Revival: Chinese Buddhism under the Political Shadow, 1522-1620." Ph.D. thesis, Peking University, 1999
Jiang Wu, *"Enlightenment in Dispute: The Reinvention of Chan Buddhism in Seventeenth-Century China", Oxford University Press, 2008*
Cleary, J.C. *"Zibo: The Last Great Zen Master of China", AHP Paperbacks, Berkeley, California, 1989*

Незаполненные примечания означают, что сведения не обнаружены.

Год первый (1546-7)

Я родился в семье Цай. Моим отцом был уважаемый Цай Еньгао.

Расскажу вам о своём рождении. Моя мать, в девичестве носившая фамилию Хун, всю свою жизнь поклонялась Гуаньинь. Однажды ночью в начале 1546 г. ей приснилось, что облачённая в белые одеяния Гуаньинь пришла к ней домой, ведя за руку маленького мальчика. При встрече с ними моя мать преисполнилась такого восторга, что упала на колени и обняла мальчика. Сразу после этого сна она обнаружила, что беременна! Так 12-го числа десятого месяца того года (5 ноября) я появился на свет. Моё тело было покрыто плотной белой околоплодной оболочкой, что было не только признаком удачи, но и напоминало - во всяком случае так думала моя мать - белые одеяния Гуаньинь.

Год второй (1547-8)

В возрасте одного года я заболел жестокой простудой, от которой едва не умер. Молясь Гуаньинь, моя мать дала обещание, что в случае моего выздоровления она позволит мне стать монахом. Конечно же я поправился. Тогда мать записала моё имя в

[2-1] Храм долголетия -

Храме Долголетия[2-1], после чего дала мне прозвище "хэшан" (和尚), что означает "буддийский монах".

Год третий (1548-9)

Я не был непоседливым ребёнком. Время я обычно проводил в одиночестве и никогда не стремился играть с другими детьми. Мой дед часто говорил: "Этот ребёнок всё равно что деревянная колода".

Год седьмой (1552-3)

Когда мне пришло время получать образование, я был отправлен родителями в местную школу. Никакие философские мысли не посещали меня, пока однажды не умер мой дядя. Хотя я очень любил своего дядю, я даже не знал о его болезни. Когда, вернувшись из школы, я обнаружил его безмятежное вытянутое на кровати тело, я не знал что и думать. Моя мать решила меня обмануть: "Твой дядя спит, - сказала она. - Можешь его разбудить". Я стал звать его и кричать, пытаясь его разбудить, но он не реагировал. Моей тёте это не понравилось. "Ты чего это? - сердито проворчала она. - Ты разве не видишь, что его больше нет?!"

Я не мог понять, как его могло не быть, когда он был ещё здесь. Моя мать объяснила: "Твой дядя умер. Его тело здесь, но его душа отошла".

Мне стало интересно, куда девается душа, когда тело умирает. Вскоре после этого события другая моя тётя родила сына. Мы с матерью пошли их навестить. Увидев ребёнка, я спросил: "Откуда взялся этот ребёнок?"

"Он появился из животика твоей тёти", - ответила она.

Это звучало загадочно. Тогда я спросил: "Но как он попал к ней в животик?"

Мать похлопала меня по лицу и сказала: "Глупыш! А ты откуда взялся? Из моего животика! Разве ты не знаешь, как ты туда попал?"

Я не знал, как мне это удалось, потому находился в полной растерянности. После этого у меня появился интерес к вопросам рождения и смерти. Откровенно говоря, я никак не мог это понять.

Год восьмой (1553-4)

В возрасте 8 лет меня отправили в более перспективную школу, находившуюся на противоположном берегу реки. Жить мне предстояло у родственников. Этот период моей жизни был особенно болезненным. Моя мать осознавала всю важность образования и то, что без надлежащих знаний меня ожидало безрадостное будущее. Но я был всего лишь ребёнком и этого не понимал. Всё, что я понимал - это то, что я скучал по своей матери. Я так скучал, что не мог сосредоточиться на учёбе. Пытаясь избавить меня от привязанности к ней, моя мать позволяла мне навещать дом не чаще одного раза в месяц. И в один из таких визитов я решил не возвращаться в школу. Я отказался идти на причал и садиться на паром, который ходил на другой берег. Мою мать это разозлило. Она стала бить меня палкой и гнать на причал. Но я всё равно отказывался садиться на паром. Это настолько вывело её из себя, что схватив меня за волосы, она швырнула меня в реку, после чего, даже не оглянувшись, пошла домой. К счастью, моя бабка видела всю сцену и попросила кого-то извлечь меня из воды. Будучи спасён, я к своей радости был возвращён домой.

Мать моё возвращение не обрадовало. Она кричала бабке: "Ты что, хочешь, чтобы он стал неудачником? Если он не будет успевать в школе, от него не будет толку. Я скорее согласна, чтобы он сейчас же утонул, чем остался рядом со мной и стал неудачником!" Моя бабка обвинила мать в жестокосердии. Но мать на обвинение не обратила внимания и взяла другую палку, которой погнала меня снова на причал.

На этот раз, когда я сел на паром, во мне произошла перемена. Я сделал вывод, что мать жестока и не любит меня. Я перестал по ней скучать и полностью избавился от тоски по дому. Только спустя многие годы я узнал, что мать часто ходила на причал и сидела там, проливая по мне слёзы.

Год девятый (1554-5)

Я перешёл в школу при монастыре. Каждый день я слушал декламацию монахами Сутры Гуаньинь Авалокитешвары[9-1], бодхисаттвы, способной избавить мир от страдания. Слушать её было для меня таким счастьем, что я стал просить дать мне её копию, чтобы самому научиться её декламировать. Один монах поделился ею со мной и вскоре я выучил её наизусть. Я знал, как ревностно моя мать поклонялась Гуаньинь, как она возжигала благовония и ежедневно ей молилась, но я не слышал, чтобы она хоть раз декламировала ей тексты. И однажды я спросил мать: "Ты знаешь, что у этой бодхисаттвы есть особая сутра?"

[9-1] Сутра Гуаньинь Авалокитешвары - речь, вероятно, идёт о 25-й главе Лотосовой сутры (Саддхарма-пундарика сутры), в переводе А.Н. Игнатовича озаглавленной "[Открытые] для всех врата бодхисаттвы Постигающий Звуки Мира"

Моя мать удивилась: "Нет, не знала", - ответила она. Тогда я продекламировал её сутру. Ей это очень понравилось. "Где ты этому научился? - спросила она, добавив - Ты декламируешь прямо как старый монах!"

Год десятый (1555-6)

Но более, чем я был зубрилой, я был общительным и активным. Меня утомляла учёба, и я не видел в ней никакой пользы. Моей матери приходилось заставлять меня делать уроки. Она изо всех сил старалась меня мотивировать. Всякий раз, когда я жаловался, она читала мне нотацию, убеждая, что, имея образование, я смогу стать государственным чиновником. Я рассматривал этот вариант.

"Чиновником какого ранга?" - спросил я.

"Любого ранга, - сказала она. - От низшего до высшего. А что, если человек способный, он может стать и премьер-министром".

"А после того, как он стал премьер-министром?" - спросил я.

"А после того он может уйти на пенсию!" - ответила она.

Я полагал, что могу выиграть спор. "Тогда, - говорю я, - какой смысл всю жизнь так тяжело трудиться ради высокой должности, чтобы, достигнув цели, уйти на покой?"

"На твоём месте я бы не рассчитывала на получение высокой должности, - парировала она. - У тебя недостаточно способностей".

А урезонив моё эго, она попыталась направить меня не религиозную стезю: "Возможно, у тебя получится стать странствующим монахом". Мне стало любопытно. "Кто он, странствующий монах? Стоит ли им становиться?" Она объяснила, что странствующие монахи - это ученики Будды, путешествующие по всей стране, принимая подаяния от людей. Кроме того она сказала, что эти монахи поистине свободны. Я призадумался. Свободны и живут за счёт подношений.

"Мне это подходит", - заявил я.

"Если тебе так кажется, - сказала она, - то значит ты не обладаешь правильным расположением духа".

"Что значит правильным расположением духа?"

"Люди, стремящиеся стать буддами или патриархами, - это не просто бродячие учёные. Это святые люди, преданные Дхарме".

Я задумался. "Я могу быть святым, - сказал я, - но достаточно ли этого для того, чтобы ты позволила мне покинуть дом и стать странствующим монахом?" "Знаешь что, - ответила она, - если ты станешь святым, я позволю тебе стать монахом".

С того момента мысль о том, чтобы стать монахом, прочно поселилась в моей голове.

Год одиннадцатый (1556-7)

Однажды наш дом посетили несколько монахов. Они были подпоясаны кушаками, носили бамбуковые шляпы и казались мне диковинными.

Я спросил у матери: "Кто эти люди?"

"Это - странствующие монахи" - ответила она.

Наконец я мог увидеть, как странствующие монахи выглядят. Я наблюдал, как, сложив на земле под деревом свои вещи, они пришли за подаянием еды.

Моя мать обошлась с ними очень уважительно. "Достопочтенные господа, прошу присаживаться" - сказала она, тотчас встав и принявшись хлопотать над приготовлением для них чая и угощения.

Завершив трапезу, она взяли свои вещи и собрались уходить. В момент, когда они стали возносить руки в жесте благодарности, моя мать остановила их со словами: "Достопочтенные господа, прошу не благодарить меня". Монахи немедленно развернулись и ушли.

Я решил, что монахи проявили невежливость. "Они всё равно должны были тебя поблагодарить" - сказал я.

"Нет, - ответила мать, - стань они настаивать на выражении мне благодарности, мне пришлось бы её принять, но тогда я бы не заработала никаких заслуг. Моё пожертвование было бы дано не безвозмездно, во имя любви к Дхарме, а в обмен на их благодарность". Так я понял, что то, в чём я усмотрел невежливость, было на самом деле величайшим благодеянием. Тогда я смог понять и то, почему монахи пользовались таким большим уважением. После этого случая у меня по-настоящему возникло желание стать монахом, и я жалел лишь о том, что для монашества ещё не обладал достаточной степенью святости.

Год двенадцатый (1557-8)

Дела мира меня совершенно не интересовали. Когда я узнал, что отец подыскивает для меня невесту, то сразу пресёк его попытки. Я не хотел жениться.

Однажды от монаха, прибывшего из Нанкина, я узнал о некоем Силине, весьма благочестивом человеке, который был настоятелем храма Баоэнь[12-1]. Я захотел изучать Дхарму и именно у него. Но, естественно, когда я сообщил отцу, что хочу покинуть дом и отправиться в Нанкин изучать буддизм, мой отец не дал своего согласия. Тогда я обратился к матери, а она поговорила с отцом.

[12-1] Храм Баоэнь (Баоэнь сы) - располагался на южном берегу реки Циньхуай, протекающей через г. Нанкин, являясь в начале правления династии Мин одним из трёх, наряду с Тяньцзе и Лингу, крупнейших монастырей, финансируемых за счёт средств государственной казны, который однако пришёл в упадок после переноса столицы из Нанкина в Пекин в 1421 г. В значительной степени разрушен во время Тайпинского восстания в XIX в.

Она сказала отцу: "Мы воспитывали его с мыслью о том, что он добьётся своих целей. Такова его цель, давай не будем ему препятствовать в её достижении". Так она убедила отца, и в десятом месяце года я отправился на учёбу в храме Баоэнь.

Настоятель Силинь[12-2], казалось, был рад меня видеть. “Этот отрок не такой, как другие! Жаль будет, если он станет всего лишь обычным человеком". Настоятель Силинь повёл меня на встречу с учителем Уцзи[12-3], который давал лекции по Дхарме в Зале Трипитаки в храме. Там я познакомился с великим учёным Чжао Дачжоу[12-4], который меня похлопал, сказав: "Этот парень станет учителем людей и небес". Затем он спросил: "А ты кем больше хочешь стать, чиновником или буддой?"

[12-2] Настоятель Силинь - Силинь Юннин (1483–1565 гг.), с 1531 г. настоятель монастыря Баоэнь, с 1541 г. служащий Центрального буддийского реестра при правительстве. В Баоэнь стремился сократить образовательный разрыв между монахами и местным дворянством, поощряя изучение первыми конфуцианства, что принесло плоды, повысив статус монахов в Нанкине.
[12-3] Учитель Уцзи - Уцзи Минсин (1512-1574 гг.), после обучения в Пекине принёс на юг знания школы хуаянь и йогачара.
[12-4] Чжао Дачжоу - также Чжао Чжэньцзи (1508-1576 гг.), неоконфуцианский мыслитель, который принадлежал к тяготевшей к чань-буддизму тайчжоуской философской школе (тайчжоу сюэпай) Ван Янмина, и который поощрял изучение буддийских писаний в качестве средства, обогащающего практику конфуцианского самосовершенствования.

Я немедля ответил: "Буддой".

"Этот парень особенный, - сказал Чжао. - Мы должны хорошенько его обучить, - и великодушно добавил, - Думаю, однажды он станет великим человеком".

Посещая лекции по Дхарме, я не всегда ухватывал буквальное значение сказанного, но интуитивно понимал его. И пока я их слушал, меня всякий раз охватывало чудесное чувство. Казалось, что Дхарма - это песня, которую я когда-то знал, но забыл, а теперь, слушая эти обрывки мелодии, по нескольку отдельных тактов, я начинал её узнавать, хоть ещё и не мог восстановить в памяти целиком.

Кроме того, я приобрёл своего первого брата по Дхарме, Сюэлана[12-5]. Ему было 13 лет, на год старше меня. Он недавно покинул дом, чтобы стать монахом под руководством учителя Уцзи, и был первым, кто собирался вступить на религиозную стезю в таком юном возрасте. Он прибыл с учителем Уцзи, первым, кто давал в нашей местности лекции по Дхарме.

[12-5]Сюэлан - Сюэлан Хунъэнь (1545–1607/8 гг.), в будущем настоятель храма Баоэнь, один из главных учителей в южном регионе (Цзяннань), специализировавшийся на учении школ хуаянь и йогачара, в частности возродивший изучение доктрины йогачары, составив коллекцию из 8 главных текстов школы под названием "8 ключевых текстов йогачары" (Сяньцзун баяо).

Год тринадцатый (1558-9)

Прежде всего учитель настоятель назначил монаха по имени Цзюнь моим наставником. Цзюнь был образован и обладал очень хорошим характером. Моё обучение он начал с Лотосовой сутры, и менее чем через четыре месяца я мог декламировать её напамять.

Год четырнадцатый (1559-60)

Я продолжал учёбу под руководством Цзюня, заучивая напамять многие другие популярные сутры. Это, конечно, радовало настоятеля. "Всякий, кто учится так хорошо, нуждается в основательном руководстве" - сказал он. И тогда для меня был найден ещё один хороший наставник.

Год пятнадцатый (1560-1)

По просьбе настоятеля моё обучение мой наставник начал с классической китайской литературы, необходимой для академических экзаменов. Стоило мне продемонстрировать свою способность усвоить предмет, как мне добавили для изучения Четверокнижие[15-1]. Весь год я проболел.

[15-1] Четверокнижие (Сы шу) - классические конфуцианские трактаты: Да сюэ ("Великое учение"), Чжун юн ("Срединное и низменное"), Лунь юй ("Суждения и беседы") и Мэн цзы, отобранные Чжу Си в период правления династии Сун, которые в периоды династий Мин и Цин составляли основу официальной программы обучения при подготовке к государственной службе.

Год шестнадцатый (1561-2)

В этом году я завершил изучение Четверокнижия и мог продекламировать его от начала до конца, не пропустив ни единого слова.

Год семнадцатый (1562-3)

Демонстрируя своё владение Четверокнижием, я изучал Пятикнижие[17-1], Книги мудрецов, историю, древнюю литературу и поэтику. Я начал сочинять поэзию и эссе, которые ценились среди моих одноклассников.

[17-1] Пятикнижие (Уцзин) - пять классических произведений древнекитайской литературы: Ши-цзин ("Книга песен"), Шу-цзин ("Книга преданий"), Ли-цзи ("Книга ритуалов"), Чжоу-и ("Чжоуские перемены") или И-цзин ("Книга перемен), Чунь-цю ("Хроники весны и осени").

Год восемнадцатый (1563-4)

Мой восемнадцатый год не был благополучным. Прежде всего помощник главного экзаменатора преподавал только даоизм. Сам будучи невеликим даоистом, он требовал от учеников порхать вокруг него, повторяя как попугаи произносимые им цитаты из классических источников даосской мудрости. Кто не плясал

под его дуду, не переводился на следующую ступень. Я считал такое положение вещей позорным и хотел бросить учёбу. К счастью, весь тот год я был ещё и болен, потому мне не нужно было ходить на уроки.

Год девятнадцатый (1564-5)

Единственным, что интересовало меня и моих одноклассников, был поиск кратчайших путей к успеху. Для меня это означало отправиться в столицу и выдержать академические экзамены; поэтому я занялся подготовкой необходимых заявок. Случилось так, что пока я всем этим занимался, учитель Юньгу[19-1], имевший око истинной Дхармы, стал регулярно посещать монастырь на горе Цися[19-2]. Для меня было большой честью отправиться туда и прислуживать ему в течение месяца во время его визитов.

[19-1] Учитель Юньгу - Юньгу Хуэй, также Юньгу Фахуэй (1500-1579 гг.), учитель чань, проповедовавший в храме Цися.

[19-2] Цися - гора в окрестностях Нанкина, на которой расположен буддийский храм, сооружённый в 489 г. Здесь находился один из 4-х основанных при династии Тан (618-907 гг.) буддийских монастырей.

Когда учитель Юньгу узнал, что я намереваюсь держать академические экзамены, у него возникло опасение, что я оставлю монашескую жизнь, и по этой причине у нас с ним состоялся обстоятельный мужской разговор. Он великолепно аргументировал своё мнение о том, что мне надлежит стать монахом и следовать по пути чань. Рассказывая о сознании со всеми его чудесами, он заверил меня, что отказавшись от мирских желаний и практикуя чань, я тоже смогу достичь необычных состояний сознания. Он поведал мне биографии каждого из учителей прошлого и об их великих достижениях.

Некоторое время спустя мне попалась книжица изречений Чжунфэна[19-3], я принялся её читать и сразу понял, что нашёл свой истинный путь. Читать эту книгу было сплошным удовольствием! Со всеми его постулатами я был полностью согласен. Не раздумывая, я принял решение стать монахом и вступить в сангху. Я попросил настоятеля меня обрить, сжёг все свои книги и сочинения и посвятил себя практике чань, насколько я имел о ней представление.

[19-3] Чжунфэн - Чжунфэн Минбэнь (1263–1323 гг.), учитель чань школы Линьцзи. Ему принадлежит идея сравнения изречений учителей чань с записями публичных судебных процессов, что дало название жанру парадоксальных диалогов учителей чань - "гун ань" (кит.), более известное в его японском произношении "коан".

Не имея ни письменного руководства, ни учителя, я мало что знал о разнообразных техниках чань, поэтому мне приходилось довольствоваться элементарной практикой сосредоточения ума на Будде Амитабхе и повторения его имени. Днём и ночью я непрерывно декламировал его священное имя. Затем однажды мне приснился сон о Будде Амитабхе. Он стоял в воздухе над землёй достаточно высоко, чтобы я мог, став перед ним на колени, смотреть прямо на его стопы. Я медленно перевёл взгляд вверх и, когда увидел его сияющий лик, меня всего наполнила любовь к нему. Затем я помолился Гуаньинь-Авалокитешваре и Махастхамапрапте[19-4], двум бодхисаттвам, которые ему прислуживают, и они тотчас появились в половину размера. Впоследствии, когда бы я ни молился, передо мной возникали все эти три обитателя Западного Рая: Будда Амитабха, Гуаньинь-Авалокитешвара и Махастхамапрапта. По этому признаку я знал, что моя практика будет успешной.

[19-4] Махастхамапрапта (обретение великой силы) - один из 8-ми великих бодхисаттв Махаяны, входящий в почитаемую в школе Чистой земли тройку бодхисаттв, состоящую помимо него из Амитабхи и Авалокитешвары. Изображается как правило в женском облике.

Той зимой я получил полное монашеское посвящение под руководством учителя Уцзи.

То было увлекательное время. В зале, в котором я принял постриг, который на самом деле был залом для медитации чань, проводились и лекции по Дхарме, и поскольку учитель Уцзи принял приглашение прочитать здесь лекции по "Хуаянь сюаньтань", комментарию учителя Цинляна[19-5] на Аватамскака-сутру, я остался, чтобы их послушать.

[19-5] Учитель Цинлян - также известный под именем Чэнгуань (737-838 или 738-839 гг.), учёный и 4-й патриарх школы Хуаянь (Аватамсака), ставший монахом в 11 лет и носивший титул национального учителя (гоши), пожалованный ему императором Сяньцзуном (правл. 805-820 гг.).

Когда учитель Уцзи дошёл до главы "Десять чудесных врат самадхи, глубокого как океан", я вдруг понял, как все вещи связаны с дхармадхату, духовной основой реальности. Моё понимание было настолько отчётливым, что, находясь под сильным впечатлением от личности учителя Цинляна, я решил называть себя "Чэнъинь", что означает "чёткий отпечаток".

Но даже будучи уверен в своём прозрении её смысла, я всё же пошёл к учителю Уцзи и попросил его испытать моё понимание. Что он и сделал. "Ты знаешь, - спросил учитель Уцзи, - почему эта гора зовётся "Цинлян"[19-6]?"

[19-6] Гора Цинлян (Цинляншань) - вероятно речь идёт либо о горе в провинции Шаньси, также носящей название Утайшань, являющейся крупным центром китайского буддизма и одной из его четырёх священных гор, либо о горе в провинции Цзянсу на территории нынешнего Нанкина, где находился буддийский храм, а в XVI в. был построен буддийский монастырь Цинлян-сы.

Я не знал, и он объяснил, что зимой вершина горы покрыта льдом, а снег там идёт даже летом. Это место не подвержено воздействию солнечного тепла.

"Будь как гора Цинлян, - сказал он, - и всегда сохраняй её присутствие в своём уме".

С того дня, независимо от того, где я находился и чем занимался, белоснежный пейзаж горы Цинлян заполнял моё воображение. Я буквально продолжал жить на этой горе. Кроме этого меня мало что интересовало. Я отмежёвывался от всего остального мира.

Год двадцатый (1565-6)

В этом году 16-го числа первого месяца скончался настоятель Силинь. Всего за девять дней до этого он оделся и пошёл проститься лично с каждым монахом. Все были ошарашены. Спустя три дня после этих прощаний он отдал всем распоряжения о том, как действовать после его смерти. В тот момент он был болен, но отказывался принимать лекарство со словами: "Когда пришло время уходить, какая польза от приёма лекарств?" Он собрал своих учеников, и в течение пяти дней и ночей все декламировали имя Будды Амитабхи. А потом, держа чётки у груди, настоятель скончался. Он был настоятелем храма Баоэнь в течение 30-ти лет. Его любимой сутрой была Алмазная сутра, которую он ежедневно декламировал на протяжении всей своей жизни.

Разумеется, возник вопрос преемника. За два года до этого, накануне Нового года настоятель собрал всех своих учеников и сказал: "Мне 83 года и я скоро покину эту землю. И хотя у меня более восьмидесяти учеников, никто не сможет занять моё место". Нас это озадачило. Тогда настоятель похлопал меня по спине и сказал: "Хотел бы я увидеть, как он взрослеет, но это уже невозможно. Да, пусть он молод, но он обладает способностями взрослого человека. После моей смерти, не смотря на его молодость, именно с ним следует советоваться по вопросам монастырского уклада".

Все были поражены, когда через два месяца после смерти настоятеля, 18-го числа третьего месяца, в его комнатах вспыхнул пожар, и они сгорели. Теперь мы понимали смысл его слов. Никто не мог его заменить.

В десятом месяце этого года в храме Тяньчи[20-1] учитель Юньгу организовал собрание, посвященное чаньской медитации. Участвовать в нём дали согласие 53 известных учителя, и хотя сам я никаким учителем не был, учитель Юньгу настаивал и на моём участии. Он также настаивал, чтобы настоятель храма Баоэнь позволил мне принять участие в мероприятии. К счастью, настоятель согласился, и я смог присоединиться к участникам.

[20-1] Тяньчи - возможно речь идёт о храме, расположенном на горе Цзюхуа в провинции Аньхой, одной из четырёх священных для китайского буддизма гор.

В сущности, я был всего лишь начинающим, и, как полагается начинающему, испытывал трудности в контроле ума. Сделав подношение благовонной палочки в знак уважения, я обратился к учителю Юньгу с просьбой дать мне наставления. Он сказал, что последующие три месяца мне следует заниматься только решением гунъань "Кто есть тот, кто повторяет имя Будды?"

Я полностью погрузился в практику, но слегка переусердствовал. В самом начале, несомненно по причине перенапряжения, у меня на спине образовался большой красный нарыв. Учителя это обеспокоило настолько, что я боялся, как бы он не запретил мне практиковать мой новый метод медитации. Я облачился в рясу и отправился помолиться перед святилищем охранителя монастыря Вейто[20-2]. "О, защитник храма, - молился я, - нет сомнений, что я повинен в тяжком грехе и должен претерпеть это недуг, дабы искупить его. Я не прошу тебя об освобождении меня от долга, но только об отсрочке его уплаты до завершения мной трёхмесячного курса медитации. В знак моей веры я десять раз продекламирую Аватамсака-сутру".

[20-2] Вейто пуса - бодхисаттва, один из восьми небесных защитников китайского буддизма, считается охранителем монастырей, изображается в образе полководца в доспехах.

Только в полночь, выбившись из сил, я смог наконец заснуть на медитационном коврике. Проснувшись, я уже не помнил о своём нарыве. Но помнил учитель. На рассвете он справился о моём недомогании, и я заверил его, что со мной всё в порядке. Он настоял на самостоятельном осмотре моего нарыва, и ко всеобщему удивлению обнаружил, что он полностью стух. Так я получил возможность продолжить свою медитацию на гунъань, в которую я погрузился настолько безоглядно, что последующие три месяца жил как-будто во сне. Я не замечал присутствующих. Я даже не знал, что происходит. Отправившись на многолюдный рынок, я не замечал никого. Не сомневаюсь, что моё достижение другие монахи считали обычной невменяемостью, но я знал, что достиг полного сосредоточения.

Своим успехом в восточных провинциях к югу от реки Янцзы чань был обязан главным образом усилиям учителя Юньгу. До организации им собрания чаньских учителей у монахов было принято носить обычную красочную одежду. После собрания, однако, я твёрдо решил изменить этот обычай. Я перестал носить одежду мирянина и облачался только в монашескую рясу. Но выходя на улицу, я чувствовал на себе косые взгляды людей.

Год двадцать первый (1566-7)

На следующий после собрания чаньских учителей год, 28-го числа второго месяца на храм Баоэнь обрушилось бедствие. Во пять вечера во время грозы в ступу ударила молния, и святилище охватил пожар. К семи часам весь комплекс представлял собой пепелище. За каких-то 2 часа 140 построек - комнаты, залы, расписные коридоры - превратились в прах.

Император возложил ответственность за убытки на руководство монастыря, и гражданским властям было дано распоряжение арестовать нового молодого настоятеля и 18 старших монахов. Их заключили в тюрьму, находившуюся от монастыря приблизительно в 10 километрах[21-1]. Большинство оставшихся монахов, не желая разделить их участь и не имея, где жить, поспешно бежали. Несколько монахов, решивших остаться среди руин, были настолько подавлены, что не знали как быть дальше. Они лишились как своего дома, так и своих руководителей.

[21-1] Обвинение заключалось в допущении ущерба государственному имуществу, так как Баоэнь финансировался из государственной казны. Этим можно объяснить столь суровое наказание.

Памятуя хорошее мнение прежнего настоятеля обо мне и его завет по вопросам монастырского уклада обращаться ко мне за советом, желая оправдать его доверие, я тотчас принялся исправлять ситуацию. Обязанность кормления заключённых лежит на их семье и друзьях, поэтому доставку еды настоятелю и старшим монахам я сделал своим первоочередным заданием. На протяжении трёх месяцев мы ежедневно собирали корзину квашеных овощей, которую отвозили в тюрьму. Нам помогали другие монахи и друзья; и благодаря нашим совместным усилиям настоятель со старшими монахами смогли выдержать тюремное заключение. В конце концов по прошествии трёх месяцев их освободили.

Но молодой настоятель, явно сломленный перенесёнными невзгодами, вскоре умер, оставив храм без руководства и общины.

Прежний настоятель после себя не оставил средств. Даже хоронили его на средства, взятые в долг. Вторым по важности заданием, которое я себе определил, была выплата старых долгов храма. Без их возврата кредиторы забрали бы в их счёт храмовые земли и оставшееся имущество, что стало бы концом для религиозной общины. Благодаря нашей тяжёлой работе и щедрости сторонних людей, мне удалось собрать достаточно денег для выплаты старых долгов и поддержки ещё на некоторое время оставшихся монахов.

С Сюэланом, моим братом по Дхарме и закадычным другом, мы решили отстроить храм Баоэнь. Но поскольку средств у нас не было, это предприятие не обещало быть лёгким. Мы также понимали, что даже более, чем денег, наш план требовал терпеливости, усилий, мудрости и честности; поэтому мы поклялись оставаться верными Дхарме, ожидая благоприятного момента для начала работ.

Затем я решил отправиться в паломничество. Его первый отрезок я проделал зимой, посетив храм Тяньцзе[21-2], где прослушал лекцию учителя Уцзи о Лотосовой сутре.

[21-2] Тяньцзе - монастырь на территории Нанкина.

Мне подумалось, что следующий отрезок своего путешествия неплохо было бы пройти с попутчиком, поэтому я пытался подыскать таких в храме Тяньцзе, но не нашёл никого.

Однажды я вдруг осознал, что отхожие места всегда находились в идеальном порядке. Только незаурядный человек мог неизменно хорошо выполнять работу по уборке в них. Я разузнал имя этого монаха и отправился пргласить его присоединиться ко мне в путешествии, но он отказался со мной встретиться, сославшись на болезнь. Это показалось мне странным, поскольку по утрам отхожие места всегда бывали убраны. Когда же он работал?

В одну из ночей я специально не лёг спать и пошёл к к отхожим местам посмотреть на процесс уборки. Но напрасно, так как они уже были вычищены. Поскольку вокруг было сухо, я предположил, что в них убрали раньше, вероятно во время вечерней медитации.

Но мне не довелось разгадать эту загадку - монах-уборщик перестал чистить отхожие места. Они снова стали загаженными. Я поинтересовался у руководителя, куда подевался этот монах, и он сказал, что тот очень болен и лежит в комнате для гостей. Я немедля отправился его навестить и нашёл его в ужасном состоянии, желтушным и страдающим от расстройства пищеварения. Я спросил, как он себя чувствует, на что он ответил: "Моё здоровье никуда не годится, даже когда оно в порядке. А когда оно расстраивается, то и вовсе невыносимо".

"В чём же дело?" - спросил я.

"Видишь ли, - признался он, - хорошее самочувствие или плохое, но у меня не пропадает аппетит, поэтому вид или запах пищи вызывают у меня желание поесть. Но при плохом самочувствии мой организм не принимает пищу, как ты сам можешь убедиться".

Я подумал, что сладкие пирожные ему будет легче переварить[21-3], и принёс ему несколько штук. В ответ на мой вопрос о его имени он сказал: "Мяофэн[21-4]. Я родом из Фучжоу[21-5]".

Я предложил ему стать моим попутчиком в путешествии и дал время подумать над моим предложением, но несколько дней спустя он пропал, не сказав ни слова. Вероятно ему не нравилось доставляемое мной беспокойство. Я пожалел о его отъезде.

[21-3] В пересказе этого эпизода исследователь Чжан Дэвэй (Zhang Dewei) упоминает признание Мяофэна в любви к паровым пирожкам (баоцзы). Когда Ханьшань принёс ему пирожные с фруктами, весь этот гостинец Мяофэн тут же съел за один присест и без какого-либо стеснения, что Ханьшань похвалил как "истинное поведение человека, культивирующего Путь". По мнению Чжана Дэвэя в этом поступке, как и в добросовестной чистке им туалетов, проявились плоды чаньской практики Мяофэна, в которой он усердно подвизался до того момента, то есть способность действовать естественно, спонтанно и сообразно обстоятельствам без каких-либо комплексов и зажимов.

[21-4] Мяофэн - Мяофэн Фудэн (1540-1612/3 гг.), чаньский монах, известный своими строительными проектами. Уроженец Пинъяна, пров. Шаньси (почему далее в тексте сказано, что он из Фучжоу неясно, либо это ошибка перевода, либо Ханьшаня, что маловероятно, так как в главе *Год тридцатый (1575-6)* родным городом Мяофэна он называет Пинъян). В семь лет остался круглым сиротой после гибели родителей во время голода, в 26 получил монашеское посвящение. Участвовал в строительстве и восстановлении многих буддийских культовых сооружений и объектов инфраструктуры. На исходе жизни был удостоен редкого императорского титула "Истинный сын Будды" (чжэньчжэн фоцзы) и на его похороны были выделены средства из государственной казны.
В Тяньцзе он прибыл в том же 1567 году, путешествуя по разным монастырям и практикуя буддийское учение. Там он посещал лекции учителя Уцзи по Лотосовой сутре и трудился в качестве уборщика туалетов (цзинтоу).

[21-5] Фучжоу - ныне город в провинции Фуцзянь.

Год двадцать второй (1567-8)

Продолжение моего путешествия было отложено ещё на некоторое время, так как я вернулся заняться делами в храме Баоэнь. По моей рекомендации настоятелем храма стал учитель Юньгу. Мы надеялись, что он приумножит редеющую общину.

Проблема долгов решалась непросто. Я взял взаймы тысячу золотых монет, чтобы оплатить расходы по частичному восстановлению храма и, разумеется, поддержанию сангхи. сангха не могла выплатить долг, и мне пришлось договориться о его рассрочке на три года.

Светские власти распорядились открыть при храме бесплатную школу. Поскольку меня попросили заняться преподаванием, мне пришлось заново учить классическую литературу и снова становиться учёным. У нас обучались более 150-ти учеников.

Годы двадцать третий, четвёртый и пятый (1568-71)

С открытием при Баоэнь школы и кафедры у меня появилась возможность зарабатывать деньги преподаванием в других школах при монастырях. В течение одного года я преподавал в храме Гаоцзо[23/5-1] и двух лет - в монастыре Цзиньшань[23/5-2].

[23/5-1] Гаоцзо - храм на территории Нанкина, известный двумя источниками.
[23/5-2] Цзиньшань (золотой холм) - монастырь на холме с одноимённым названием на берегу р. Янцзы, северо-западнее г. Чжэньцзян в провинции Цзянсу.

Год двадцать шестой (1571-2)

Вернувшись в храм Баоэнь и сумев выплатить все оставшиеся долги, я наконец мог отправиться в долгожданное паломничество. С Сюэланом мы направились на гору Лушань[26-1].

[26-1] Лушань - гора на севере провинции Цзянси. Известна, в частности, как место зарождения секты Чистой земли.

Дойдя до Нанькана[26-2], мы узнали что в округе рыскают тигры, и что идти на гору небезопасно. Это дало нам удобный повод направиться в Цзиань[26-3].

[26-2] Нанькан - с 2013 г. район г. Ганьчжоу в провинции Цзянси.
[26-3] Цзиань - речь, вероятно, идёт о городе в центре провинции Цзянси, который расположен севернее Нанькана.

В Цзиане мы отправились в Цинъюань[26-4], где обнаружили руины храма. Монахи, которые там всё ещё жили, носили длинные волосы. Меня снова захватило желание отстроить храм. Уже чувствуя себя знатоком, я сразу же обратился к местным властям, получил от них добро, отобрал около сорока молодых крепких монахов, обрил их и провёл с ними беседу о работах по восстановлению храма. К лету я уже мог оставить Цинъюань в надёжных руках.

Если упомянутые до сих пор населенные пункты были идентифицированы верно, то маршрут Ханьшаня выглядит несколько нелогично. Нанькан, где путники узнали, что из-за тигров идти на гору Лушань опасно, находится южнее самой горы, а Ханьшань двигался со стороны храма Баоэнь в Нанкине, то есть с севера, поэтому для того, чтобы попасть в Нанькан он должен был сначала миновать ту гору, которая и была целью его путешествия.

[26-4] Цинъюань - ныне район г. Цзиань в центре провинции Цзянси.

Той зимой, в одиннадцатом месяце, я решил продолжить паломничество. Приготовив свою чашу для риса, я объявил, что направляюсь на север. Сюэлан запротестовал. Он не видел логики в походе на север зимой. Но я ему сказал, что в том-то весь смысл и заключается. Отправься я на юго-восток, в живописные провинции, как он предлагал, это стало бы прогулкой, а не паломничеством. Я ему сказал: "Учти, комфортные условия жизни скоро становятся дурной привычкой. Без преодоления трудностей ты становишься ленив". Он всё равно не видел пользы в усложнении пути, но я знал, что, если я намерен когда-либо обрести настоящую власть над своим умом, мне нужно преодолевать трудности. Поэтому я взял свою чашу и отправился в дорогу.

Год двадцать седьмой (1572-3)

Дальше Янчжоу[27-1] я продвинуться не смог. Сильный снегопад преградил мне путь. Уставший и больной я отправился на рынок просить подаяния, но как жалостливо я ни просил, никто мне ничего не подавал. Другим нищенствующим монахам, подобно мне застрявшим в пути, везло не больше. Что творилось с людьми в Янчжоу? Я об этом долго и глубоко размышлял. И у меня возник ответ. Я взял все остававшиеся у меня деньги, собрал монахов всех вместе и устроил для них угощение в трактире. Это был такой способ стимулирования. Если мы хотели найти ключ к благополучию города, нам следовало самим внести в него свою лепту. Теперь, когда мы заговорили на их языке, горожане проявляли по отношению к нам бóльшую щедрость во время сбора нами подаяния. Я был горд тем, что смог додуматься до этой стратегии. Решение было простым, но в то же время работало мощнее тысячи храмовых колоколов.

[27-1] Янчжоу - город в провинции Цзянсу.

Мои чаша для подаяний и ряса! Это всё, что мне было нужно. Найдя решение проблемы пропитания, своей независимостью я был обязан своей тёплой рясе. В честь этого облачения я сочинил следующее стихотворение:

"Ты укутываешь меня и принимаешь удобную мне форму,

Пленяя сердце моё.

Не желаю я бегством спасаться.

Внутри тебя есть у меня всё, что нужно.

Понимаешь ли ты, как ты прекрасна?

Грациозные твои рукава полощатся на ветру

Как дикого лебедя крылья.

А когда распахну я тебя,

И ветер наполнит тебя,

Вздымаешься ты словно облако,

Уносящее меня в небеса развлекаться среди драконов.

В тебе находясь, я свободен.

Я могу восходить на холодные горы и не покидать их вершин.

Шёлк вниз меня стащит. Не ты.

Ты говоришь: "Оставайся и чувствуй себя как дома!"

Убежище тёплое в зыбучих снегах."

В середине года, в седьмом месяце, я пришёл в Пекин, где не мог найти ни пропитания, ни ночлега. Целый день я провёл в тщетных поисках, но вечером в Тайпине удостоился скромного ужина в чайной и разрешения переночевать в храме Ицзяо[27-2] в Хэцао. На следующее утро весть о моём прибытии дошла до чиновника Вана Бою. Он послал за мной и из уважения к своему брату, Вану Чжунъяну, который был членом общины Ицзяо, позволил мне ещё 10 дней пожить в монастыре.

[27-2] Храм Ицзяо - существовал на западе старой части Пекина до XX в.

После этого визита я отправился к учителю Дхармы Маха Чжуну и последовал за ним в храм Сишань[26-3] послушать его лекцию по "Мяоцзун чао"[27-4], комментарию на Сутру медитации Будды Амитабхи[27-5]. После лекции учитель Дхармы Маха Чжун пригласил меня остаться зимовать, посещая его лекции по Лотосовой сутре и Виджняна-матре[27-6]; я с радостью принял приглашение. Кроме того я спросил учителя, не будет ли он любезен преподать мне уроки формальной логики и, в частности, силлогизма.

[27-3] Сишань - возможно речь идёт о храме Сишань Дацзюэ, построенном в 1068 г. у подножия горы Янтай, ныне на северо-западе городского ядра Пекина в районе Хайдянь.
[27-4] "Мяоцзун чао" - подкомментарий Симина Чжили (960–1028 гг.) на комментарий к Амитаюрдхьяна-сутре, приписываемый основателю секты Тяньтай Чжи-и (538–597 гг.) [из Encyclopedia of Religion (2005), статья Jingtu].
[27-5] Сутра медитации Будды Амитабхи - Амитаюрдхьяна-сутра.
[27-6] Виджняна-матра - речь идёт либо о "Виджняптиматрасиддхи-шастре" Дхармапалы, переведённой на кит. язык Сюаньцзаном, либо о самой доктрине "виджнянаматра" философской школы йогачара или виджнянавада, согласно которой единственной реальностью является сознание.

Наверное мне было немного одиноко, и я скучал по своим старым друзьям. Куда бы я ни пошёл, я либо надеялся повстречать Мяофэна, либо вспоминал Сюэлана, которого ранее покинул. О Сюэлане я даже сочинил стихотворение.

И в один прекрасный день одиннадцатого месяца ко мне в гости неожиданно пожаловал Мяофэн. Он отрастил длинные бороду и волосы и был одет в грубую одежду. Будучи верным своей склонности к загадочности, спрашивая разрешения встречи со мной, он представился торговцем солью. Войдя ко мне в комнату, он спросил: "Ты меня узнаешь?"

[27-7] В главе *Год двадцать первый (1566-7)* сказано, что с Мяофэном Ханьшань познакомился в монастыре Тяньцзе. Поэтому здесь либо ошибка перевода, либо храм Тяньчи находился на территории монастыря Тяньцзе.
[27-8] Перед своим визитом Мяофэн столкнулся с

Мне потребовалось несколько мгновений, чтобы узнать глаза монаха-уборщика из храма Тяньчи[27-7]. "Конечно узнаю" - сказал я.

"Моя внешность довольно сильно изменилась!" - констатировал он.

На что я ответил: "Да, но твоё "изначальное лицо" ничуть не изменилось". Мы оба рассмеялись и некоторое время сидели молча, наслаждаясь радостью встречи[27-8].

Мяофэн остановился в храме Лунхуа[27-9]. Во время его второго визита[27-10] на следующий день мы просидели за разговором весь вечер. Он объяснил, что длинные волосы и бороду он отрастил, потому что долго жил высоко в горах. У подножия горы был старый разрушенный храм, который решил восстановить благотворитель, принц Шаньиня[27-11]. Принц попросил Мяофэна посетить храм Сишань с тем, чтобы доставить оттуда Трипитаку для восстановленного храма. Он спросил меня, по какому делу я здесь нахожусь и я ответил: "Как по какому? Чтобы разыскать тебя, конечно... и посмотреть столицу". Я также сказал ему, что искал совета различных учителей о наиболее действенном способе контроля над своими блуждающими мыслями.

Под конец нашего всенощного общения Мяофэн признался: "После того, как мы расстались, я всё время о тебе вспоминал. Я боялся, что мы больше не увидимся. Теперь, когда мы снова вместе, я с радостью отправлюсь с тобой собирать подаяние". Потом он добавил: "Я даже буду охранять тебя от собак".

"Конечно" - ответил я, улыбаясь. Светало.

Мои визиты к различным мастерам принесли мне не слишком много пользы. Выразив почтение учителю Пяньюну, я умолял его обучить меня практике чань. В ответ он лишь отстранённо на меня посмотрел.

Посетив учителя Шаояна, я умолял его о том же самом. В ответ он спросил: "Ты откуда прибыл?"

Я сказал: "С юга".

"Ты помнишь дорогу, которая тебя сюда привела?"

"Я не особенно старался удержать её в памяти, после того, как добрался до пункта назначения" - ответил я. "Главное, будь постоянно в пути... постоянно иди прочь" - сказал он.

Я отвесил поклон и стоял в ожидании наставлений, но он только сказал несколько слов о трансцендентальной доктрине. Тогда, удовлетворившись его советом, я откланялся. Только спустя много лет я понял, что его совет "идти прочь" означал то, что мне не следует привязываться к какому-либо месту... или человеку.

Год двадцать восьмой (1573-4)

В первый месяц я отправился на Утайшань[28-1]. Я купил экземпляр "Жизнеописания Цинляна[28-2]" и посетил места, упомянутые в тексте. Гора Ханьшань (Гора глупцов) показалась мне такой умиротворённой и необычайно красивой, что я решил взять её название себе [в качестве имени]. Гора вдохновила меня на следующее стихотворение:

"Эта Гора глупцов не бродит, передразнивая людей,

Ханьшанем на рынке, но тот его не узнал.

27-9 Храм Лунхуа - возможно имеется в виду пекинский храм Дацзан Лунхуа на озере Хоухай. Храм Лунхуа занимал особое место в буддийских кругах середины-конца периода правления династии Мин. В частности он был традиционным местом постоя в столице монахов и чиновников из южного региона (Цзяннань), т.е. к югу от реки Янцзы.

27-10 По другой версии, которая заслуживает большего доверия, это Ханьшань посетил Мяофэна в храме Лунхуа.

27-11 Принц Шаньиня - Чжу Цзюньшань (ум. 1603 г.), отпрыск принца Дая, с которым Мяофэн познакомился в монастыре Ваньгу сы, пров. Шаньси, построенном принцем, где в юности, будучи сиротой, Мяофэн нашёл приют; многолетний покровитель и спонсор Мяофэна.

28-1 Утайшань (Гора пяти плато) - гора в провинции Шаньси, одна из четырёх священных гор китайского буддизма, центр культа бодхисаттвы Манджушри.

28-2 Цинлян - см. примечание Учитель Цинлян к главе *Год девятнадцатый (1564-5)*

Прикидываясь скоморохом, городским сумасшедшим.

Она в одиночестве здесь сидит, довольна уединением, в совершенном умиротворении.

Я должен быть таким же глупцом."

Будучи неспособным вынести жестокий холод снежного сезона, я вернулся в столицу. Оттуда я двинулся на восток, всё время питаясь подаянием. У Цяньсянгу (Вершины тысячи статуй)[28-3] мне повстречался монах, сидевший безмолвно, погружённый в медитацию. Я не стал донимать его вопросами, а просто остался жить с ним, собирая хворост, подаяние и доставляя воду для нас обоих. Так прошло лето.

Меня разыскал чиновник Ван, прислав письмо, в котором писал о своих опасениях, что в восточных предместьях я буду голодать. Он просил меня вернуться. Я вернулся осенью, потому что Оу Чжэнбо[28-4] из Линнаня[28-5] (пров. Гуандун), один из самых образованных учёных в государстве, хотел как можно скорей со мной встретиться. Мы с Оу Чжэнбо никогда не встречались, но за несколько лет до этого я вёл с ним переписку.

[28-3] Цяньсянгу (Вершина тысячи статуй) -

[28-4] Оу Чжэнбо - псевдоним литератора и учёного-конфуцианца Оу Дажэня (1516-1595/6 гг.), также носившего псевдоним Луньшань.

[28-5] Линнань - географический район к югу от гор Нань, включающий провинции Цзянси, Хунань, Гунадун, Гуанси, о. Хайнань и северную часть территории нынешнего Вьетнама.

Год двадцать девятый (1574-5)

Весной моего 29-го года я посетил столичный Западный холм[29-1], где собрались наиболее выдающиеся учёные: братья Ван Фэнчжоу и Ван Линьчжоу[29-2], Оу Чжэнбо из Линнаня и братья Ван Бою и Ван Чжунъян[29-3].

Дерзкий, самоуверенный, готовый вступить в интеллектуальную схватку я отправился с визитом к Вану Фэнчжоу. Я думал, что, учитывая мой возраст, он сможет со мной разделаться в два счёта. С вызывающим видом я сел, заставляя его ждать, словно будучи почётным гостем, которого он имел честь у себя принимать. А затем, когда он позволил себе такую неосторожность, как попытка преподать мне урок поэзии, я на него глянул и, поднявшись, ушёл не говоря ни слова.

[29-1] Западный холм, или Западные холмы - горы и холмы в западной части Пекина, территория которых была насыщена храмовыми комплексами.

[29-2] Братья Ван Фэнчжоу и Ван Линьчжоу -

[29-3] Братья Ван Бою и Ван Чжунъян -

Неудивительно, что он не был в восторге от моего поведения, о чём сказал своему младшему брату Вану Линьчжоу. На следующий день Ван Линьчжоу пришёл ко мне в гости.

"Вчера вечером, - начал он, - мой брат лишился глаза".

"Он случайно не у тебя?" - спросил я.

"После встречи с тобой думаю, что у меня," - великодушно сказал он. Мы оба от души расхохотались и проговорили до поздней ночи.

При своей следующей встрече с братом он оказал мне любезность, сказав: "Брат, ты проиграл современному Вималакирти". И он даже прислал мне стихотворение, которое сочинил обо мне.

Его похвала поощрила мою заносчивость и лишь укрепила мою гордыню. Однажды Ван Чжунъян, у которого я жил, наблюдая за тем, как я читаю том Цзочуань[29-4], сказал: "Ты талантлив и, обладая склонностью к литературе, должен заняться литературной деятельностью профессионально. Ты прославишься. Мой брат имеет авторитет в современной литературе и может тебе посодействовать".

Я скривился и выпалил: "Жду того дня, когда твой брат приползёт ко мне на коленях, умоляя объяснить ему смысл прихода Бодхидхармы с Запада"[29-5].

[29-4] Цзочуань - здесь, вероятно, ошибка транскрипции переводчика на английский и имеется в виду Цзо-чжуань, подробный комментарий на Чунь-цю ("Хроники весны и осени"), древнекитайский памятник летописной прозы.

[29-5] Известный коан, в частности многократно фигурирующий в тексте "Записей речений чаньского наставника Мацзу Даои из провинции Цзянси" («Цзянси Мацзу Даои

Вану-младшему моё настроение не понравилось. Он пересказал наш разговор брату, который отреагировал в таком духе, что если таланты этого малого такие же огромные, как его эго, он непременно станет продолжателем традиции Давэя[29-6] и Чжунфэна[29-7]. А затем добавил: "Литературные рамки могут оказаться для него слишком тесными, но пока он не научится владеть своим умом, ничего лучше он не найдёт".

чаньши юйлу»).

[29-6] Давэй - по всей видимости Давэй Линйоу (771-853 гг.), более известный под именем Гуэйшань Линйоу, также Вэйшань Линйоу, чаньский учитель, учивший на горе Вэй (Давэй), ученик Байчжана Хуэйхая, по его имени и имени его ученика Яншаня Хуэйцзи (813–890 гг.) названа школа чань Гуэйян, первый из пяти домов чань. В период династии Сун эта школа была поглощена школой Линьцзи.

[29-7] Чжунфэн - см. примечание Чжунфэн к главе *Год девятнадцатый (1564-5).*

Однажды Ван-старший взял веер, на котором я написал строки:

"Время - одно крыло комара. Пространство - другое.

Вселенная - это конский волос."

... и показал его младшему брату. "Это, - сказал он одобрительно, - строки не простого монаха-литератора".

Как-то раз городской чиновник[29-8] пригласил Мяофэна и меня на вегетарианскую трапезу. Его беспокоил упадок школы чань. "Ваши знания и манеры помогут вам добиться успеха, но, разумеется, лишь в том случае, если вы перестанете странствовавать".

[29-8] Этим чиновником был цзиньши (обладатель высшей учёной степени) Ван Даокунь (1525-1593 гг.), с которым Мяофэн познакомился через Жуйаня Гуанчжэня (1528-1589 гг.), на тот момент настоятеля храма Лунхуа, и который высоко ценил как Мяофэна, так и Ханьшаня.

Я сказал ему, что хотел получить наставления у различных просветлённых учителей. Я искал не просто просветления, но помощи в укрощении моих беспокойных мыслей. "Я не просто странник, - признался я, - хотя и намереваюсь вскоре отправиться дальше".

"Это хорошо, - сказал он. - Я лишь жалею, что мне некого порекомендовать тебе в качестве учителя. И меня тревожит, что ты отправляешься в одиночестве, без Мяофэна у тебя не будет попутчика".

Я его поправил. "Мы отправляемся в путь вместе с Мяофэном. Да, давным давно, когда мы только познакомились, мы условились быть собратьями в практике чань. Потом мы жили порознь, а спустя годы поисков нежданно наконец снова повстречались здесь".

"Что ж, - весело сказал чиновник, - это хорошие новости. Если вы отправляетесь вместе, буду рад помочь вам средствами".

Я был рад это слышать, так как рассчитывал на его помощь в путешествии, которое собирался совершить вместе с Мяофэном.

Но затем в один из дней чиновник пришёл ко мне и сказал поторапливаться, чтобы успеть попрощаться с Мяофэном. Попрощаться? Мяофэн ничего мне не говорил о своём отъезде! Выяснилось, что он получил в своё распоряжение Трипитаку, за которой приехал, и просто решил возвращаться. Мне было больно, я чувствовал себя преданным и считал, что заслуживаю лучшего отношения.

Чиновник попытался меня поторопить, но я заупрямился, выказывая своё возмущение. "Не вижу причин для спешки," - холодно бросил я. Тогда чиновник посмотрел мне в глаза. "Слушай, - сказал он, - я понимаю, что ты стремишься к независимости, но твоя гордыня слишком велика, чтобы с ней мириться. Разве древних обескураживали такие пустяки? Нет. Их могла обескуражить только их собственная слава! Но ты! Ты отличаешься таким непомерным самомнением, и при этом тебя выводят из равновесия какие-то мелочи! Желаю тебе больших успехов в Дхарме, но сомневаюсь, что ты их когда-нибудь добьёшься. Какая мелочность!"

Впервые я ясно видел своё высокомерие. Престыженый, я поблагодарил его за урок. Потом я бегом бросился к месту постоя Мяофэна. Он был уже в повозке. "Ты едешь?" - спросил он. "Ещё бы!" - сказал я, запрыгивая в повозку и даже не оглядываясь.

Мы доставили Трипитаку и продолжили паломничество. Позже осенью, в восьмом месяце, мы на какое-то время расстались, так как у Мяофэна были дела, а я, сделав крюк

[29-9] Мэнцзинь - этому названию соответствуют два топонима: один - маленькая река в пров. Цзянсу на юго-западе г. Чанчжоу, в бассейне озера Гэху, другой - ныне

через реку Мэнцзинь[29-9], добрался до того места, где царь Уван[29-10] устроил смотр войска непосредственно перед походом на Шан[29-11]. Это был торжественный момент и, дабы принести утешение душам умерших, я сочинил следующее стихотворение:

"Там, где царства сошлись, где падали люди и кони

Покоится у воды веховый камень.

Обет императора десять тысяч лет править

Был начертан на водах Хуанхэ".

Я также проехал то место, где два брата Бо-и и Шу-ци[29-12], преградили путь коннице царя У и тщетно предостерегали его от нападения на царство Шан. Там я сочинил следующие строки:

"Ради мира, богатства свои они оставили далеко позади.

Храм здесь стоит, и кипарис безмятежный.

Отражает горы́ Шоуян[29-13] красота

Тех двоих, что преграждали путь на войну."

Затем я побывал в храме Шаолинь, в котором жил первый патриарх Бодхидхарма. Я слышал, что недавно в храме Шаолинь поселился учитель Дацянь Чанжунь[29-14]. Я хотел засвидетельствовать ему своё почтение, но когда пришёл, его не оказалось на месте. Я отправился дальше и побывал в древней крепости в Лояне, на Террасе сжигания сутр[29-15], и в Храме белой лошади[29-16]. Наконец в Хэдуне[29-17] я нагнал Мяофэна. Шёл девятый месяц и мы остались там вместе зимовать в гостях у принца Шаньиня[29-18].

Без дела мы не сидели. С Мяофэном и чиновником по имени Чень мы занялись вырезанием на деревянных блоках текста для публикации "Чжао лунь"[29-19] с комментариями. Текст затрагивал такие вопросы, как доктрина неизменности и разрушающего мир водоворота, концепции, которые мне, к сожалению, не удавалось понять, как я ни старался. Но затем я дошел до раздела, в котором излагалась история просветлённого брамина, который навестил свой родной дом, покинутый им ещё в детстве. Не смотря на его седины и постаревшее лицо, сосед смог его узнать. "Ты - тот человек, который здесь когда-то жил" - сказал он. На что брамин улыбнулся и объяснил, что тот человек умер, а то, что видел сосед, было всего-навсего его образом. Ага! Так вот в чем заключается смысл! Когда твоя иллюзорная постоянно изменяющаяся эго-самость умирает,

район г. Лоян в пров. Хэнань, названный в честь места переправы У-вана (см. ниже) через р. Хуанхэ для битвы с войском царства Шан, куда Ханьшань в итоге и прибыл, ныне расположенного к югу от современного уездного города Мэнсянь.
Эти два географических пункта находятся в противоположных направлениях - первый на юго-востоке, тогда как второй - на северо-западе, поэтому если тут нет путаницы, и Ханьшань имел в виду именно реку Мэнцзинь (Мэнцзиньхэ 孟津河), можно предположить, что своим маршрутом он решил связать два пункта, носящих одинаковые названия.

[29-10] У-ван (царь У)- основатель династии Чжоу кон. II тысячелетия до н.э.

[29-11] Шан - древнекитайская династия, против которой воевал У-ван.

[29-12] Братья Бо-и и Шу-ци - добродетельные братья, жившие на территории царства Чжоу, пытавшиеся остановить У-вана, правителя Чжоу, от похода против Шан, схватив вожжи его колесницы (по другой версии, упав на колени перед ней). После захвата им власти, удалившись на гору Шоуян и в знак протеста отказавшись питаться продовольствием, произведённым на его землях, умерли от голода. Их история описана в главе "Биография Бо-и" книги Лэжчуань летописи Шицзи. В китайской культуре почитаются как эталон добродетели и миротворчества.

[29-13] Шоуян - гора, на которой жили в добровольном изгнании братья Бо-и и Шу-ци, ныне в окрестностях г. Юнцзи пров. Шаньси, либо же, что более вероятно, на горе к югу от нынешнего г. Сианьпров. Шаньси, т.к. именно в его окрестностях находился г. Цзунчжоу, столица царства Чжоу, в котором жили братья, а также потому, что отрезок Чжуннань-шань горной цепи Циньлин, к которому относится эта гора, является традиционным местом отшельничества.

[29-14] Дацянь Чанжунь - также Хуансю Чанжунь (ум. 1585 г.), чаньский учитель школы Цаодун.

[29-15] Терраса сжигания сутр - также Платформа сжигания сутр или Платформа сжигания писаний, участок неподалёку от Храма белой лошади (см. ниже), на котором, согласно преданию, по настоянию даосских священнослужителей были подожжены даосские и буддийские священные тексты с целью определить ту религию, которая заслуживает покровительства императора. В результате буддийские тексты остались невредимыми, а император династии Восточная Хань Минди со всем двором принял буддизм.

[29-16] Храм белой лошади (Баймасы) - буддийский храм примерно в 13 км восточнее г. Лоян пров. Хэнань, основанный в 68 г. до н.э., считающийся первым буддийским храмом в Китае и колыбелью китайского буддизма.

[29-17] Хэдун - регион на юге пров. Шаньси, в окрестностях нынешнего г. Юньчэн. Во времена Ханьшаня был в частности известен как район солевого промысла, важного вида хозяйственной деятельности в Китае династии Мин.

[29-18] Принц Шаньиня - см. примечание Принц Шаньиня к главе *Год двадцать седьмой (1572-3)*.

[29-19] "Чжао лунь" - сборник философских трактатов Сэнчжао (384–414 гг.), китайского буддийского философа и переводчика.

ты можешь познать свою единственную, истинную и неизменную природу, свою неизменную самость будды! Я встал, пошёл в храм и распростёрся перед алтарём. Внезапно всё показалось таким ясным!

Когда я поднялся и направился к выходу, то задержался на ступеньках, изумлённо глядя на храмовый двор. Поднялся сильный ветер, срывая листву со всех деревьев. Воздух заполнился листьями! Но они в то же время оставались неподвижными. Они просто там были, зависнув в воздухе. Вокруг царила такая безмятежность! Наконец-то и я кое-что воспринял своим оком Будды! Это был тот самый водоворот, который разрушает, будучи неподвижным. И снова я осознал, что ум-эго находится в постоянном движении подобно потоку воздуха или воды, но то, что он созерцает, на самом деле статично - реальность, из которой и в которую все вещи то исходят, то возвращаются в некоем ритме. Теперь я понимал! Мой ум-эго решил сложить в одну цепочку серию образов и назвать эту цепочку движением: листья, несомые ветром. На деле же, не было никакого меня на ступеньках перед храмом. Не было ступенек. Не было ни ветра, ни несомого листа. Мой ум-эго произвольно навязал материи и времени границы и дал вещам форму и имя. Но реальность, воспринимаемая непосредственно без вмешательства ума-эго, была безымянной и вневременной!

Что ж! Это не такое уж тривиальное прозрение! Мне внезапно захотелось помочиться. И снова, пока я глядел на струю, всё замерло. Это было переживание "вечного момента", который я воспринимал своим оком Будды. Теперь я знал. Ничто не рождается и ничто не может умереть. Всё просто "есть".

В память об этом событии я написал следующие строки:

"Рожденье и смерть. День и ночь

Бегущая вода, застывший пруд.

Почка и увядший цветок.

Могу ли я уловить момент их перехода

Из одного состоянья в другое?

Могут ли кверху мои завернуться ноздри?"

На следующий день Мяофэн заметил во мне перемену. "А что это с нами такое?" - спросил он весело.

Я ответил: "Вчера вечером статуя моего ума и статуя моего тела попытались поплавать. Если они добрались до воды, то обязательно утонули".

Мяофэн захохотал. "Судьба улыбнулась тебе - сказал он. - Наконец ты можешь позволить себе жить в горах".

Вскоре после этого события принц Шаньиня пригласил чаньского учителя Фагуана[29-20] нас навестить. Я давно его уважал и с нетерпением ожидал возможности послушать его наставления. Беседуя с ним, я обратил внимание на значительные совпадения в наших взглядах. Я попросил его дать мне наставления относительно практики, и он сказал, что мне следует преодолеть дуализм священного и будничного или святого и мирского, и что мне следует переживать возвышенные состояния сознания, а не только изучать их. Я понимал, что он имел в виду, и отнёсся к его гласу как к звуку небесного барабана. Насколько же он особенный, звук, издаваемый просветлённым! Как он отличается от трескотни обычных людей! Я испытывал к нему чрезвычайное почтение и не преминул его проявить.

[29-20] Фагуан - чаньский учитель, учивший на горе Фуню в пров. Хэнань.

Вероятно для того, чтобы вернуть меня к реальности, однажды он взял прочитать одно из моих стихотворений. "Как тебе удаются такие прекрасные стихи?" - спросил он. Потом засмеялся и сказал: "Да... они прекрасны, но ты не смотрел на них через правильные врата... через другие врата". А затем бросил мне вызов: "Не сомневаюсь, что твои другие врата ещё не открылись".

Я принял вызов. "А открыты ли твои другие врата?" "Тридцать лет я занимался тем, что ловил драконов и стреноживал тигров и ууууууу, - взвыл он, изображая ужас, - из травы выскочил кролик!"

"Достопочтенный господин, - сказал я, - ты не похож на того, кто когда-либо поймал дракона или стреножил тигра. И вообще, увидев их, ты бы их узнал?"

На это он занёс посох, намереваясь ударить меня им, но я его перехватил одной рукой, а второй вцепился ему в бороду. "Ты говоришь о кролике! - сказал я. - Но почему же, это всего лишь скачущая жаба!"

Удовлетворённый, он рассмеялся и ушёл.

В другой раз он мне сказал: "Тебе не нужно никуда уходить. Давай останемся здесь и проведём жизнь в практике чань". Я был польщён таким комплиментом.

У учителя Фагуана была странная привычка, нечто вроде нервного тика. Оставаясь в одиночестве, он что-то бормотал, говорил и жестикулировал, будто с кем-то общаясь. Я заговорил с ним об этой проблеме. "Я вижу, что ты - ровня учителям древности как в знании Дхармы, так и в искусстве полемики, но почему ты так странно себя ведёшь, будто у тебя не всё в порядке с головой?"

"Это у меня чаньская болезнь, - пояснил он. - Когда я пережил своё первое пробуждение, слова полились из меня нескончаемым потоком. Я не мог их остановить. Так что вот, это у меня чаньская болезнь".

"А можно было предотвратить этот недуг?"

"Да. Если бы в момент его появления сведущий учитель побил меня до потери сознания, то после моего прихода в себя мой ум был бы чист. К сожалению, со мной рядом не было сведущего учителя, когда эта болезнь меня поразила".

Я не знал, серьёзно ли он это говорил.

Зная, что в первом месяце следующего года я отправляюсь на Гору пяти плато[29-21], он написал для меня стихотворение:

"Лев учится видеть, оседлав облака

Прикованному к пещере дракону нужен лишь отдых."

[29-21] Гора пяти плато - Утайшань, см. примечание Утайшань к главе *Год двадцать восьмой (1573-4)*.

"Ты знаешь, что это значит?" - спросил он.

"Прежде чем я смогу вознестись к чистой трансцендентной мудрости, я должен позволить дракону своего ума успокоиться". В этом заключалась моя давняя проблема.

"Но будь осмотрителен, - сказал он. - Мне не хочется, чтобы ты пытался укротить дохлую змею".

Считая, что в нашей школе чань больше нет великих учителей, я ошибался. Фагуан принадлежал к плеяде выдающихся.

Принц Шаньиня, узнав, что мои родители ещё живы, предложил двести золотых монет на их содержание. Я знал, что они не нуждались в деньгах, и попросил пожертвовать их учителю Фагуану, так как не хотел оставаться в большом долгу.

Год тридцатый (1575-6)

В первый месяц года мы с Мяофэном покинули Хэдун и направились на Утайшань[30-1], держа путь через Пинъян[30-2], родной город Мяофэна. Перед нами стояло траурное задание. Много лет назад, когда Мяофэн был ещё ребёнком, его родители умерли во время страшного голода, и в связи с тяжёлыми временами были похоронены без надлежащих гробов.

[30-1] Утайшань - см. примечание Утайшань к главе *Год двадцать восьмой (1573-4)*.
[30-2] Пинъян - город в пров. Шаньси, ныне Линьфэнь.

[30-3] Сю Чу - в китайской истории под этим именем известен военный генерал позднего перода династии Восточная Хань и периода Троецарствия, умерший ок. 230 г., однако учитывая упоминание имени в связи с периодом Весны и осени (см.

С помощью нескольких местных чиновников Мяофэн подобрал место для могилы в сухом месте на возвышенности и перезахоронил останки родителей, обозначив его надгробным камнем с надписью. Он носил фамилию Сю и был потомком Сю Чу[30-3], прославившегося в период Чуньцю[30-4].

ниже), при условии что здесь нет путаницы, возникает сомнение в правильности его идентификации по причине хронологического несоответствия.

30-4 Чуньцю (Весна и осень) - период китайской истории 722 - 481 гг. до н. э.

Когда губернатор Ху Шуньань узнал, что я нахожусь в Пинъяне, он отправил гонца передать мне свою просьбу о встрече, но я был занят приготовлениями к походу на Утайшань и вынужден был просить его меня извинить. В ответ он прислал мне проездные пропуска, с которыми я мог нанять по дороге повозку и людей. Их я тоже вынужден был отклонить. Я знал, что он меня поймёт, когда объяснил ему, что мои соломенные сандалии ещё смогут мне послужить.

Когда мы достигли Линши[30-5], губернатор Ху Шуньань нас догнал, и в итоге нам удалось провести вместе несколько дней. Позднее он прислал людей сопровождать нас до самого Утайшаня.

5-го числа второго месяца мы разбили стоянку у храма Таюань[30-6], а к 3-му числу третьего месяца нам удалось добраться до храма Драконовых врат северной вершины[30-7]. Настоятель, учитель Дафан[30-8], позволил нам разместиться в старой хижине, находившейся на высоте среди сугробов. Там, среди сказочного белоснежного пейзажа, я пережил небесное видение, и мои тело и ум исполнились чувством наслаждения, когда я вошёл в Рай блаженства.

Спустя несколько дней, когда Мяофэн отправился на Етай[30-9], я смог посидеть безмолвно в глубокой медитации. Вскоре я настолько погрузился в медитативное состояние, что пробуди меня кто и покажи какой-ниюудь иероглиф, то я бы его не опознал.

30-5 Линши - вероятно имеется в виду уезд в пров. Шаньси, такая идентификация совпадает с географией маршрута Ханьшаня.

30-6 Храм Таюань (塔院)- находится на Утайшане, в уезде Утай пров. Шаньси, знаменит белой кирпичной ступой (Белой пагодой), под которой, согласно преданию, хранятся 19 частиц мощей Будды из 84000, распространённых индийским императором Ашокой.

30-7 Храм Драконовых врат северной вершины - некий храм на Утайшане.

30-8 Учитель Дафан - Дафан Юаньгуан, из текста очевидно, что он был настоятелем храма Таюань на Утайшане. Дополнительные сведения на иностранных языках не обнаружены.

30-9 Етай - по-видимому речь идёт о горе Етай (Етайшань) в уезде Чуньхуа пров. Шааньси.

Когда я только поселился в хижине, гул ветра и шум бегущей воды мне мешали. Поскольку Мяофэна они не тревожили, я спросил, как у него это получается. Он сказал: "Беспокойство, которое ты испытываешь возникает в твоём собственном уме. Ты услыхал звук и воспринял его как шум. А нужно слушать без суждений, сосредоточиваясь на самом акте слушания, чтобы никакие мысли не возникали в твоём уме. Древние говорили, что кто слушает, не цепляясь, то есть кто воспринимает звуки без размышлений, тот в скором времени обретает всепрозревающую мудрость бодхисаттвы Авалокитешвары".

В надежде освоить эту технику, я каждый день ходил на деревянный мост и пытался слушать шум воды, ни о чём больше не размышляя. Поначалу я слышал один лишь шум. Ум продолжал мыслить. Но через некоторое время такой практики он стал успокаиваться. Потом однажды, когда мысли перестали пениться как вода, я настолько погрузился в звук, что забыл самого себя. Шум и моё бытие исчезли. Ум окутала безмятежность. С того момента, когда я слышал звук, который прежде меня раздражал, мне лишь нужно было на нём сосредоточиться, умственно за него не цепляясь, и я погружался в то же умиротворённое состояние.

Каждый день я варил рис и питался им в сочетании с дикорастущими овощами и овсяной кашей. После трапезы я выходил на прогулку. Но однажды во время прогулки я внезапно остановился как вкопанный, и в этот блаженный момент я погрузился в самадхи. Я перестал что-либо воспринимать, кроме сияния, округлого и объёмного, чистого и неподвижного словно громадное круглое зеркало. В зеркале отражались горы, реки, сама великая земля. Придя в себя, я вернулся в хижину и обратил внимание на то, что котелок для отваривания риса был покрыт пылью. Как долго я находился в самадхи? Мне сложно было оценить. В тот период я жил один, и некому было помочь мне определить продолжительность моего переживания просветления.

Моё понимание чань углубилось. Все мои прежние сомнения улетучились, а ум был исключительно ясен. Находясь под воздействием угасающих отблесков этого великого сияния, я сочинил следующие строки:

"Когда ум не перестаёт спотыкаться/метаться

Как зрение может не быть затуманенным?

Останови ум хоть на миг

И всё обретает прозрачную ясность!

Мятущийся ум полирует глиняные кирпичи.

В неподвижности ты найдёшь зеркало!"

В то лето меня навестил Сюэлан. Жизни в хижине ему хватило на две ночи. Уезжая, он выразил мне сочувствие по поводу жалкого жилища. Я засуетился и на зиму соорудил себе добротную избушку.

Год тридцать первый (1576-7)

Не имея с кем обсудить свой опыт просветления, я стал читать Сурангама-сутру в надежде получить объяснение и подтверждение. Ранее я её уже читал, но не мог понять основную мысль. Теперь же я без труда осознал её смысл. С течением месяцев моё понимание росло и расширялось, пока не сформировалось непоколебимое понимание её глубины.

С наступлением весны Утайшань посетил учитель Ляньчи[31-1] и провёл несколько дней у меня. Мы всё говорили и говорили, с радостью обнаруживая совпадение наших взглядов.

Осенью этого года, в седьмом месяце, меня прибыл навестить губернатор Ху. Из Пинъяна[31-2] его перевели в Иньпин[31-3]. Хотя в горах температура была комфортной, в долине и в местностях, которые он проезжал, было слишком жарко. Губернатор Ху сполна насладился прохладой и живописным пейзажем. За трапезой, состоявшей из овса, смешанного с дикорастущими овощами и луком-пореем, мы наблюдали, как несколько его людей, поднявшись к замёрзшему ручью, отщербили куски льда, чтобы подержать во рту. Губернатор Ху, повернувшись ко мне, сказал: "Замечательный у тебя здесь мир. Знаешь, когда я только приехал, мои мысли носились беспорядочно будто бегущий ручей, но в этом умиротворённом уголке они успокоились, застыли как лёд в безмятежном безмолвии". Этой зимой, в десятом месяце, против настоятеля учителя Дафана были выдвинуты обвинения, и он предстал перед духовным судом. Не смотря на очевидную сфабрикованность обвинений, его признали виновным и приговорили к исключению из сангхи и возвращению к мирской жизни. Шок от этого события едва не стал концом для его монастыря. Учитель Чжэхун[31-4] с/из Лушаня[31-5] был настолько раздосадован решением суда, что, не побоявшись сильного снегопада, пришёл ко мне, чтобы лично сообщить эту новость. Я предложил свою помощь и немедля отправился домой к губернатору Ху.

[31-1] Ляньчи - Ляньчи Чжухун, также Юньци Чжухун (1532/5-1612/5 гг.), 8-й патриарх секты Чистой земли, настоятель храма/монастыря Облачной обители (Юньци сы) в г. Ханчжоу, пров. Чжэцзян, уроженцем которого он был, один из четырёх выдающихся монахов династии Мин наряду с Ханьшанем.

[31-2] Пинъян - см. примечание Пинъян к главе *Год тридцатый (1575-6)*.

[31-3] Иньпин - возможно имеется в виду город в пров. Хэнань.

[31-4] Учитель Чжэхун -

[31-5] Лушань - либо гора в пров. Цзянси, также известная под названием Куанлу, либо храм Лушаньсы (также известный под названием Ваньшоу) на горе Юэлу в окрестностях г. Чанша, пров. Хэнань. Известно, что Ханьшань проповедовал в этом храме, но пока неясна связь с ним учителя по имени Чжэхун.

Губернатор был рад меня видеть. "Я планировал отправить к тебе гонца с предложением перезимовать у меня, - сказал он. - А ты пришёл даже без приглашения". Услышав моё ходатайство за настоятеля Дафана, он незамедлительно отменил приговор суда. Монастырь был спасён.

Я принял приглашение перезимовать в его доме. Он использовал любую возможность, чтобы порасспрашивать меня о Дхарме, и я старался давать на его вопросы максимально развёрнутые ответы.

Наместник Гао был переведён в Дайчжэнь[31-6], и прослышав, что я живу в доме губернатора, заметил ему: "Хоть я и владею цветником поэзии, все разновидности цветов в нём заурядны. Я бы очень хотел украсить его редким стихотворением, принадлежащим перу выдающейся личности". Губернатор Ху понял намёк и попросил меня сочинить для него стихотворение.

[31-6] Дайчжэнь -

Когда он рассказал о просьбе, я пришёл в замешательство. "Мой ум опустошён, - сказал я. - В нём не осталось ни единого иероглифа. Как же я сочиню стихотворение?" - и напрочь отказался. Но губернатор Ху предусмотрительно оставил у меня на столе антологию древней и современной поэзии, и стоило мне полистать

её страницы, книга естественным образом возбудила моё воображение. Из меня посыпались слова и фразы, и я принялся писать, не в силах остановиться. За время кратковременного отсутствия губернатора Ху к его возвращению я написал двадцать или тридцать стихотворений. Я сразу понял, что́ со мной происходит и, осознавая опасность, сказал себе: "Это - бес литературной славы!" Я прекратил писать и выбрал стихотворение, чтобы выполнить его просьбу.

Но остановить мыслительный процесс было невозможно. Предо мной предстали все когда-либо написанные мной стихотворения. Казалось, вся вселенная была наполнена моими словами и фразами. Хуже того, моё тело, казалось, состояло из открытых ртов, каждый из которых декламировал новое стихотворение. Я испытывал такую бодрость и лёгкость, и чувство наполненности горячим воздухом, что казалось вот-вот взлечу. Я не мог остановиться. Стихотворения буквально лились из меня.

На следующий день, когда губернатор Ху провожал наместника Гао домой, я остался в одиночестве, получив возможность осмыслить своё переживание. Это была та самая чаньская болезнь, о которой рассказывал учитель Фагуан. Я сам ею заболел, и лечить меня было некому. Я подумал, что, возможно, смогу от неё проспаться. Я закрыл дверь и попытался уснуть, но был слишком взбудоражен. Я сел на кровати и спустя длительное время наконец уснул там же, где и сидел. Теперь я по-настоящему спал.

В течение пяти дней подряд мальчик-служка приходил и стучал ко мне в деверь, но так и не получил ответа. Вернувшись и узнав о том, что я не откликаюсь, губернатор Ху дал свои людям распоряжение проникнуть ко мне в комнату через окно. Они нашли меня закутанным в рясу, сидящим на том же самом месте. Он пытался меня разбудить всеми способами, какие мог придумать, но все его усилия были тщетны. Я не реагировал.

И тут он вспомнил, как однажды брал в руки маленький музыкальный инструмент, называемый "цин", находившийся на столе в одном из буддийских святилищ. Он поинтересовался у меня его назначением, и я объяснил, что в Индии его применяют для пробуждения монахов, погружённых в глубокое самадхи, которых нельзя пробудить иными средствами. Он взял "цин" и, держа его над моим ухом, стал по нему ударять. Постепенно я пробудился. Когда я наконец открыл глаза, то не мог понять, где я и как здесь очутился. "Сегодня - пятый день твоего сна", - сказал губернатор. Я ответил: "Чувство скорее такое, что сегодня - первый день моей жизни".

Я продолжал озираться вокруг, чувствуя себя как в сновидении. Я помнил дни, проведённые в горах, и все свои прежние путешествия, которые также воспринимались как образы из сновидения. Мой ум был лишен всего того, что я когда-то считал реальным. Я испытывал безмятежную ясность восприятия, как в момент прекращения дождя и рассеяния туч. Наслаждаясь совершенной умиротворённостью, я произнёс про себя:

"В абсолютном безмолвии яркое сияние, пронизывая собою всё, окутывает великую пустоту.

Дела мира при близком рассмотрении - словно миражи сновидения.

Истинны слова Будды".

Прежде, чем вернуться в свою горную избушку в первые месяцы следующего года, я заручился поддержкой губернатора в сохранении деревьев на горе. Я заявил, что если коммерсанты продолжат вырубать деревья в коммерческих целях, вскоре деревьев для культовых нужд не останется. Тогда губернатор издал указ, запрещающий коммерсантам дальнейшую вырубку деревьев. Благодаря этому на будущее сохранялась древесина для строительства новых монастырей.

Год тридцать второй (1577-8)

Весной я вернулся с Яньмэня[32-1] на Утайшань. Там, прочтя обеты учителя из Наньюэ[32-2], написанные им чтобы дать избавление душам его умерших родителей, и он таким образом мог вернуть им долг благодарности, я задумался о том, как отблагодарить своих собственных родителей. По правде говоря, я не мог думать ни о чём другом. Моё продвижение в постижении Дхармы застопорилось, так как ум был занят мыслями о родителях.

[32-1] Яньмэнь - вероятно имеется в виду гора в уезде Дай пров. Шаньси.

[32-2] Учитель из Наньюэ - Наньюэ Хуайжан (677-744 гг.), ученик 6-го чаньского патриарха Дайжана Хуэйнэна и учитель Мацзу Даои. Наньюэ (Южная гора), другое название горы Хэн в пров. Хунань, храмовый комплекс Наньюэ дамяо на которой Хуайжан сделал своей резиденцией.

В отчаянных поисках решения я вознамерился переписать Аватамсака-сутру своей собственной кровью вместо туши[32-3]. Позитивная сторона этого предприятия заключалась в том, что свой труд я мог принести в жертву в знак благодарности своим родителям, заодно получив возможность почерпнуть мудрость сутры.

Так случилось, что моё имя оказалось в списке буддийских монахов, могущих быть призванными императрицей-матерью[32-4] для декламации сутр во имя защиты империи. Узнав о моём решении переписать сутру, она любезно прислала мне золочёную бумагу. В четвёртый месяц я принялся за перепись.

Тогда же учитель Чжэхун решил вернуться в/на Гуаншань[32-5]. В качестве подношения я подарил ему десять стихотворений.

[32-3] Речь идёт об одном из видов аскетических практик, принятых в китайском буддизме, первые сведения о котором появились в памятнике "История династии Чэнь" VII в., где упоминается факт переписи принцем Чэнь Шуэйлином своей кровью Нирвана-сутры в 579 г. Обычай заключался в перфорации языка либо пальца и смешивании собранной крови с тушью, которой потом писали текст.

[32-4] Императрица-мать - Сяодин или Цышэн (1544/5/6–1614 гг.), вдовая мать императора эры Ваньли (1572-1620 гг.) Чжу Ицзюня. Была ревностной буддисткой, которая с момента восшествия своего сына на престол начала оказывать буддизму активную и щедрую поддержку.

[32-5] Гуаншань -

Год тридцать третий (1578-9)

Ничто не могло меня потревожить, пока я переписывал сутру. Нанося каждую чёрточку и каждый штрих, будь они жирные или тонкие, я повторял имя Будды. Эту практику я не прерывал, даже когда люди приходили в гости побеседовать со мной. Не взирая на перерывы, в тексте, когда я его вычитывал, неизменно не оказывалось ошибок. Каждый день, приступая к работе, я входил в такое состояние ума, при котором я не воспринимал окружающую обстановку. Однажды несколько престарелых монахов, проживавших поблизости и слышавших о моих сосредоточенности и точности, пришли ко мне в избушку и намеренно старались меня отвлечь. Им это не удалость. Своими глазами прочитав всё написанное мной за то время, что они пытались мне помешать, они обратились к Мяофэну с вопросом, как мне это удаётся. Мяофэн ответил: "Пребывание в самадхи для моего друга - обычное дело".

В период выполнения этой работы я видел множество хороших снов. Однажды мне приснилось, что я вошел в алмазную пещеру и приблизился к каменной двери Великого храма праджни. Я открыл двери, вошёл и там, в гигантском пространстве, я увидел пышные храмовые строения и просторную залу. В зале на большом ложе для медитации отдыхал великий учитель Цинлян. По левую сторону от него стоял Мяофэн. Я быстро подошел к ложу и стал от него по правую руку, ожидая, когда он заговорит. Наконец он сказал:

"В состоянии дхармадхату, в котором сливаются все славные земли Будды,

нет ни хозяев, ни гостей, ни прихода нет, ни ухода".

Пока он говорил, то самое описываемое им состояние охватило меня и я чувствовал, будто мои тело и ум с ним слились. После этого откровения Мяофэн спросил великого учителя: "Достопочтенный господин, что это за состояние?" Учитель Цинлян улыбнулся и ответил: "Это состояние отсутствия состояния".

Когда я проснулся, всё окружающее мне казалось прозрачным. Все предметы я видел насквозь.

В другом сне мне приснилось, что моё тело поднялось высоко в воздух. Когда оно приземлилось, земля была плоской и блестящей словно хрустальное зеркало. Заглянув в глубину этого зеркала, я увидел себя в середине просторной залы, содержавшей всевозможные объекты мира: людей, животных, детей, дома, фермы, рынки, всё. Эти создания не позировали жеманно как на какой-нибудь банальной картинке. Все они были заняты естественными бытовыми делами.

Видения обычных людей, занятых обычными делами, всё прибывали и прибывали, а потом в середине залы вдруг возник помост, на котором находился великий трон сверкающий пурпуром и золотом. Когда я его узнал, меня охватил восторг. Это был Великий алмазный трон! Взволнованный возможностью его лицезреть, я попытался к нему приблизиться. А затем я обвёл взором всех тех людей, которые, не замечая этого величественного трона, продолжали заниматься своими мирскими делами, и они вызвали во мне омерзение. Они показались такими обыденными, такими осквернёнными и грубыми. Затем, когда во мне возникло чувство

возмущения возможностью присутствия такой пошлости внутри этого сияющего и безупречного пространства, образ трона удалился.

Я тотчас осознал свою ошибку. По какому праву я выношу суждения о достойных и недостойных, чистых и нечистых? "Буддийская Дхарма принадлежит всему человечеству, - смиренно сказал я. - Не только одному чванливому болвану". И трон тут же приблизился.

Через мгновение я увидел ряд высоких статных монахов, стоявших перед троном. Вдруг из-за трона возник бхикшу с сутрой в руках и передал её мне со словами: "Учитель будет говорить об этой сутре. Он попросил меня передать её тебе". Я с радостью её принял, но открыв, увидел, что текст написан золотым санскритским алфавитом, прочесть который я не мог. Я спрятал её в рясу и спросил: "Учитель он кто?" Бхикшу ответил: "Майтрейя".

Очарованный, я последовал за ним к направлении лестницы. У её подножия я остановился, закрыв глаза и концентрируясь. Вдруг послышался звук цина, и когда я открыл глаза, на троне сидел Майтрейя. Его лик был невыразимо прекрасен - ослепительно сияя пурпуром и золотом! Я поприветствовал его и простёрся перед ним. Затем, подумав, что я был специально избран для прослушивания сутры, я извлёк её из рясы и развернул.

Майтрейя сказал: "Различение есть сознание. Неразличение есть мудрость. Цепляние за сознание принесёт осквернение, но цепляние за мудрость принесёт чистоту. Осквернение ведёт к рождению и смерти, чистота же ведёт к нирване".

Я слушал его, словно находясь во сне внутри сна. Его голос плыл в воздухе подобно звону хрусталя. Я слышал его настолько отчетливо, что даже после пробуждения его слова продолжали звучать в моей голове. Теперь я понимал разницу между сознанием и мудростью. Теперь я понимал ещё и то, что место, в котором я побывал во сне, было дворцом Будды Майтрейи в небесах Тусита.

В другом сне я увидел монаха, подошедшего ко мне со словами: "Бодхисаттва Манджушри приготовил для тебя ванну на Северном плато. Прошу следовать за мной". Я пошел за ним, и по прибытии мы вошли в большую благоухающую залу. Внутри находилось множество служителей, которые все были монахами.

Меня проводили в ванную комнату, и пока я раздевался, чтобы войти в воду, в ванне я увидел девушку! У меня естественно пропало желание заходить в воду, но девушка превратилась в мужчину, и тогда я присоединился к нему в ванной. Он стал лить воду мне на голову. Вода проникала в голову и вымывала мои внутренности. Все внутренние органы были вымыты наружу, и от меня остался один прозрачный каркас. Затем человек в ванной попросил чаю, и тогда пришёл монах с чашей из черепа, похожей на половину дыни.

Взглянув на её содержимое, я содрогнулся от вида сочащихся мозгов и костного мозга. Монах набрал немного этой массы и держал, позволяя мне её исследовать. Он спросил: "Разве здесь есть грязь?" Затем он поместил эту массу мне в рот и я её проглотил. Пока монах кормил меня содержимым черепа, я понял, что его вкус подобен мёду. Когда на дне черепа оставалась одна кровавая вода, человек в ванной сказал: "Дай ему и это". Я взял череп и выпил. Вкус был замечательный. Но когда жидкость проникла вовнутрь, она стала струиться изо всех пор моего тела.

Затем монах принялся массировать моё тело, всё интенсивней и интенсивней, пока не перешел на отбивание словно бельё о камень. Я проснулся в поту с чувством, что все мои внутренности начисто вымыты. С тех пор в моих теле и уме всегда ощущалась чистота, будто они омылись в благоговении и восхищении.

Большинство моих снов были о святых и мудрецах. Чем больше слушаешь Учение Будды, тем больше снится хороших снов.

Год тридцать четвёртый (1579-80)

Императрица-мать[34-1], желая принести мир душе покойного императора[34-2] и защиту жизни правящего[34-3], распорядилась отремонтировать храм Таюань и его ступу с мощами на Утайшане[34-4]. Но некоторые правительственные чиновники, посчитав, что Утайшань находится черезчур далеко от столицы, решили построить храм Дацышоу[34-5] намного ближе к ней. О том, что её воля не была исполнена,

[34-1] Императрица-мать - см. примечание Императрица-мать к главе *Год тридцать второй (1577-8)*.

[34-2] Покойный император - император эры Лунцин (1567-1572 гг.) Чжу Цзайхоу.

[34-3] Правящий император - император эры Ваньли (1572-1620 гг.) Чжу Ицзюнь.

[34-4] Храм Таюань - см. примечание Храм Таюань к главе *Год тридцатый (1575-6)*.

императрица-мать узнала, только когда было объявлено о завершении строительства. Он тотчас распорядилась придворному чиновнику доставить на Утайшань три тысячи рабочих для исполнения её изначального распоряжения.

[34-5] Храм Дацышоу - по всей видимости речь о храме в парке района Хайдянь в западной части нынешнего Пекина, от которого доныне сохранилась лишь Пагода Цышоу.

Для этого придворного чиновника то был первый проект строительства культового сооружения, и я беспокоился о том, что если он окажется неудачным, двери Дхармы могут с треском закрыться. Я оказал ему помощь и постарался обеспечить надлежащее выполнение работ.

Год тридцать пятый (1580-1)

В этот год императорским указом был введён налог на землю, и земельные угодья по всей стране должны были быть обмерены.

Утайшань был всегда освобождён от налогов, но местные чиновники задумали исказить факты и обложить налогом пятьсот пикулей[35-1] риса в нашем регионе. Нам многократно приходили приказы о проведении обмера и отчёте о площади налогооблагаемых земель, находившихся в нашем распоряжении. Всех монахов это беспокоило, и мне пришлось заняться решением этой проблемы. Я осторожно ходатайствовал к высокопоставленным правительственным чиновникам, и они быстро отменили распоряжения местных. Нам удалось отстоять священный статус Утайшаня.

[35-1] Пикуль - мера веса в Азии, равная 50-60 кг.

Год тридцать шестой (1581-2)

Мяофэн также переписал Аватамсака-сутру своей кровью, а по завершении его работы мы решили устроить большую службу, именуемую "мокша паришад". Целью службы было предоставление возможности участникам исповедать грехи и получить наставления по морали и правилам поведения. Когда Мяофэн скопил достаточно средств, и приготовления к мероприятию были завершены, принять участие в службе мы пригласили пятьсот известных монахов из столицы[36-1].

[36-1] По мнению исследователя Чжана Дэвэя (Zhang Dewei) Мяофэну удалось привлечь большое число монахов из Пекина благодаря его обширным связям в столице, как среди буддийских священнослужителей, так и среди чиновников.

[36-2] Уданшань - горный хребет в пров. Хэбэй, издревле являющийся одним из центров даосизма в Китае.

Однако в это же самое время император отдал приказ возносить молитвы о рождении наследника. Сам он отправил чиновника с поручением просить о вознесении молитв на Удан[36-2], в даосский регион, тогда как императрица-мать отправила другого чиновника с тем же поручением на Утайшань.

Я полагал, что хотя благо стране приносили все молитвы, молитвы о престолонаследнике имели исключительную важность. Многие считали, что нам следует отменить службу мокша паришад, но я не видел в этом необходимости. Я планировал изменить её назначение. Вместо того, чтобы монахи отправляли службу во имя собственной духовной пользы, свои моления и проповеди они могли посвятить рождению престолонаследника. К сожалению, ни Мяофэн, ни чиновник не оценили в полной мере мою идею. Чиновник был особенно недоволен и открыто меня раскритиковал. В итоге они оба дали своё согласие, но к этому моменту уже успела распространиться молва, что, продолжая готовиться к мокша парисад, я ослушался императорского повеления. И хотя мы спровоцировали немалый скандал, истинная цель нашего собрания была засвидетельствована и у нас не возникло неприятностей.

Позднее в этот год, во время заключительного этапа ремонта ступы, я поместил свою переписанную копию Аватамсака-сутры и экземпляр своих духовных обетов внутри строения. Нам нужно было сделать приготовления к празднованию завершения работ, но поскольку Мяофэн был в столице, бремя приготовлений полностью легло на меня. В течение трёх месяцев я почти не спал, занимаясь вопросами снабжения и организации для угощения и размещения тысячи гостей.

Во время Фестиваля воды и земли[36-3], продолжавшегося семь дней, я постился, не употребляя в пищу даже риса и утоляя жажду только водой. И мне всё же удалось сохранить достаточно сил, чтобы принять участие в церемониях. Фестиваль имел большой успех. Ежедневно без малейшей путаницы обновлялись подношения буддам и бодхисаттвам на пятистах столах.

[36-3] Фестиваль воды и земли - также Церемония освобождения воды и земли и Служба Дхармы воды и земли, ритуал в китайском буддизме, целью которого провозглашается призыв к обитателям высших миров помочь освобождению от страдания обитателей низших. Устав службы был составлен чаньским учителем Баочжи.
Считается, что связь ритуала с водой и землёй (шуэй лу) была введена авторитетным учителем школы Тяньтай Цзунши (964-1032 гг.) и берёт своё начало в представлении о том, что бессмертные получают пищу из проточной воды, а духи - с чистой земли.

Посетители были поражены, думая, что это делают божества, и в самом деле я знал, что мы были удостоены особой милости Будды.

Год тридцать седьмой (1582-3)

Этой весной я давал лекции по "Яньсюаньтань", комментарию национального учителя Цинляна[37-1] на Аватамсака-сутру. В течение ста дней послушать их отовсюду собирались многочисленные монахи и миряне. Параллельно с чтением лекций мне приходилось контролировать приготовление десяти тысяч порций еды в день. Не смотря на такое число, угощение подавалось организованно, и благородная тишина, царившая во время лекций, сохранялась во время трапез. Но после этого мероприятия я был полностью измотан. У меня не осталось ни капли энергии.

[37-1] Учитель Цинлян - см. примечание Учитель Цинлян к главе *Год девятнадцатый (1564-5)*.

Монастырю были пожертвованы значительные средства и запасы продовольствия, и когда эти пожертвования были собраны и распределены, мы с Мяофэном взяли свои чаши для риса и отправились в путь. Но вскоре наши маршруты разошлись - Мяофэн направился в Луя[37-2], а я - в Чжаншиянь[37-3] в округе Чжэньдин[37-4], где планировал как следует отдохнуть. Я сочинил следующие строки:

"Жизнь идёт своим чередом. Ни одна горная вершина не
пронзит солнце.

Дойдя до разлома на своём пути, перепрыгни его".

[37-2] Луя - гора в пров. Шаньси, где в монастыре Дахуаянь-сы, им же построенном при поддержке императрицы-матери, Мяофэн был назначен ею настоятелем.
[37-3] Чжаншиянь (утёс Чжанши) - гора в 100 км на юго-запад от г. Шицзячжуан, пров. Хэбэй, в нынешнем уезде Чжэндин (см. ниже) или Цзаньхуан.
[37-4] Чжэньдин - уезд на юго-западе пров. Хэбэй, исторически являющийся религиозным центром и местом возникновения нескольких течений чань-буддизма.
Упоминание уезда Чжэньдин в контексте Чжаншияня возможно говорит о том, что при жизни Ханьшаня территория горы принадлежала этому уезду.

В восьмом месяце года у императора родился наследник. Я прибыл в храм Чжунфэна[37-5] к западу от столицы, где курировал вырезание на деревянных блоках текста для издания "Предисловия к изречениям Чжунфэна[37-6]".

Зимой я служил водные ритуалы в Шиши[37-7].

[37-5] Храм Чжунфэна - ввиду упоминания его в связи с именем Чжунфэна, возможно храм, в котором он учил.
[37-6] Чжунфэн - см. примечание Чжунфэн к главе *Год девятнадцатый (1564-5)*.
[37-7] Шиши - по всей видимости название некоего культового объекта или местности в окрестностях Пекина.

Визит Ханьшаня на Западные холмы в окрестностях Пекина исследователь Чжан Дэвэй (Zhang Dewei) объясняет его стремлением установить отношения с императорским двором, в частности с императрицей-матерью, в надежде получить помощь в востановлении его родного храма Баоэнь в Нанкине, уничтоженного пожаром. Западные холмы были местностью с высокой плотностью буддийских храмов, построенных евнухами, которые, будучи придворными, могли как поделиться полезной информацией о ситуации при дворе, так и стать посредниками в установлении связи с высокопоставленными чиновниками и членами императорской семьи.

Год тридцать восьмой (1583-4)

В первом месяце года, когда водные ритуалы в Шиши были отслужены, я решил отправиться в Дунхай[38-1]. Кроме того, прославившись или ославившись в связи с успехом молитвенного собрания на Утайшане, я принял решение сменить своё имя с Чэньина на Ханьшань. Слава мало кому помогает в практике.

Мне вспомнился обет, некогда мною данный, отстроить уничтоженный пожаром храм Баоэнь. Этот обет я дал 17 лет тому назад в возрасте 21 года. Сейчас я понял, насколько далеко я от него отстоял как географически, так и во времени. Я не планировал заходить дальше территории Дунхая.

10-го числа четвёртого месяца я пришел на Лаошань[38-2]. Расставаясь со мной, Мяофэн распорядился о том, чтобы Дэцзун, его ученик, меня сопровождал и мне прислуживал. Мяофэн боялся, чтобы я путешествовал водиночку, и я принял помощь.

В одной из глав Аватамскака-сутры я когда-то прочитал об Обители бодхисаттв. Там говорилось: "В Дунхае есть место под названием Пещера Нарайяны, куда с древних времён приходят жить бодхисаттвы". Позднее я прочитал комментарий учителя Цинляна, объяснявший, что санскритское слово "нарайяна" означает "твёрдый" и "устойчивый", что соответствует значению Лаошаня в Дунхае. Согласно другой книге, "Югун"[38-3], пещера существовала в провинции Цинчжоу[38-4].

Я очень хотел посетить Обитель бодхисаттв, но Лаошань по причине его необитаемости и отдалённости был не очень гостеприимным для жизни местом. Я переместился южнее от горы в глубокую долину. За ней простирались горы, перед ней - великий океан. Долина была настолько необычна и своеобразно красива, что, казалась, находилась в другом мире.

В долине находился древний храм под названием Святилище Авалокитешвары, от которого сохранился один фундамент. Изучив историю храма, я узнал, что в начале династии Юань (1280-1341 гг.) семерым даосам путём подделки имени императора Шицзу[38-5], находившегося в том момент в экспедиции, удалось завладеть буддийским имуществом, которое они быстро превратили в даосский храм. По возвращении императора к нему обратились буддийские монахи с ходатайством о возвращении им их имущества. Однако удалённость Лаошаня была слишком велика. О храме никто не заботился и он превратился в руины. Но мне приглянулась его уединённость. Меня привлекала возможность быть оставленным в покое, и я решил там обосноваться.

Поначалу я жил на циновке под сенью дерева, но спустя семь месяцев пришел упасака Чжан Дасинь, уроженец этого округа, и построил для меня хижину. Целый год я с великим наслаждением жил в одиночестве в хижине. Всё это время у меня был только один

38-1 Дунхай - в наше время это, среди прочего, название уезда в пров. Цзянсу, которое переводится как "восточное море", подразумевая Восточно-Китайское море, недалеко от побережья которого он расположен.
Однако, как понятно из последующего текста, Ханьшань имеет в виду более обширный прибрежный регион, охватывающий также п-ов Шаньдун, расположенный севернее собственно уезда.
Исследователь Чжан Дэвэй (Zhang Dewei) отъезд Ханьшаня из окрестностей столицы связывает с резким изменением политического климата, произошедшим вследствие скоропостижной смерти в предшествовавшем году первого секретаря Чжана Цзючжэна, главного союзника императрицы-матери по политической борьбе при дворе, что ослабило императрицу-мать, а значит и её возможности в оказании поддержки буддизму вообще и проектам Ханьшаня в частности, главным из которых было восстановление храма Баоэнь.

38-2 Лаошань - гора на Шаньдунском п-ове.

38-3 "Югун" - одна из глав "Книги Ся", раздела Шу-цзин ("Книги преданий"), входящей в У-цзин ("Пятикнижие", см. примечание Пятикнижие (У-цзин) к главе *Год семнадцатый (1562-3)*), классический памятник древнекитайской литературы. Глава повествует о полулегендарном императоре Ся и административном устройстве китайского государства в древности.

38-4 Цинчжоу - одна из девяти провинций древнекитайского государства периода, описанного в "Югун", территория которой занимала территорию нынешней провинции Шаньдун за исключением её юго-западного края. Была одной из тринадцати провинций государства династии Хань (206 г. до н.э.–220 г.н.э.).

38-5 Шицзу - храмовое имя Хубилай-хана (1215-1294 гг.), основателя монгольской династии Юань.

38-6 Учитель Гуэйфэн -

38-7 Цзимо - город на Шаньдунском п-ове.

друг, собрат по Дхарме учитель Гуэйфэн[38-6] из храма Линшань в Цзимо[38-7]. Он был оком Дхармы в этой местности.

Год тридцать девятый (1584-5)

Осенью, в девятом месяце, императрица-мать в благодарность за организацию плодотворного молитвенного собрания во имя рождения престолонаследника пожелала вознаградить учителя Дафана, Мяофэна и меня. Учитель Дафан и Мяофэн получили своё вознаграждение, а на мои поиски ввиду моего отсутствия ей пришлось отправить Дуаньаня, настоятеля храма Лунхуа[39-1]. Зная, что я обитаю на побережье, он прибыл с известием о желании её величества меня вознаградить. Я сказал ему, что наилучшим вознаграждением, которое мне можно пожаловать - это позволить провести остаток жизни у Лаошаня.

[39-1] Храм Лунхуа - см. примечание Храм Лунхуа к главе *Год двадцать седьмой (1572-3)*.

Когда настоятель передал мой ответ её величеству, она великодушно пожаловала на западных холмах[39-2] достаточно земли, чтобы возвести для меня храмовую резиденцию. Но когда прибыл чиновник известить меня об этом вознаграждении, я его отклонил[39-3]. Когда он сообщил о моём отказе её величеству, она не сдалась и отправила его вручить мне три тысячи золотых монет, на которые я мог построить на Лаошане для себя дом. И снова я отклонил награду, сказав, что меня вполне устраивает моя хижина, и что больше мне ничего не нужно. Однако чиновник настоял, чтобы я принял дар. Он боялся возвращаться к её величеству, не выполнив её повеления.

[39-2] Западные холмы - см. примечание Западный холм к главе *Год двадцать девятый (1574-5)*.

[39-3] Настойчивый отказ Ханьшаня от вознаграждения, пожалованного императрицей-матерью, исследователь Чжан Дэвэй (Zhang Dewei) объясняет его приверженностью своему обету восстановить храм Баоэнь, для чего ему требовалась финансовая помощь императорского двора. Таким образом отвергая меньшее вознаграждение, он сохранял за собой право претендовать на большее, которое надеялся в конце концов получить. См. главу *Год сорок четвёртый (1589-90)*.

Я предложил ему компромисс: одной из освящённых временем традиций императорского дома была помощь голодающим. Поскольку в те дни в провинции Шаньдун свирепствовал сильный голод, я спросил: "Почему бы её величеству не проявить милосердие по отношению к голодающему народу?" Затем я попросил чиновника раздать деньги нуждающимся.

Когда отчёты о пожертвованиях были представлены её величеству, она была очень обрадована и глубоко тронута. Позднее, однако, меня обвинили в злоупотреблении средствами двора. Представ перед окружным судом, я попросил судью ознакомиться с бухгалтерией придворного казначейства. Он просмотрел записи и, придя к выводу о том, что все средства были израсходованы на помощь голодающим, признал обвинения полностью ложными.

Год сороковой (1585-6)

Люди, жившие в восточном округе Дунхай, не были буддистами. Они практиковали даосский культ Ло Цина[40-1], зародившийся в Чэнъяне[40-2], у подножия горы, и распространившийся на восток. О Трёх драгоценностях буддизма - Будде, Дхарме и Сангхе - никто и не слыхал.

[40-1] Ло Цин (Ясный Ло) - один из религиозных титулов Ло Мэнхуна (1442/3-1527 гг.), уроженца окрестностей г. Цзимо, пров. Шаньдун, вокруг синкретического учения которого сформировался культ.

[40-2] Чэнъянь -

Однажды ко мне расспросить о Дхарме пришёл человек из клана Хуан, крупнейшего в этом краю. Мне удалось обратить его в буддизм, а когда позднее пришли старейшины клана и их последователи, я обратил и их.

Год сорок первый (1586-7)

В этот год был издан императорский указ о снабжении собраниями Трипитаки различных храмов[41-1]. Поначалу отдельные сочинения, написанные в Китае, не вошли в собрание, но императрица-мать распорядилась включить и их тоже. По окончании их отпечатывания пятнадцать собраний император распорядился направить в известные храмы по всей стране. Четыре собрания были направлены в четыре храма в приграничных областях[41-2].

В это же время императрица-мать, всё ещё памятуя молитвенное собрание на Утайшане и мой отказ принять вознаграждение, распорядилась одно собрание Трипитаки отправить мне в Дунхай[41-3]. К сожалению, никто заранее не уведомил меня об этом даре - для его размещения не нашлось места, и его пришлось передать на временное хранение в администрацию округа.

[41-1] Речь идёт об экземплярах издания китайской Трипитаки под названием "Юнлэ бэйцзан" (Северный Канон императора Юнлэ (1403–1424 гг.)). Северный, так как он был издан в Пекине (кит. Бэйцзин - "северная столица") в противоположность "Юнлэ наньцзан" (Южный Канон императора Юнлэ), изданному в Нанкине (кит. Наньцзин - "южная столица"), более качественным вариантом которого по свидетельствам современников он считался. При том, что южное издание можно было купить, северное издание распространялось исключительно путём пожалования императором, в связи с чем владение им повышало престиж храма или монастыря. В период правления императора Ваньли (1572-1620 гг.) практика одаривания северным изданием Канона особенно оживилась, и всего было пожаловано 112 его экземпляров, за получение которых между посланниками храмов со всей страны в Пекине шла конкуренция, в которой задействовались знакомства и связи при дворе. Многие представители храмов по нескольку лет проводили в столице, прежде чем получали Трипитаку, либо возвращались обратно с пустыми руками.

[41-2] Кроме храма Ханьшаня на Лаошане экземпляры Трипитаки были пожертвованы Большому монастырю Хуаянь (Дахуаянь сы) на горе Луя, пров. Шаньси, построенный Мяофэном, храму Баото чаньсы на о. Путо и монастырю на горе Эмэй.

[41-3]Этот экземпляр Трипитаки Ханьшань получил стараниями Мяофэна.

Когда я своими глазами прочёл императорский указ, сопровождавший Трипитаку, я решил лично посетить столицу и выразить свою благодарность.

Императрица-мать великодушно попросила придворных дам пожертвовать средства на восстановление храма в Дунхае с тем, чтобы он мог служить надлежащим местом хранения Трипитаки. Кроме того она попросила назвать храм Хайинь ("символ моря").

Прознав, что учитель Дагуань[41-4] отправился на Лаошань ко мне в гости, я поспешил вернуться, чтобы успеть встретиться с ним[41-5]. Я встретил его у подножия горы как раз, когда он был на обратном пути. Мы вернулись к моему жилищу на побережье, а по окончании своего двухдневного пребывания у меня он подарил мне стихотворение, в котором были такие строки:

"Праздно я жил на морском берегу,

Славы своей сбросив бремя

К востоку от гор".

[41-4] Учитель Дагуань - Чжэнькэ Цзыбо, также Дагуань Чжэнькэ (1543–1603 гг.), уроженец губернии Цзюцю пров. Цзянсу, один из четырёх выдающихся монахов династии Мин, наряду с Ханьшанем. Считался просветлённым. Проповедовал сочетание практики чань с повторением имени будды Амитабхи, практиковавшимся в школе Чистой земли. Описанная встреча с Ханьшанем была их первой встречей. Будучи обвинён в причастности к изданию клеветнического памфлета в отношении крон-принца, был приговорён к смертной казни и заключён в тюрьму, где скончался, по всей видимости покончив жизнь самоубийством. Об этом случае Ханьшань повествует в главе *Год пятьдесят восьмой (1603-1604)*.

[41-5]В другом источнике приводится такой перевод эпизода встречи Ханьшаня с Дагуанем, в котором указано и другое количество дней, проведенных ими в общении: *"Находясь в пути день и ночь, на всех парусах я прибыл в Цзимо [город в пров. Шаньдун], но Цзыбо уже покинул монастырь и находился на располагавшемся неподалёку постоялом дворе, собираясь отбыть в долгий путь на следующее утро. Увидев меня в тот вечер, он весьма обрадовался и рассмеялся. Утром я попросил его вернуться со мной в монастырь. Мы провели вместе десять дней, и наши сердца объединились в гармонии. Один тот факт, что по мнению Цзыбо я знал, что говорю, сделал все труды моей жизни не лишенными смысла"*.

Зимой в одиннадцатом месяце после более чем пяти лет непрерывных трудов в один из вечеров в новом храмовом зале для медитации мои тело и разум наконец обрели истинный покой[41-6]. Что за блаженство! Весь вечер я просидел в медитации, а затем ночью поднялся и взглянул на море. Время исчезло. В океане не было ни тени движения. Ни волны, ни рябь не тревожили водную гладь. На неподвижной воде лунный свет искрился будто на заснеженном поле. Всё было залито светом - земля, небо, море и даже мои собственное тело и ум. Не существовало ничего, кроме света. И я произнёс следующую гатху:

"С ясного небосвода яркий лунный свет

[41-6] В одном из писем Мяофэну Ханьшань писал: *"[Я] скрылся в глубине Лаошаня, в месте, недоступном человеку, в котором хозяйничают божества и духи... [Мы] выкорчёвываем деревья и колючий кустарник, лежим на полях, поросших дикими травами, противостоим мощным ветрам и высоким волнам и проходим по опасной местности. Не перечесть всех пережитых нами трудностей и лишений... Я думаю, что так и умру в горах от старости, больше не появившись в миру"*.

В другом письме он делился с другом: *"Так что я смирился со своим побегом в этот*

Льётся на застывшее море и заснеженный берег.

В эту священную ночь я не в силах различить край воды."

Вернувшись к себе в комнату, я взял экземпляр Сурангама-сутры и, открыв её наугад, прочитал следующие строки:

"Твои тело и ум, и все горы, реки и просторы

земные - всего лишь явления, существующие в Едином ясном истинном сознании".

глухой уголок гор и морей. Живя в таком отрезанном месте, я не надеюсь снова появиться во внешнем мире. Нежданно бодхисаттва-защитник Дхармы одарил меня буддийским Каноном, озарив восток светом и рассеяв тьму. Такой редкой заслуги можно удостоиться лишь однажды за тысячу поколений. Проанализировав источник [заслуги], я вижу, что как жертвователь, так и получатель произошли из совершенства, чистоты и неподдельности твоего сердца. Прошлой зимой прибыл гонец, доставив твоё письмо с поучениями, которое я прочёл более десяти раз. Я глубоко проник в твои мысли и настолько растрогался, что не заметил, как моё лицо залили слёзы... Увы, моя жизнь кончена. Нет сомнений, что я здесь зачахну как трава и деревья".

В тот момент я обрёл такую степень прозрения в смысл сутры, что тотчас принялся за написание "Подвешенного зерцала Сурангама-сутры". Сочинение было написано за один присест. В тот вечер по окончании сеанса вечерней медитации в зале я попросил монаха, занимавшего вторую по важности должность в монастыре, прийти и прочитать мне вслух мою рукопись. Слушая текст, я испытывал чувство будто слова звучат в сновидении.

Год сорок второй (1587-8)

В этот год, когда ремонтные работы в храме были наконец завершены, в новой зале я начал преподавание буддийских обетов верующим последователям. Сразу после формального открытия новой залы со всей страны на мои лекции съехались монахи. Особенно для блага мирян я прочитал лекцию "Откровенная беседа о Сутре сердца".

Осенью, в восьмом месяце окружной начальник Ху Чжунчэнь, вернувшийся в свои родные края после отставки с должности, приехал меня навестить. Он приехал с сыном одного из своих родственников и спросил, мог ли бы я принять его в монахи и позволить ему быть своим прислужником. Я согласился, дав молодому человеку имя Фушань.

Год сорок третий (1588-9)

Однажды, прочитав "Подвешенное зерцало Сурангама-сутры", ко мне пришёл один из учеников с жалобой на то, что значительная часть сутры до сих пор вызывает у него вопросы. "Вообще эта сутра предельно однозначна по вопросу отношения к душе, - сказал я, - но многое написано "между строк" и требует разъяснения. Для понимания учениками её глубокого смысла требуется дополнительный комментарий". На что он ответил: "Такой комментарий стал бы величайшим даром, который кто-либо может принести буддийской Дхарме".

Я немедленно взялся за написание "Глубокого смысла Сурангама-сутры". Хотя я завершил общее изложение своих идей, я не закончил рукопись.

Год сорок четвёртый (1589-90)

В этот год я читал Трипитаку и давал лекции по Лотосовой сутре и Трактате о пробуждении веры[44-1].

С тех пор, как я покинул Утайшань, я непрестанно размышлял о том, чтобы навестить родителей, но постоянно опасался оказаться вовлечённым в мирские дела. Однако теперь

[44-1] Трактат о пробуждении веры - Трактат о пробуждении махаянской веры/веры в Махаяну (санск. Махаяна-шраддхотпада-шастра, кит. Дачэн-цисинь лунь), авторство которого приписывается буддийскому философу Ашвагхоше.

я решил себя проверить. В один из вечеров в десятом месяце, открыв глаза после медитации, ко мне пришли следующие строки:

"Я видел, как дым взвивается в пустоту пространства.

В этом чистом зеркале я видел мириады вещей.

Но прошлой ночью дракон проглотил сияющую луну,

и во тьме я узрел то, чего не замечал".

Я позвал своего прислужника и сказал ему: "Теперь я могу вернуться в родную деревню, чтобы повидаться с родителями". Я испытывал потребность выразить им свою благодарность. Я планировал сперва посетить стлицу и попросить императора пожертвовать экземпляр Трипитаки храму Баоэнь. Император охотно удовлетворил мою просьбу и, как только я получил её в своё распоряжение, я двинулся в путь.

В одиннадцатом месяце, пока я шел южнее Лунцзяна[44-2], тамошняя ступа начала испускать свечение. Свет распространялся в течение нескольких дней, и однажды вечером, когда я с Трипитакой был уже у цели, он повернул на север, образовав мост, так что в его лучах монахи могли выйти Трипитаке навстречу. После надёжного размещения сутр была проведена служба. Свечение продолжалось несколько дней, и тысячи людей, ставших его очевидцами, считали его поистине редким и благоприятным знамением.

[44-2] Лунцзян -

Как только мать узнала, что я возвращаюсь, она отправила мне навстречу гонца узнать, когда именно я буду дома и как долго намерен погостить. Я попросил его передать, что поскольку у меня были официальные дела, я не мог назвать точное время прибытия. Потом я пошутил: "Если моё прибытие обрадует её так же, как мой отъезд, я проведу у неё две ночи". Услышав это, моя мать сказала: "Увидеться с ним снова через столько лет - всё равно что встретить его в следующей жизни. Я так рада! И целых две ночи! И одной ночи было бы достаточно, а он собирается гостить две!"

Она была так рада, когда наконец меня увидела, что не могла остановить смех. Её реакция меня удивила и обрадовала. В тот вечер она созвала к себе множество друзей и родственников и всю ночь мы провели за разговорами.

"Ты приехал на лодке или по дороге?" - спросил меня пожилой родственник.

"К чему спрашивать, как он сюда попал?" - ответила мать.

"Ну, а откуда он приехал?" - снова спросил родственник.

"Он спустился со звёзд!" - сказала мать.

Я засмеялся. "Неудивительно, что она позволила мне покинуть дом!"

Потом я спросил её: "После моего отъезда ты обо мне вспоминала?"

"Как же я могла о тебе не вспоминать? Я постоянно волновалась".

"О чём ты волновалась?"

"Поначалу я не знала, где ты находишься. Потом один монах сказал мне, что ты на Утайшане, я спросила в каком это направлении, и он сказал: "Север. Твой сын живёт под Большой Медведицей". Поэтому каждую ночь я смотрела на Большую Медведицу и думала о тебе, повторяя имя бодхисаттвы. Каждую ночь я видела тебя там в вышине. Если бы мне кто сказал, что ты умер, я бы ответила: "Нет. Он всё ещё там". То, на что я смотрю сейчас, должно быть твоим переходным телом!"

На следующий день мы пошли поклониться могилам предков. На кладбище я нашёл подходящий участок для могилы родителей. На тот момент моему отцу было 80 лет, поэтому я в шутку сказал: "Может мне

похоронить его сейчас, чтобы потом не возвращаться?" После чего я несколько раз стукнул оземь мотыгой, имитируя копание. Мать выхватила мотыгу у меня из рук и начала копать, приговаривая: "Пока мы тут, я могу вырыть могилу и для себя. Тогда уж никому не придётся хлопотать". На третий день я простился с родителями. Мать ничуть не была опечалена, пребывая как всегда в хорошем настроении. Она была необычайной женщиной!

В Цзимо у меня был ученик, которого звали Хуан Нашань по прозвищу Цзыгуан, брат чиновника по фамилии Хуан. Моим учеником о стал в возрасте 19-ти лет вскоре после моего переселения на побережье в Дунхай. Я обучил его Сурангама-сутре, которую он выучил наизусть за два месяца. Затем, не взирая на возражения своей семьи, он твёрдо решил стать вегетарианцем.

Он с такой ревностью практиковал чань, что зачастую не ложился спать. Даже зная, что я возвращаюсь в Дунхай, он продолжал молиться Гуанъинь о моём безопасном и скорейшем возвращении. Он сказал: "Мы - жители приграничного региона. Долгое время мы ничего даже не слыхали о Трёх драгоценностях. И вот, благодаря великой удаче явился удивительный учитель, чтобы стать нам наставником и другом. Мы сейчас настолько от него зависим, что если он не сможет вернуться, мы не переживём утраты". После этого в качестве жертвоприношения он разрезал себе руку и вставил в кровоточащую рану горящую свечу. Он молился Гуанъинь, а свеча сгорала, обжигая рану.

Болезненная рана зажила только через три месяца, но, затянувшись, мистическим образом оставила шрам в форме лика Гуанъинь. Черты лика различались настолько явственно, что, казалось, были специально прорисованы. Хотя он жил с женой и матерью, он не рассказал им историю своего шрама. Когда позже он, придя ко мне, сказал, что оставит дом, если я приму его в монахи, я с сожалением вынужден был ему отказать.

Он запротестовал. "Разве я не доказал свою преданность Дхарме? - спросил он. - Почему ты не позволяешь мне стать монахом?" Но поскольку он уже взял на себя ответственность за семью, мне пришлось ему отказать. Всё же, этот случай показал, что семя природы будды может дать ростки даже на духовно истощённой почве.

Когда я только принял решение остаться на Утайшане, в мои планы входило дождаться подходящего момента для восстановления храма Баоэнь, разрушенного пожаром. Разумеется, предприятие требовало средств. Однако при том, что времени было предостаточно, денег не было вовсе.

Переселившись на побережье, я продожал ожидать благоприятного момента для поиска финансирования. И он случился, когда я забирал Трипитаку в южную столицу[44-3]. Я составил подробный план восстановления храма и представил его императрице-матери. Я упомянул трудности в сборе такой крупной суммы, но высказал соображение, что её можно собрать по чуть-чуть, например, сократив императорские расходы на питание на каких-то сто лянов[44-4] в день. Сумма накапливалась бы в течение трёх лет, по прошествии которых можно было бы начать восстановительные работы и завершить их через десять лет. Императрице-матери понравилось моё предложение и она распорядилась, чтобы в течение двенадцати месяцев этого года из продовольственного бюджета ежедневно откладывались по сто лянов.

[44-3] Южная столица - Нанкин.
[44-4] Лян - мера веса и денежная единица серебром.

Год сорок пятый (1590-1)

В этот год весной я переписал Лотосовую сутру в знак признательности императрице-матери.

В это время несколько последователей даосского культа, объединившись со своими священниками и утверждая, что я незаконно захватил земли их даосских храмов, попытались установить контроль над территорией, которая ныне была буддийской и принадлежала буддийским храмам[45-1]. Они подстрекли массу людей и, устроив волнения у управы провинциального наместника, потребовали возвращения своего имущества. Я был на месте волнений вместе с двумя своими прислужниками. Мы пытались утихомирить толпу, но они были черезчур неуправляемы. Наместник Ли, считая их требования

[45-1] Даосского священника звали Гэн Илан (1509-1606 гг.). Он обладал степенью цзиньши и позднее стал даосским монахом в монастыре Тайцин на Лаошане. К моменту появления в этих краях Ханьшаня монастырь находился в упадке, будучи местом обитания всего нескольких монахов. Именно на его фундаменте Ханьшань начал возводить буддийский храм. В результате волнений, как главный обвиняемый Гэн Илан был в качестве наказания избит плетьми и осуждён местными властями на 4 года ссылки.
[45-2] Лэйчжоу - город в пров. Гуандун, куда Ханьшань

несправедливыми, выигрывал время, заверяя их в том, что для всестороннего рассмотрения направит дело в Лэйчжоу[45-2].

окажется впоследствии высланным после суда над ним (см. главу *Год пятидесятый (1595-6)*), традиционное место ссылки.

Людей это не успокоило. В какой-то момент разгневанная толпа окружила меня с прислужниками. Я сразу отпустил прислужников и дальше действовал водиночку. Один из вожаков протестующих выступил против меня с ножом в руке, угрожая меня убить. Сохраняя самообладание, я спокойно сказал: "Если ты меня убьёшь, неужели ты думаешь, что тебе это сойдёт с рук?" Тогда он с большой неохотой зачехлил нож. Увидев, что теперь он менее агрессивен, я с ним заговорил, взывая к его благоразумию. Вдвоём мы прошли несколько километров и уже готовы были полюбовно расстаться, как толпа, вдруг решив, что он их предал, помчалась за ним вдогонку с угрозами убийства.

Опасаясь, что его убьют, я мигом схватил его за руку и буквально втащил в своё жилище. В доме я его замаскировал, после чего мы расселись, изображая непринуждённые общение и смех и лакомясь фруктами. К тому моменту естественно уже успел разнестись слух, что даосы убивают буддийских монахов, и когда он дошел до губернатора, тот отправил дружину арестовать протестующих. Все скопились у моего жилища. Увидев губернатора с дружиной и зная что теперь нам ничего не угрожает, я позволил своему гостю переодеться в его старую одежду. Протестующие, порядком напуганные отвешивали мне поклоны, умоляя о спасении.

"Эти бунтовщики убили кого-то из буддийских монахов?" - спросил губернатор.

"Бунтовщики? Да нет, эти люди никого не убивали, - непринуждённо ответил я. - Более того, мы с их предводителем здесь сидели и спокойно общались, наслаждаясь вкусом фруктов".

"Так чем всё-таки вызван весь этот шум и гам?" - властно спросил губернатор.

"Это был всего-навсего шум с рынка, - сказал я. - Просто прикажите им разойтись. Здесь некого сажать за решётку".

Губернатор быстро понял суть ситуации и распорядился, чтобы местные власти всех отправили по домам. Не прошло и трёх дней, как закон и порядок были полностью восстановлены.

В этот год я написал комментарий к трудам Лао-цзы и Чжуан-цзы.

Год сорок шестой (1591-2)

В этот год императрица-мать заказала для главной залы храма, строительство которой было завершено, изготовление статуи Вайрочаны из сандалового дерева.

Осенью, сидя в медитации, умер мой ученик Цзыгуан.

Год сорок седьмой (1592-3) [47-1]

[47-1] Также в этом году императрица-мать пожаловала Ханьшаню лиловую рясу (цзыи), изначально пожалованную Дагуаню, который от неё отказался на том основании, что Ханьшань был её более достоин.
Лиловый цвет рясы противоречил правилам, регламентировавшим одеяние монахов, но с той поры, как он был впервые использован императрицей У (625-705 гг., правл. 690-705 гг.) в 690 г. в качестве символа особой благосклонности к 9-ти её фаворитам среди монахов, он стал традиционным для ряс, даруемых императором.

В седьмом месяце этого года я отправился в столицу и навестил учителя Дагуаня в его горной обители. Множество веков тому назад, во времена династии Цзинь[47-2], учитель Дхармы Юань[47-3], будучи обеспокоен опасностью исчезновения буддийского учения, вырезал сутры на камнях. Эти камни он поместил на хранение в близлежащую пещеру. Однако позднее буддийские монахи решили продать храм и ступу, вследствие чего строения стояли, не выполняя никакой буддийской функции, пока не пришёл учитель Дагуань и не выкупил их. Он повёл меня

[47-2] Династия Цзинь - в истории Китая известны две династии с таким названием, правившие в периоды 265–420 гг. и 1115–1234 гг. соответственно. Вторая династия Цзинь была мятежной и существовала параллельно с официальной династией Сун. Какую из них имеет в виду Ханьшань непонятно без установления личности учителя

в пещеру и показал этот клад из каменных сутр. История была настолько поразительной, что я ни секунды не колебался, когда он попросил меня её записать. Я с удовольствием записал историю возвращения камней, ступы и храма. Кроме этого я уделил время организации рукописей, написанных мной в храме Хайинь.

Юаня.
47-3 Учитель Дхармы Юань -

Затем на протяжении сорока дней и ночей мы с учителем Дагуанем сидели друг против друга, будто бы объединившись в стостоянии самадхи. Это время было самым счастливым в моей жизни.

Год сорок восьмой (1593-4)

В этот год множество людей в провинции Шаньдун погибли от жесточайшего голода. Улицы были завалены трупами. Множество голодающих обитало в окрестностях нашей горы. Мы кормили их храмовыми запасами продовольствия, а после того, как они истощились, я на судне отправился на Ляодун[48-1] закупить основных продуктов питания. На нашей стороне горы ни один человек не погиб от голода.

48-1 Ляодун - Ляодунский п-ов в северо-восточной части Китая, отделённый от Шаньдунского п-ва морем.

Год сорок девятый (1594-5)

Этой весной в третьем месяце меня посетил наместник Шаньдуна Чжэн Кунья. Он задал множество вопросов по Дхарме, на которые я охотно ответил.

В десятом месяце я отправился в Пекин на празднества зимнего солнцеворота и чтобы передать по этому случаю свои благопожелания императрице-матери. Там я принял приглашение погостить несколько месяцев до новогодних праздников, а также почитать лекции о буддийских обетах в храме Цышоу[49-1].

К этому времени императрица-мать накопила значительную сумму для проекта восстановления храма Баоэнь. Я спросил её, на когда планируется начало работ. По причине политического кризиса, разразившегося вследствие японского вторжения[49-2], китайская армия была приведена в повышенную боевую готовность, и в этих условиях императрица-мать была вынуждена отложить принятие каких-либо решений относительно восстановления храма.

49-1 Храм Цышоу - см. примечание Храм Дацышоу к главе *Год тридцать четвёртый (1579-80)*.

49-2 Японское вторжение - имеется в виду Имджинская война между Японией и Кореей (1592-8 гг.), в которой Япония выступала агрессором, а Китай находился на стороне Кореи, оказывая ей военную помощь. На годы 1594-5 приходится этап мирных переговоров между Китаем и Японией.

Год пятидесятый (1595-6)

Этот год не был добрым. Весной, не успел я вернуться из столицы в свой прибрежный храм, как был арестован на основании целого ряда обвинений[50-1].

Во-первых, в результате в основном интриг даосов приверженность императрицы-матери буддизму и благосклонность ко мне не слишком нравились императору и некоторым из высокопоставленных представителей двора. Многим придворным претило пожалование императрицей-матерью мне в дар Трипитаки и её просьба к придворным дамам пожертвовать средства на строительство храма для её

50-1 В действительности Ханьшань пал жертвой противостояния между императором и императрицей-матерью в вопросе престолонаследия, так как каждый из них видел наследником сына своей фаворитки среди императорских наложниц - официальная императрица наследника не родила. Кандидат императрицы-матери по имени Чжу Чанло при этом имел законное право наследия, будучи старшим сыном императора (и в итоге сменив его на престоле), и Ханьшань проводил молебны именно о его здравии.
Упомянутая в предыдущей главе острочка императрицей-матерью принятия решения о начале восстановления храма Баоэнь вероятней всего была вызвана политическим кризисом, связанным не столько с японским вторжением, сколько с обострением отношений между ней и её сыном-императором на фоне разногласия о кандидатуре наследника престола, что выразилось в кампании преследования императором ряда сановников из её окружения, вследствие чего её возможности спонсорства буддийских проектов существенно ограничились.

размещения. Недовольство вызывало у них и то, что она единолично приняла решение дать храму название Хайинь, при том, что жертвовали не него другие люди, и что такой жест выглядел как признание императорским двором права собственности на него за буддистами.

Благосклонность отдельных чиновников и представителей элиты, которой Ханьшань пользовался, находясь в ссылке (см. последующие главы), можно объяснить их солидарностью с ним в вопросе престолонаследия и оппозицией к императору. Установлено, что за свою жизнь Ханьшань был связан с более чем 220-ю представителями элиты.

Вдобавок к этому давняя история с проведением церемонии мокша паришад полностью не забылась. Многие сановники продолжали считать, что я ослушался императорского повеления. Ситуацию усугубляло и то, что эти придворные сановники презирали посланника императрицы-матери[50-2], с которым она передала как Трипитаку, так и средства, пожертвованные на строительство храма для неё. Из этих денег на строительство я использовал только семьсот золотых монет, а остальное попросил посланника раздать голодающим, что он и сделал. Но по наущению нескольких вельмож-даосов и вышеупомянутых недовольных придворных сановников против меня и ненавистного им посланника были выдвинуты обвинения в злоупотреблении всей суммой.

[50-2] Речь должно быть идёт о евнухе Чжане Бэне (ум. 1595 г.), одном из ближайших соратников императрицы-матери, который в этом году был приговорён к смертной казни по обвинению в подделке императорского указа о пожаловании храму Ханьшаня экземпляра Трипитаки за 9 лет до этого (см. главу *Год сорок первый (1586-7)*).

Мой план реконструкции храма Баоэнь также натолкнулся на ожесточённую оппозицию. Придворные, в особенности небуддисты, не понимали, почему они должны терпеть пусть даже незначительное сокращение обилия своего рациона ради удовлетворения моей сентиментальной любви к старому храму. Тот факт, что её величество поддались уговорам профинансировать мой дорогостоящий каприз, свидетельствовал о том, что я имел чрезмерное влияние на императорский двор. Их раздражение распространилось даже на придворного администратора, руководившего сбором сэкономленных на ежедневном рационе денег. Он тоже был обвинён в финансовых злоупотреблениях.

Но самым тяжёлым было давнее обвинение в незаконном завладении даосским имуществом на горе в Дунхае. Когда местные даосы устроили массовые волнения, губернатор сумел заставить их разойтись, но ни он, ни я не могли заставить их отказаться от враждебных настроений. Даосы продолжали на меня жаловаться, и когда у них нашлись союзники в лице недовольных придворных сановников, их мелочные жалобы приобрели государственный масштаб. Против меня была составлена официальная жалоба, изобилующая преувеличениями и ложными обвинениями, и представлена императору их агентом, который для этой цели выдал себя за даосского священнослужителя. Обман оказался удачным. Разгневанный и возмущённый император незамедлительно отдал распоряжение об аресте[50-3].

[50-3] Жалоба на Ханьшаня напрямую императору была подана "Восточным участком" (дунчан), состоявшей из евнухов императорской секретной полицией, от имени Гэна Илана (см. примечание 45-1 к главе *Год сорок пятый (1590-1)*) и при содействии настоятеля пекинского даосского монастыря Байюнь, с которым Гэн Илан был связан. В ней Ханьшань обвинялся в частности в заговоре с такими евнухами как Фэн Бао (умер в ссылке в Нанкине в 1583 г.) и Чжан Бэнь (см. примечание 50-2 к этой главе), в выдаче себя за члена императорской фамилии и подделке указов, захвате имущества даосского монастыря, избиении людей до смерти, накоплении запасов для планировавшегося мятежа. Жалоба завершалась словами *"Изволю не сносить головы, если что-либо из сказанного мной не подтвердится"*. В ответе на жалобу император Ваньли писал: "*Ввиду того, что [Гэн] подавал жалобу неоднократно, губернатору следует лично заняться расследованием, а о результатах отчитаться [мне]. С какой стати он каждый раз спускал дело на уполномоченных чиновников? [Он] потворствовал зловредному монаху в нанесении вреда Пути и обрушил беды на простой люд. Какие ещё беззакония при этом совершались? [Приказываю] Министерству исполнения наказаний провести расследование в отношении всех чиновников, расследовавших дело и деятельность этих преступников*".

Узнав о моих неприятностях, мои друзья были чрезвычайно опечалены и я, естественно, пытался их утешить: "Я жил здесь двенадцать лет. Подумайте, чего за это время удалось достичь. Люди, бродившие бесцельно без какого-либо морального руководства, теперь шагают прямо и твёрдо по буддийскому пути. Я слышал, как дети умилительно декламируют имя Будды. О чём мне жалеть?" Потом, вспомнив свой давний обет восстановить храм Баоэнь, я исправил себя: "Единственное о чём я действительно жалею, это то, что храм Баоэнь скорей всего восстановлен не будет".

В столице Приказ поддержания мира[50-4] получил распоряжение допросить меня. Прежде, чем мне выдвинули официальное обвинение по всем пунктам, меня били и без конца допрашивали по поводу пожертвований императрицы-матери различным буддийским монастырям, общая сумма которых, по мнению моих недоброжелателей, составляла несколько

[50-4] Приказ поддержания мира (аньфу(ши)сы 安撫(使)司 либо сяньфу(ши)сы) 宣撫(使)司) - военный административный орган, изначально созданный для обеспечения поддержания мира в приграничных регионах, видимо в связи с проживанием в них покорённых народностей и племён. Позднее его структурные подразделения с прямым подчинением столице были распространены на все

сот тысяч золотых. Я отказывался говорить всё, что могло скомпрометировать преданность её величества буддизму. Что же касается пожертвований придворных дам, то мне, к счастью, удалось представить бухгалтерские записи двора, в которых значилось, как и где были израсходованы средства. Обвинение в злоупотреблении казёнными средствами было снято.

административные единицы. Военные функции остались формальными, а основной функцией стал надзор за бюрократическим аппаратом на местах. Какие именно свои полномочия выполнял Приказ, допрашивая Ханьшаня, сказать трудно ввиду недостатка сведений. Возможно здесь присутствует ошибка перевода и допрашивали Ханьшаня сотрудники Цзиньивэй ("парчовых стражников"), императорской военной тайной полиции.

Кроме того меня подстрекали к предательству императрицы-матери путём дачи показаний о том, что она не просто одобрила незаконное получение мной в своё распоряжение даосского имущества в Дунхае, но фактически поощряла его своей просьбой о пожертвованиях на сооружение нового буддийского храма на традиционно даосской территории. Я изложил суду результаты изучения местности, которое я предпринял, когда только прибыл в Дунхай. Я утверждал, что имущество изначально было буддийским, что даосы завладели им незаконно путём подделки императорской подписи, что впоследствии буддийские органы успешно ходатайствовали о его возвращении, и что в моём случае на момент моего прибытия земельный участок был уже давно заброшен. Я настаивал, что именно таковы были сведения, представленные мной её величеству.

Я изложил свою позицию с такой убеждённостью, что император понял, как императрица-мать могла принять мою версию событий, не усомнившись в её достоверности. Они окончательно помирились друг с другом. Я был предан величеству их обоих, и одно из утешений, которые я мог найти в своих злоключениях, состояло в том, что я не сломался под пытками и не позволил себе стать орудием семейной ссоры.

Однако версия событий, которую предпочёл принять император, принадлежала даосам, а я был признан виновным в незаконном строительстве храмов в Дунхае, в результате чего заключён в тюрьму в Лэйчжоу. Это произошло в третьем месяце года [50-6].

[50-6] По приговору суда храм Хайинь подлежал сносу. Даосский монастырь Тайцин был впоследствии восстановлен на том же фундаменте, ему были пожалованы даосский Канон и более чем полтора гектара земли.

Пока длился суд надо мной, во всех храмах столицы за моё благополучие беспрерывно декламировались сутры и служились церемонии "кшамаяти", вдохновляющие на терпение и прощение. Некоторые монахи даже принесли жертву в форме сжигания курительных палочек в своих руках с одновременным повторением мантр и молитв в мою защиту. В Цзиньу[50-7] сын чиновника Чжэна Фаньцзи из Аньсу[50-8], с которым я никогда не встречался, устроил званый обед, чтобы мобилизовать дворян и аристократию в мою поддержку. Со слезами на глазах он рассказал им о моей невиновности. Его гости выразили глубокое сожаление о моих страданиях и ущербе, нанесённом нашей буддийской Дхарме. В их реакции отразилось истинное мнение людей о Дхарме в тот момент.

[50-7] Цзиньу -
[50-8] Аньсу - предположительно город в пров. Хэбэй.

В тюрьме я просидел восемь месяцев. Всё это время только Фушаню было позволено носить мне еду.

Зимой этого года, в девятом месяце, я был выслан на юг. Множество людей, в том числе чиновники в одежде простолюдинов, провожали меня на берег реки. Со мной уезжали мой прислужник Фушань и два или три монаха.

В одиннадцатом месяце я прибыл в Нанкин. Попрощавшись с матерью, я написал литературное сочинение, озаглавив его "Мать и сын". Уезжая, я взял с собой своего осиротевшего племянника.

Я вспомнил, что ранее, когда мы с учителем Дагуанем вместе жили на Горе каменных сутр, он, комментируя упадок школы чань, сказал, что Цаоси[50-9] (Наньхуа-сы)[50-10], колыбель чань, тоже скорей всего находится в упадке. Мы решили побывать там и оживить монастырь. В действительности он отправился раньше и ожидал меня на Куншане[50-11]. В момент моего ареста он находился в Тяньчи[50-12].

[50-9] Цаоси - город в пров. Гуандун, в котором находится чаньский монастырь Наньхуа-сы.
[50-10] Наньхуа-сы - монастырь, в котором жил и проповедовал 6-й патриарх чань-буддизма Хуэй-нэн.
[50-11] Куншань - по-видимому ошибка английского перевода, и имеется в виду Куаншань (см. примечание Гора Куаншань к главе *Год семьдесят первый (1616-7)*), т.к. в другом источнике местом ожидания Ханьшаня Дагуанем называется Лушань, другое название Куаншаня. Эти события относятся к осени 1563 г.
[50-12] Тяньчи - см. примечание Тяньчи к главе *Год двадцатый (1565-6)*.
[50-13] В Пекине, как явствует из протоколов допросов Дагуаня после его ареста (см. главу *Год пятьдесят восьмой (1603-4)*), он намеревался с помощью евнуха Яня Луаня, по всей вероятности связующего звена между

Учитель Дагуань был шокирован моим арестом [50-13]. Потом он с грустью заметил: "Без учителя Ханьшаня наш обет возродить Цаоси невозможно исполнить". Тем не менее он продолжил путь в монастырь, после чего вернулся в Ляочэн[50-14].

Узнав, что я еду в Нанкин, он отправился туда, чтобы меня встретить. Нам удалось пообщаться в храме на берегу реки [50-15]. Он хотел ехать в столицу ходатайствовать за меня, но я его отговорил. "Как сын покоряется воле отца, я покоряюсь воле его величества. В чём разница между семьями и правительствами? Этот приговор - мой жребий и я его принимаю. Прошу тебя, - попросил я его, - ничего не предпринимай и не высказывайся в мою защиту".

ним и императрицей-матерью, добиться помилования Ханьшаня, однако не предпринял никаких шагов, вероятно прислушавшись к просьбе Ханьшаня.

[50-14] Ляочэн - город на западе пров. Шаньдун.

[50-15] В одном из источников Ханьшань так описал свою встречу с Дагуанем: *"В одиннадцатом месяце того же [1595] года мы наконец свиделись в святилище Лубо на реке [Янцзы]. Цзыбо взял мою руку и, вздохнув, сказал: "Ты служишь Великой Дхарме до последнего дыхания. Примерами [такого поведения] в древности были Чэн Ин и Гунсунь Уцзю [друзья убитого императора, спасшие его сына, родившегося после его смерти, тем самым сохранив преемственность его правящей династии.] А я что за человек? Если ты не вернёшься к жизни, мне самому останется жить недолго". Я то и дело старался утешить Цзыбо. В момент расставания Цзыбо сказал: "Я умру раньше тебя. Все последующие дела я поручаю тебе". После этого мы расстались навсегда".*

Перед расставанием он сжал мне руку и сказал: "Когда, находясь в Тяньчи, я узнал о твоём аресте, перед статуей Будды в святилище я дал обет сотню раз продекламировать Лотосовую сутру во имя твоего благополучия. От всего сердца я молился о твоём избавлении от невзгод. И теперь я молюсь, чтобы неприятности миновали тебя в будущем". Я покорно его поблагодарил.

Позже он написал мне, прислав экземпляр своего сочинения "Изгнание гостя".

Год пятьдесят первый (1596-7)

В первом месяце, всё ещё в статусе ссыльного, я переправился через реку Вэньцзян[51-1] и навестил императорского советника Чжоу. Из Лулина[51-2] на лодке прибыл упасака Ван Синьхай, чтобы выразить мне почтение и просить о написании комментария на Ланкаватара-сутру.

Во втором месяце я поднялся на вершину горы Ю[51-3] осмотреть то место, где Веймин[51-4] попытался завладеть рясой шестого патриарха[51-5]. В память об этом событии я написал следующие две строки:

> "В прошлом, когда ты шествовал здесь, любезный ремесленник,
>
> тот, кто следовал за тобой, показал свой бессмертный лик.
>
> Можно ли так же ясно увидеть и мой?"

[51-1] Река Вэньцзян -

[51-2] Лулин -

[51-3] Гора Ю - гора Тайю на северной границе пров. Гуандун.

[51-4] Шестой патриарх - 6-й патриарх секты чань Хуэй-нэн.

[51-5] Веймин - упоминается в сцене погони "Сутры помоста" ("Алтарной сутры") 6-го патриарха, в различных переводах которой фигурирует под именем Хуэймин, наиболее настойчивый из нескольких сотен монахов, преследовавших Хуэй-нэна с целью завладеть его патриаршими регалиями, патрой и рясой. Случай также описан в главе 23 сборника коанов "Застава без ворот" (Мумонкан) "Эно и подлинное "я"" (в англ. варианте "Не думай ни о добре, ни о зле")

Место было поистине вдохновляюще и достойно визита, но доступ к нему был слишком труден для путника. Поэтому одному из своих прислужников я наказал установить сторожку для угощения посетителей чаем, а также сагитировал местных буддистов поработать на дороге и призывать всех посетителей также оказывать посильную помощь. За несколько лет дорога к участку стала ровной и безопасной.

Как только я прибыл в Шаоян[51-6], я немедленно пошёл на гору выразить почтение 6-му патриарху. Испив воды Цаоси, я написал

[51-6] Шаоян -

следующую гатху:

"Хватило капли Цаоси одной

Чтоб волны океанские взметнуть до неба

И робких рыб в драконов обратить.

Источник засорён. Колодец пуст.

В спокойном море нет детёнышей драконов".

Храм 6-го патриарха был практически заброшен и на грани разрушения. В глубокой печали я продолжил свой путь в Гуанчжоу.

Прибыв туда, я надел тюремную робу и вериги и предстал перед военным генералом, который разрешил мои узилища и пригласил на трапезу в храме Хайчжу[51-7].

В то время императорский советник Чжоу Хаймэнь читал лекции по метафизике Янмина[51-8]. Узнав о моём прибытии, он зашёл в гости с несколькими десятками своих последователей. Разговор он начал с изречения: "Без понимания условия дня и ночи истину не познать."

[51-7] Храм Хайчжу - по-видимому речь идёт о храме Хайчжуан в районе Хайчжу г. Гуанчжоу.

[51-8] Янмин - Ван Янмин (1472-1529 гг.), китайский философ-идеалист, один из основных мыслителей неоконфуцианской школы синьсюэ ("учение о сознании").

Находившийся среди них пожилой даос ответил: "Условие - это сознание. А день и ночь - это бодрствование и сон. Сознание, функционирующее в нас в часы бодрствования является тем же сознанием, которое функционирует ночью во время нашей деятельности в сновидениях". Присутствующие выразили одобрение его слов.

Тогда советник Чжоу обратился ко мне: "Достопочтенный учитель чань, все, кажется, удовлетворены таким толкованием, а я - нет. Пожалуйста поделись своей точкой зрения".

"Откуда эта цитата?" - спросил я.

"Это из Книги перемен[51-9],"- ответил он, процитировав ещё несколько предложений.

[51-9] Книга перемен - И-цзин, одна из книг Пятикнижия (Уцзин), пяти классических произведений древнекитайской литературы.

"Это совет мудреца людям о том, что им следует превзойти самсару и выйти за пределы рождения и смерти," - сказал я.

Советник зааплодировал. "Только толкование старого учителя согласуется с текстом. Теперь его смысл ясен". Но его последователи не поняли и попросили более подробного объяснения.

"День и ночь суть иллюзия, называемая рождением и смертью, - начал объяснять советник. - Только освободившись от обусловленности этой иллюзией, можно пережить реальность".

С этим все были согласны. По просьбе некоторых преданных буддистов наместник Чэнь выдал мне пропуска для путешествия на юг. 10-го числа третьего месяца я прибыл в Лейчжоу и остановился в старом храме в западной части города. Спустя несколько недель я принялся за написание своего комментария к Ланкаватара-сутре.

В тот сезон года длительная засуха вызвала ужасный голод, и по причине слабости организма людей во всём регионе вспыхнула эпидемия, унесшая множество жизней. Я жил как на кладбище - всюду вокруг меня была смерть. Но меня сила Дхармы уберегла от болезни и я, к счастью, остался здоров.

Из-за засухи все колодцы пересохли. Каждый вечер мой прислужник Фушань дожидался полуночи, чтобы сходить раздобыть небольшую канистру воды для нужд следующего дня. Времена были тяжёлые, и вода считалась едва ли не такой же ценной как нектар бессмертия.

Всюду лежали горы трупов. К осени, когда эпидемия пошла на спад, мы с учёным Кэ Шифу[51-10] организовали похороны около тысячи человек. Затем я отслужил поминальную службу по погибшим, при этом молясь и о дожде. Молитвы были необыкновенным образом отвечены. Через несколько часов после службы хлынул такой ливень, что улицы почти на метр утонули в воде. Засуха и последние следы эпидемии были смыты.

В восьмом месяце по приказу губернатора я вернулся в Гуанчжоу. Продолжая находиться под ограниченным надзором военных властей, я жил в бараках, где сочинил около двадцати стихотворений о своих впечатлениях от переходов с армейскими подразделениями.

По пути в Гуанчжоу я проехал через Кутэн[51-11] округа Дяньбай[51-12], который считался вратами в империю. Это был мой первый визит в эту местность, и в память о нём я написал литературное сочинение. Кроме того я помог установить станцию, где путники могли бесплатно выпить чаю.

В Гуанхае[51-13] я встретился с императорским советником Дином Йоуъу, который, как и я, стал жертвой несправедливости судебной системы. Он в этих краях оказался вследствие ложных обвинений. Я его всегда уважал и теперь, когда у нас было столько общего, мы смогли близко подружиться.

[51-10] Кэ Шифу -

[51-11] Кутэн -

[51-12] Дяньбай - уезд и одноимённый город в пров. Гуандун.

[51-13] Гуанхай - город в пров. Гуандун.

В этом году в письме Ханьшань признавался Мяофэну в переменах, произошедших в его понимании буддийской практики в связи со ссылкой: "*Поэтому, когда мы познакомились 30 лет назад (см. главу Год двадцать первый (1566-7)), [я] сразу обрёл понимание того, что значит духовное преуспеяние. Последние 20 лет я неустанно занимался уборкой нечистот, и мысль [о духовном развитии] никогда меня не покидала. Однако, к несчастью, засевшая во мне привычка была так сильна, что я не мог мгновенно искоренить карму из своего поведения и потока сознания... С поры нашего расставания быстро пролетели 15 лет (см. главу Год тридцать седьмой (1582-3)). [За это время], перенося великие тяготы, я подгонял себя вперёд и не осмеливался допустить хотя бы толику лени. К сожалению, я продолжал пребывать в сетях иллюзии, поскольку её туман не был рассеян, а моя энергия была мне недоступна по причине скованности сознания. Несомненно, так было потому, что мой меч мудрости был недостаточно заточен для моментального рассечения [сетей]. Я отдаю себе полный отчёт в этой своей слабости, и как я осмелюсь скрывать её от тебя? Когда я, к счастью, увидел в дхармах условие существования реальности опыта чувствующих существ и обрёл осознание воздаяния за милость Будды, сети иллюзии я тотчас применил с пользой для буддийского служения. Принимая на себя ответственность [за буддийское учение], в своём сердце я имел такую же непоколебимость, как вес девяти жертвенных треножников, а недуг привязанности к Дхарме усилился всемеро. Поступая таким образом, я полагал, что исполню свой долг и буду идти в ногу с мудрецом прошлого, но в действительности в этом нет мудрости, а есть лишь глупость. К счастью, в своём сердце я осознал ошибочность этого поступка, подобного переправе через реку в сновидении (т.е. мнимого). Так случилось, что Священный правитель удостоил меня алмазным огнём, пронзившим слой накопившихся заблуждений, чем без труда отсёк корень эмоций прошлых кальп. Оглядываясь назад, я вижу события прошлого как сновидение и потому нынешний этап считаю удачей и счастьем в своей жизни. В глубине сердца я знаю, что ты должно быть порадовался за меня. И хотя сейчас я брошен в море малярии, здесь я живу, будто восседая на бодхимандале (даочан, место изучения и практики Пути). Хотя ныне я страдаю от зноя и духоты, я воспринимаю это как утоление жажды сладкой росой. На досуге, когда мне не нужно носить оружие [как солдату], я углубляюсь в Сурангама-сутру (Лэнъянь-цзин), исследуя печать сердца (т.е. суть учения) Будды. Я пришёл к пониманию, что ранее я скорее погрузился в область света и тени (т.е. иллюзии), чем обрёл могущество истинной джняна-даршаны (чжицзянь, знания и видения). Поэтому [я] признаю, что будды и боги располагают не одним спасительным методом воспитания чувствующих существ, преданных буддийскому учению, с единственной целью введения их во врата чистого освобождения. Как собранные воедино огнища [ада], так и гора ножей являются местом достижения истины нирваны. Отныне можно утверждать, что я не посрамлю свой собственный дух, а равно своих учителей и друзей*".

Год пятьдесят второй (1597-8)

Зима принесла Гуанчжоу много трудностей. Трупы и останки скелетов, исчисляемые тысячами, лежали на улицах. С Дином Йоуъу мы упорно трудились над организацией захоронений, а после выполнения этой миссии отслужили семидневную заупокойную службу. Наши усилия были высоко оценены множеством обращённых в буддизм гуандунцев.

Летом в четвёртом месяце я завершил свой комментарий к Ланкаватара-сутре, но ввиду того, что некоторые из моих учеников не могли понять его основную идею, я написал ещё и "Прямое объяснение чжун юн[52-1]", позволившее им понять сутру.

[52-1] Чжун юн - предположительно конфуцианский трактат "Срединное и низменное" либо "Срединность и постоянство", часть канонического конфуцианского произведения Ли-цзи (Книга ритуалов), входящего в Пятикнижие (см. примечание Пятикнижие (У-цзин) к главе *Год семнадцатый (1562-3)*), а как

Осуждённые за уголовные преступления личности не были желанными в приличном обществе. А осуждённые священнослужители особенно презирались. Потому ко мне большинство людей в основном относились холодно или даже меня избегали [52-2]. Но так случилось, что наместник Чэнь Жуган, отличавшийся такими педантичностью в исполнении своего долга и строгостью манер, что никто не осмеливался обращаться к нему частным образом, сам часто посылал своих людей справиться обо мне. Вдохновлённые этим фактом, с Дином Йоуъу мы решили однажды нанести ему визит. Разумеется, привратник нас не впустил.

В тот вечер, однако, наместник сам прибыл ко мне в гости на лодке. С собой он привёз угощение и чай, и мы общались до полуночи. Его дружба со мной всех шокировала. Позднее он открыто хвалил меня другим чиновникам, утверждая даже то, что я был наиболее квалифицированным учителем в сангхе. Подчёркивая свою поддержку по отношению ко мне, начальникам различных департаментов он отдал распоряжение посетить меня с визитом, и очень скоро люди в регионе Линнань[52-3] стали проявлять ко мне некоторое уважение.

самостоятельное произведение - часть Четверокнижия, конфуцианского канона; а также центральная философская концепция одноимённого трактата, заключающаяся в соблюдении равновесия, умеренности и следовании своей природе. Вместе с тем неясно, какова связь концепций этого трактата с Ланкаватара-сутрой.

[52-2] В связи с осуждением Ханьшан был также лишён духовного сана.

[52-3] Линнань - см. примечание Линнань к главе *Год двадцать восьмой (1573-4)*.

Год пятьдесят третий (1598-9)

Весной в первом месяце администратор, обвинённый в финансовых злоупотреблениях в связи с планом реконструкции храма Баоэнь, был сослан в Лэйян [53-1]. Он приехал ко мне в Гуанчжоу, где я редактировал рукопись своего комментария на Ланкаватара-сутру. Когда он спросил о видах Лэйяна, я показал ему рукопись со словами: "Вот как выглядят красоты Лэйяна". Он сразу же оценил виды и занялся сбором пожертвований на работы по вырезанию текста на деревянных блоках для последующего издания.

[53-1] Лэйян -

Инспектор Чжоу Хаймэнь, начальник гуандунской управы по сбору солевого налога, часто заходил ко мне порасспрашивать о Дхарме. Особенно его интересовали история монастыря 6-го патриарха в Цаоси и то, планировал ли я провести ревизию официальных летописей Цаоси.

В то время в Гуандуне почти не преподавалась буддийская теология. Однажды императорский советник Чжоу Хаймэнь, преподававший метафизику Янмина, привёл весь класс своих учеников ко мне расспросить о буддизме. Один из его учеников по имени Лун Шэн был весьма впечатлён моими наставлениями и по возвращении домой пересказал их двум своим друзьям, Вану Аньшуню и Фэну Шэнчану. Позже они пришли ко мне втроём с просьбой продолжить их обучение. Я преподал им трансцендентальную доктрину, которую они поняли и приняли. Они ревностно практиковали чань и смогли обратить в буддизм многих других. Благодаря усилиям этих трёх учеников Три драгоценности стали хорошо известны в регионе.

Летом я организовал залу для медитаций, которая позволила бы мне проповедовать Дхарму открыто. Памятуя обет учителя Дагуаня сотню раз продекламировать Лотосовую сутру во имя уменьшения страданий, я решил преподать эту сутру нескольким десяткам собравшихся в зале монахов и учеников. Когда я дошёл до главы о драгоценной ступе[53-2], я внезапно осознал, чтó Будда имел в виду. Чистая земля Будд существует у всех перед глазами. Три превращения, необходимые для входа в неё, доступны всем, даже тем, кто не обладает выдающимися способностями. После этого я написал комментарий под названием "Овация Лотосовой сутре".

[53-2] Глава о драгоценной ступе - одиннадцатая глава Лотосовой сутры "Видение Драгоценной Ступы".

Мой друг Дин Йоуъу обладал живым и взрывным характером, но также тёплым и щедрым сердцем. Он проявлял уважение к сангхе, хотя ничего не знал о Дхарме. Но по-немногу я его обучал, пока однажды, садясь

на судно, он не пережил великое пробуждение. Подчеркнув необходимость всегда различать истину, я дал ему имя упасака Цзюэфэй. В качестве напоминания я написал для него следующее стихотворение:

"Свой ум очищай

Твоя истинная природа глубока словно спокойные прозрачные воды озера.

Позволь глубинной воде потревоженной быть любовью и ненавистью

И поднимутся волны страсти. Станет мутным что было прозрачным.

Имея помеху для зрения, ты не заметишь

Как умножаются твои неприятности.

На людей и на вещи вожделенно взирая,

Ты грязь высыпаешь в прозрачные воды.

Позволяя себе быть объектом чьего-то желанья.

Ты уподобляешься маслу, подлитому в пламя страсти.

Когда в тишину погружается неугомонное эго,

Пылающие преисподние превращаются в лёд.

Мягко пусть эго твоё погрузится в безмолвную смерть.

Когда глаза эго закрыты, тщетно приходят напасти.

Эта смерть нелегко наступает. Будь бдителен к старым привычкам,

Что, возвращаясь, с собой их приводят. Будь твёрд и несокрушим.

Бдительность рождает осознанность, осознанность же - это свет, который

Опаляющей вспышкой уничтожает все следы привидения.

Пусть твоя истинная природа просияет безупречным блеском.

Пребывай в чистой, непоколебимой безмятежности Единого.

Ты сам - господин. Ты - драгоценное царство.

Владычествуй гармонично и миролюбиво!

И какая внешняя сила посмеет ворваться?"

Год пятьдесят четвёртый (1599-1600)

Весной я завершил подготовку деревянных блоков с текстом моего комментария на Ланкаватара-сутру. Я давал лекции по сутре и раздал сотню её экземпляров учёным буддистам и правительственным чиновникам, содействовавшим распространению Дхармы. Особенно я хотел дать им понять, что не смотря на свои неприятности, я продолжал выполнять свои священнические обязанности.

Многие гуандунцы придерживались обычая приношения животных в жертву предкам. 15-го числа седьмого месяца для одного обряда жертвоприношения было собрано большое количество животных. Смотреть на них, ожидающих забоя, было настолько невыносимо, что я ввёл церемонию "улламбана", в которой предкам в качестве жертвы преподносились вегетарианская пища и молитвы. Я произносил проповеди о святости жизни и пытался убедить людей перестать убивать животных как для целей употребления в пищу,

так и в качестве жертвоприношения. То, как много из них приняли мои наставления, меня весьма радовало. С тех пор обряды похорон и в честь дней рождения родителей, а также служба кшайянти обычно проводились с подношением вегетарианской пищи вместо мяса животных. Множество птиц и животных были отпущены на волю. Милосердие по отношению к животным было встречено одобрительно и побудило многих принять буддизм.

Летом, в пятом месяце, уездный начальник Чэнь, который был моим близким другом по Дхарме, вернулся домой. Приехав, он не зашёл ни ко мне, ни к другим старшим монахам, а вместо этого прислал гонца с просьбой одолжить ему сто комплектов столовых приборов. Я выполнил его просьбу. Мы были поражены, когда позже он пригласил нас на званый обед. Разумеется, он нас угощал взятыми взаймы приборами. Радовало то, какое глубокое уважение он испытывал по отношению к сангхе. Вскоре он подал в отставку с должности. Беспокоясь о том, что он, возможно, болен, я отправился его навестить, но он скончался перед самым моим прибытием. На следующий день его тело было доставлено в город и я отправился прямо в морг, чтобы отдать дань его памяти.

В морге я встретил инспектора Жэня из округа Чаоян[54-1]. Мы вместе побывали в Хуэйяне[54-2], а затем по его приглашению я продолжил с ним путь до Западного озера[54-3]. В Дунпо[54-4] мы поднялись на Возвышенность белого журавля[54-5]. Моя печаль по поводу кончины уездного начальника Чэня никак не проходила, и, вернувшись домой, я отказывался принимать гостей и в одиночестве медитировал.

[54-1] Чаоян -

[54-2] Хуэйян - ныне район г. Хуэйчжоу, пров. Гуандун.

[54-3] Западное озеро - озеро на территории г. Хуэйчжоу, пров. Гуандун.

[54-4] Дунпо (Восточный склон) - посёлок в пров. Гуандун, известный как место ссылки поэта Су Ши (1037—1101 гг.), в его честь взявшего себе псевдоним Су Дунпо. По всей видимости расположен на стороне восточного склона горы Лофу, ныне находящейся на территории г. Хуэйчжоу.

[54-5] Возвышенность белого журавля (Байхэфэн) - невысокий холм на берегу Восточной реки в г. Хуэйчжоу, пров. Гуандун, известный тем, что на нём, находясь в ссылке, поэт Су Дунпо построил себе коттедж.

Год пятьдесят пятый (1600-1)

Японское вторжение напугало всю страну. Вдобавок к общенациональным страхам местные общины подвергались террору со стороны сборщиков таможенных пошлин. Я решил на время закрыть храм, распустив паству, и удалился в пустынь поблизости.

Торговцы рисом, пытаясь нажиться на нестабильной ситуации, начали экспортировать рис в больших количествах в провинцию Фуцзянь. И когда в Гуандуне возник дефицит риса, его цена подскочила. Большинство людей не могли позволить себе его купить, и параллельно с усилением их чувства голода, возрастал их гнев по отношению к фуцзяньцам.

Фуцзяньцы традиционно красили свои суда в белый цвет, по которому сборщики пошлин, а также население, могли легко их узнать, и когда сборщики пошлин поднимались на фуцзяньское судно торговцев рисом, люди собирались на пристанях и освистывали команду.

В время одного из таких рейдов таможенники, поднявшись на борт фуцзяньского судна, обнаружили сына военного коменданта провинции Гуандун, уроженца Фуцзяни. Когда люди узнали о его присутствии на борту, начались беспорядки. Они не могли поверить в то, что их комендант, долгом которого была защита гуандунцев, фактически усугублял их неприятности, помогая своему сыну зарабатывать на торговле рисом. Когда весть о таком злоупотреблении чиновника разнеслась, тысячи людей присоединились к массовым волнениям. Метая камни и размахивая оружием, они прошествовали к зданию провинциальной администрации.

По счастливому стечению обстоятельств все три высокопоставленных чиновника администрации уехали на фестиваль в Цзюньмэнь[55-1], и в администрации не осталось уполномоченных лиц, способных встретиться с протестующими. Отчаянно пытаясь разрядить обстановку, комендант послал своего адъютанта ко мне в пустынь просить о помощи. Поначалу я отказался, сказав, что не умею творить чудеса. Но адъютант заплакал и упал на колени, умоляя о помощи. "Столько людей лишатся жизни..," - сказал он. При этих словах я поднялся и поспешил к месту массовых волнений.

[55-1] Цзюньмэнь -

Обращаясь к толпе, я закричал: "Вам нужен рис, но напрашиваетесь вы на смерть. Неужели вам непонятно, что устраивая беспорядки, вы преступаете закон?! За это вас могут казнить! Я знаю, что вы требуете удешевления риса. Но даже если он подешевеет, как вы сможете им пропитаться, будучи мертвы?" Я уговаривал их разойтись по домам, и постепенно они отступили.

Тем временем, узнав о массовых волнениях, три развлекавшихся в Цзюньмэне чиновника немедленно отправились обратно. Но к моменту их возвращения вокруг уже царили мир и спокойствие.

Все вменяли мне в заслугу успокоение бунта. Инспектор Жэнь, комментируя мой новый статус, написал мне: "Не выйди ты к протестующим, что стало бы с городом? Но вот ты вышел, а что станет с тобой?" Я тоже понимал, что в связи с моим вмешательством в ситуацию покоя мне не будет.

Осенью, в седьмом месяце, инспектор Дао Чжу из округа Наньшао[55-2] пригласил меня в Цаоси. Я не упустил шанса скрыться подальше от общественного внимания. Кроме того, его приглашение предоставило мне возможность поклониться останкам 6-го патриарха.

[55-2] Наньшао -

В то же время моё успешное вмешательство в события обеспечило мне приглашение от нового наместника Дая. В действительности он приказал коменданту доставить меня к нему в администрацию.

Наместник принял меня тепло, даже угостил специально приготовленными вегетарианскими блюдами, и порадовал заверением в том, что он будет защищать Дхарму. Прощаясь, он призвал меня в любое время обращаться к нему за помощью. С облегчением и радостью попрощавшись с ним, я направился в Цаоси.

Год пятьдесят шестой (1601-2)

Весной, в первом месяце, я прибыл в Цаоси, где обнаружил, что 900-летний монастырь 6-го патриарха, сама колыбель чань-буддизма, превращён в мясной рынок. Визжащих животных убивали, их туши свежевали, а потом разделывали. Величественный двор был завален зловонными кучами кишащих червями внутренностей. Навязчивые торговцы за дощатыми прилавками криками зазывали беспорядочно снующий народ. Всюду царил кромешный хаос. Даже кладбище, предназначенное только для захоронения останков священнослужителей, было захвачено покойными родственниками проживающих пососедству селян.

Монахи, которые ещё жили в Цаоси, были беспомощны как овцы. В силу ли подкупа, из страха ли, но в ответ на осквернение этого освящённого традицией места они не предпринимали ровным счётом ничего. Коммерсанты, торговцы и группы бандитов проворачивали здесь свои дела без какого-либо вмешательства со стороны духовных или светских властей.

Глубоко раздосадованный я отправился к наместнику Даю и попросил его о помощи. Он отреагировал молниеносно. Окружному начальнику было отдано распоряжение выслать в Цаоси дружину и за три дня торговцы и продавцы были изгнаны, а их магазины и лавки демонтированы. Горы нечистот были убраны, а весь храмовый комплекс очищен.

С чувством глубокого удовлетворения мы с наместником осмотрели монастырь. После чего, за вегетарианской трапезой, он сказал мне: "Учитель, я оказал тебе услугу, очистив монастырь 6-го патриарха. Ты тоже можешь оказать мне ответную услугу".

"Я сделаю всё, что в моих силах, - ответил я. - О чём идет речь?"

Он объяснил: "Население региона постоянно подвергается беспокойствам со стороны пиратствующих ловцов жемчуга и разбойников-рудокопов, которые кроме других преступлений, занимаются ещё и разграблением могил предков. Власти против них бессильны, потому как невозможно предугадать, когда они совершат своё очередное злодеяние. Судов, которые добывают жемчуг, много, и когда одно из них совершает пиратский налёт, то невозможно установить какое именно". "Дело в том, - поделился он, - что запасы жемчуга сократились настолько, что ныряльщики остались почти без работы. Но поскольку они могут промышлять воровством у местных жителей, они отказываются отсюда уходить. С рудокопами та же история. Когда они не эксплуатируют местных рабочих на рудниках, они приходят ночью грабить могилы предков. Как ловцы жемчуга, так и рудокопы имеют официальное разрешение на работу здесь, поэтому мы не можем их просто так

прогнать. Местный люд жестоко страдает от этого беззакония, и я признаюсь, что сам не знаю, как исправить ситуацию".

"Понимаю твою проблему, - сказал я. - Решить её будет непросто". И всё же я пообещал попробовать помочь.

Случилось так, что Ли, чиновник, ответственный за промысел жемчуга и разработку месторождений, приехал в Цаоси провести несколько осенних дней в приятной атмосфере горного монастыря. Я взял на себя труд преподать ему Дхарму, к чему он оказался весьма расположен.

Будучи теперь ревностным буддистом, Ли желал выразить свою признательность, сделав нечто большее, чем просто пожертвовать деньги монастырю. В этом я увидел шанс для решения проблемы. "Очевидно, - сказал я, - что выдавая разрешения на работу, император не имел в виду позволить ныряльщикам и рудокопам остаться в этой местности по завершении их деятельности. И конечно он не имел в виду допустить, чтобы люди терпели такие вопиющие беззакония. Я знаю, что злодеи утверждают, что они законно здесь трудятся, но мы оба знаем и то, что это утверждение - всего лишь предлог, чтобы остаться". Затем я предложил, чтобы Ли потребовал от них доказательств их деятельности в виде результатов труда, которым они, по их утверждению, занимались. Если они не смогут предъявить ни жемчуга, ни руды, им должно быть приказано покинуть регион. А в случае невыполнения ими приказа, на них можно было бы наложить штраф.

Ли счёл мой план достойным внимания и немедленно его применил.

Злоумышленники были отправлены восвояси, и порядок был восстановлен. Так, сыграв ключевую роль в восстановлении спокойствия в обществе, я смог вернуть долг наместнику Даю. Будучи чрезвычайно благодарен, он сделался ещё более ревностным защитником Дхармы. При его покровительстве мне удалось расстроить храмы Цаоси, отремонтировать дороги, ввести программу обучения монахов, привлечь некоторых опытных монахов к преподаванию буддийских обетов, утвердить духовные нормы и правила, построить административную иерархию для эффективного и справедливого управления, сбора арендной платы, выплаты налогов и выкупа всего храмового имущества. И всё это было сделано за один год.

Год пятьдесят седьмой (1602-3)

На протяжении этого года в Цаоси проводились дальнейшие работы. Мы отремонтировали залу 6-го патриарха, соорудили подпорную стену в задней части храмового комплекса, облагородили многочисленные тропы и аллеи и приспособили некоторые служебные постройки, оставшиеся от торговцев, под гостевые домики для приезжих монахов.

Год пятьдесят восьмой (1603-4)

Зимой этого года, в одиннадцатом месяце, учителя Дагуаня в столице заключили в тюрьму[58-1] по обвинениям, выдвинутым в его адрес в анонимном письме, отправленном правительственному чиновнику. Я боялся, что своим знакомством со мной он нажил себе врагов и действительно, на суде ему вменили в вину причастность к моему делу [58-2]. Я знал, что учитель Дагуань никогда меня не предаст, но зная также и власть своих врагов, я

[58-1] По другой версии перевода, заслуживающей большего доверия, арест состоялся 1 числа 12 месяца (1 января 1604 г.), будучи исполнен императорским телохранителем.

[58-2] Причиной ареста Дагуаня были обвинения другого характера. После судебного разбирательства он был приговорён к смертной казни.

[58-3] Дагуань скончался через неделю после получения 30-ти ударов бамбуковой палкой по ягодицам. За два дня до своей кончины он сказал: *"Если это то, во что превратился светский мир, какой мне смысл продолжать жить?"*
Основываясь на рассказе очевидца, Ханьшань так описал его кончину: *"После омовения Цзыбо сказал своему прислужнику: "Я ухожу. Прошу, передать от меня слова благодарности всем защитникам Дхармы [дома] в Цзяннане (т.е. на юге)". Прислужник заплакал. Цзыбо его отчитал: "20 лет ты со мной и до сих пор ведёшь себя подобным образом?" Затем Цзыбо продекламировал ему несколько поэтических строф, после чего мирно скончался, находясь в сидячем положении. Услышав о смерти Цзыбо, к нему бросился человек, с которым Цзыбо познакомился в тюрьме и которого утешал. Он стал теребить Цзыбо, приговаривая: "Учитель благополучно отошел". Цзыбо открыл глаза и с лёгкой усмешкой попрощался. Это случилось в 17-й день 12-го месяца года гуэймяо [январь 1604 г.] Цзыбо было 60 лет, более 40 из которых он прожил монахом".*
В связи с этим событием Ханьшань позднее писал: *"С тех пор как Дхарму постигло несчастье (т.е смерть Дагуаня), сангха в Пекине находилась в состоянии шока и все монахи*

находился в полном ожидании выдвижения против себя новых обвинений. Я молился и ждал. Затем, к несчастью, учитель Дагуань скончался в своей камере, сидя в медитации[58-3].

чувствовали крайнюю уязвимость своего положения. Даже те, кто пользовался уважением как учитель, все бежали словно напуганные рыбы или птицы".

Император был милосерден и против меня не выдвинули новых обвинений. Мне было позволено путешествовать дальше на юг. Также в этот год мой прислужник Синь Гуан вступил в сангху.

Год пятьдесят девятый (1604-5)

Весной, в первом месяце, я вернулся из Цаоси в Лэйчжоу. Мне вспомнилось, как однажды учитель Дагуань сказал мне, что Сурангама-сутре необходим дальнейший комментарий. "Причину и следствие в аспекте дел этого мира следовало бы хорошенько разъяснить", - сказал он. Я решил написать о безнравственности и о том, как силы зла, не будучи надлежащим образом укрощаемы, способны портить даже прекрасных людей. Свою книгу я назвал "Учение о сознании Чуньцю Цзо".

Год шестидесятый (1605-6)

Весной я через Хайнаньское море[60-1] добрался до Наньчжоу[60-2] и остановился в храме Минчан[60-3], занявшись там написанием предисловия к книге о бессмертии, которую я только-только завершил. Также я посетил прославленный поэтом Су Дунпо[60-4] храм Фэнлан[60-5], и побывал у Источника белого дракона[60-6]. Я искал, но так и не обнаружил, храм чаньского учителя Цзюэфаня[60-7].

[60-1] Хайнаньское море -
[60-2] Наньчжоу -
[60-3] Храм Минчан - храм в г. Цзючэн.
[60-4] Су Дунпо - псевдоним поэта Су Ши (1037—1101 гг.), под которым он более известен.
[60-5] Храм Фэнлан -
[60-6] Источник белого дракона -
[60-7] Цзюэфань - с таким именем встречаются два учителя, Цзюэфань Хунчжи и Цзюэфань Хуэйхун (1071-1128 гг.). Имя первого упоминается только в одном источнике на английском без каких-либо сведений о нём, поэтому Ханьшань скорей всего имеет в виду второго.
[60-8] Ключ золотого злака -
[60-9] Миншань -

Затем я описал свои изыскания в этом регионе, а также свои впечатления о Ключе золотого злака[60-8], который я видел, посещая Миншань[60-9].

Однажды ночью сидя на холме лицом к городу Цзючэну[60-10], видневшемуся вдали, у меня возникло дурное предчувствие, что город подвергнется разрушению. Я рассказал об этом своим последователям и попросил их молиться за спасение города. Никто из жителей города не принял моего предостережения всерьёз. Разочарованный их безразличием я решил покинуть эту местность. Все уговаривали меня остаться, но я отказался.

[60-10] Цзючэн -

В одну из ночей через две недели после моего отъезда случилось сильное землетрясение. Городские ворота, восточная стена и многочисленные строения были разрушены. Храм Минчан также рухнул. Кровать, на которой я мог бы спать, была погребена под тоннами обломков. Не уедь я, я бы непременно погиб.

Летом, в четвёртом месяце, наместник позволил мне вернуться в Гуанчжоу.

Осенью, в седьмом месяце, я вернулся в Цаоси для завершения восстановительных работ в храме 6-го патриарха. К сожалению, по причине нехватки средств, было сделано только 60 или 70 процентов работы. Мне

пришлось ходить на поклон к нескольким буддийским функционерам и испрашивать финансирования. Благодаря их благотворительности восстановительные работы в этом году были наконец завершены.

Я также занимался реставрацией храма Чан Чунъань[60-11] в Гуанчжоу. Он стал дочерним храмом Цаоси.

[60-11] Храм Чан Чунъань -

Зимой, в десятом месяце, мои прислужники Гуанъи и Гуансэ вступили в сангху.

Год шестьдесят первый (1606-7)

Весной, в третьем месяце, я навестил Дина Йоуъу в Наньчжоу. Я также навестил государственного секретаря Ч(ж)ана Хунъяна[61-1], чтобы поблагодарить за поддержку во время суда. Когда я был арестован, Ч(ж)ан, занимавший тогда пост первого министра и знакомый с подробностями дела, делал всё возможное для моего спасения. Он был рад меня видеть и пригласил меня с моими последователями на трапезу в ресторане в Сяньюне[61-2]. Во время трапезы он сказал: "Все знают, что учитель Ханьшань является высокоучёным чаньским наставником, но немногие знают, как много он сделал для династии". Он продолжил речь перечислением моих проектов, предпринятых от имени императорской семьи. Меня попросили рассказать о некоторых из моих предприятий, и все были удивлены и тронуты эмоциональностью моего рассказа.

Позднее я вернулся в Цаоси. Когда я проезжал Вэньцзян[61-3], советник Чжоу пригласил меня несколько дней погостить у него. После этого я отправился в Ахангун[61-4], где серьёзно захворал. Генерал Чэнь Эрши[61-5] перевёз меня в свой дом, где я целый месяц поправлялся. В гостях у него я имел возможность написать двенадцать стихотворений.

[61-1] Ч(ж)ан Хунъян - ввиду непоследовательной транслитерации его фамилии в тексте английского перевода, установить достоверное её звучание без консультации с китайским первоисточником не представляется возможным.

[61-2] Сяньюнь - из текста английского перевода непонятно, то ли это название ресторана, то ли название населённого пункта, в котором ресторан находился. В переводе на русский предпочтение было отдано второй вероятности.

[61-3] Вэньцзян - по всей видимости река, см. примечание Река Вэньцзян к главе *Год пятьдесят первый (1596-7)*.

[61-4] Ахангун - здесь в тексте английского перевода, возможно, опечатка, и название должно звучать как Чжангун. Тем не менее, что скрывается за этим названием, неясно.

[61-5] Чэнь Эрши -

Осенью, в восьмом месяце, у императора родился внук. В честь празднеств по этому случаю император повелел освободить всех престарелых и больных осуждённых, приговорённых к ссылке. Кроме того он гарантировал амнистию всем, кто сможет успешно опротестовать свой приговор в апелляции. Я подал провинциальному судье в Лэйчжоу заявление о пересмотре дела, после чего он вынес постановление о приостановке действия приговора и моём освобождении из-под дальнейшего воинского надзора.

Год шестьдесят второй (1607-8)

Весной по просьбе наместника Дая я вернулся в Цаоси и возобновил преподавание буддийской Дхармы.

В молодости я часто читал "Дао дэ цзин" Лао-цзы, древний труд, обладающий глубочайшим и порой недоступным пониманию смыслом. Позднее, основательно его изучив и будучи уверенным в своём понимании, я подчинился просьбам своих учеников и приступил к написанию комментария к нему.

Год шестьдесят третий (1608-9)

Главная зала храма в Цаоси отчаянно нуждалась в ремонте, но средств на оплату работ не было. Весной, однако, ко мне в гости приехал старший инспектор Западного округа Фэн Юаньчэн. Ночуя накануне в горах, во сне он увидел Гуаньинь. Поэтому, прибыв в Цаоси, он тотчас направился в главную залу поклониться Будде. Когда он поднял голову посмотреть на Трёх великих

[63-1] Три великих будды Западного рая - будда Амитабха и бодхисаттвы Авалокитешвара и Махастхамапрапта. См. также главу *Год девятнадцатый (1564-5)*.

будд Западного рая[63-1], то весьма расстроился. Две статуи были серьёзно повреждены.

Придя ко мне, он поинтересовался, почему я их не восстановлю, на что я ответил, что у нас просто-напросто нет денег. Тогда он спросил, сколько будет стоить ремонт всей залы вместе со статуями, а когда я назвал ему примерную сумму, он ответил: "Что ж, не думаю что такую сумму будет трудно собрать. Я попробую раздобыть её для тебя".

Он отправился к наместнику Даю и рассказал о плачевном состоянии главной залы. Наместник Дай ответил: "Увидев, как дитя падает в колодец, человек опускается туда, чтобы его вызволить. При виде того, как священное место будд и бодхисаттв разрушается, нельзя сидеть сложа руки". А когда старший инспектор повторил наместнику названную мной сумму, тот сказал: "Не думаю, что её будет сложно организовать". Он немедленно вызвал чиновника из Наньшао для составления официальной оценки.

Он пригласил меня к себе для обсуждения проекта и я, узнав, что он планирует профинансировать реконструкцию казёнными средствами, предложил альтернативный план. "Поскольку использование средств государственной казны для такой цели было бы неправильным, и поскольку добровольные жертвователи на создание буддийских сооружений получают великие заслуги, почему бы не позволить всем принять посильное участие в финансировании?"

Тогда наместник Дай распорядился подчинённым принимать пожертвования от частных лиц с выдачей расписок. Средства поступали непосредственно наместнику, а не монахам. В течение месяца было собрано около тысячи золотых монет.

Я отправился в западные районы за древесиной, а когда я достиг Дуаньчжоу[63-2], наместник попросил меня там задержаться и понаблюдать за ремонтными работами в зале храма Баоюэ[63-3]. При этом заказом древесины вместо меня занимался другой чиновник. Когда зимой ремонтные работы были завершены, я написал о них рассказ. Приобретённая древесина была свезена на берег реки и постепенно переправлялась вниз по течению.

[63-2] Дуаньчжоу - вероятно имеется в виду нынешний район г. Чжаоцин, пров. Гуандун, который во времена Ханьшаня мог быть самостоятельным населённым пунктом.
[63-3] Храм Баоюэ -

В одиннадцатом месяце наместник Дай был обвинён в ненадлежащем проведении операции возмездия против неких разбойников из Индокитая и уволен с должности.

Год шестьдесят четвёртый (1609-10)

Весной, во втором месяце, мы с грузом древесины отплыли в Мэнцзян[64-1]. Но ветер, который в момент отплытия из Дуаньчжоу был умеренным, значительно усилился, так что к моменту, когда мы достигли пролива Линъян[64-2], его порывы достигли такой силы, что нам пришлось зайти в бухту, спустить паруса и стать на якорь.

[64-1] Мэнцзян -
[64-2] Линъян -

Я сошёл на берег, чтобы наведаться в Дуаньцзи[64-3], где в ожидании благоприятных погодных условий написал "Воображаемое путешествие в Дуаньцзи".

[64-3] Дуаньцзи -

Когда мы наконец пришвартовались в Мэнцзяне, я набрал группу портовых грузчиков, а сам, пока они разгружали древесину, вернулся в монастырь 6-го патриарха.

То, как меня там встретили, я себе не мог даже представить. Несколько монахов-смутьянов, движимые личной завистью или, возможно, по наущению кого-то из коммерсантов, изгнанных по моему ходатайству, убедили всех в том, что я присвоил тысячи золотых монет. Меня обвинили в воровстве.

Обескураженный, я отказался как-либо комментировать навет, и пока шла подготовка к предъявлению мне формальных обвинений, удалился в зал для медитаций и декламировал про себя Алмазную сутру.

Пока я произносил строки сутры, отгородившись от окружавшей меня суматохи, моё внимание остановилось на утверждении Будды, что гораздо полезней преподать одну строку буддийского Учения, чем совершить тысячу дел мирской благотворительности, какими бы благородными ни были их мотивы. Подавленный, я отчётливо осознал, что сам стал причиной обвинений в свой адрес, позволив себе черезчур увлечься мирскими достижениями. Мой долг, как человека наделённого пониманием пусть даже небольшой доли великой мудрости Будды, заключался в просвещении других светом этой мудрости. Но вместо этого я втянулся в деятельность по сбору средств и отправился закупать древесину! В искупление за свою неразборчивость я написал длинный комментарий под названием "Алмазный отсекатель сомнений", в котором попытался развеять любые возможные сомнения в отношении чудесного смысла этой сутры.

В процессе суда надо мной я представил доказательства своей невиновности и защищался насколько было в моих силах. Затем, находясь на лодке на реке Фужун[64-4], я ожидал решения суда.

[64-4] Река Фужун - вероятно река в пров. Гуйчжоу.

В это время губернатор Сян Чудун пригласил меня к себе в гости на лодке. Погода стояла плохая, и стоило мне сойти на берег, как взятая мною лодка была разбита шквальными порывами ветра. Я тяжело заболел и лечить меня было поручено губернаторскому лекарю. Вернувшись, я был ещё настолько слаб, что вынужден был переселиться в гостиницу.

Год шестьдесят пятый (1610-1)

В седьмом месяце, осенью, когда я снова жил в лодке на реке, ожидая решения суда, ко мне прибыл ответственный за рассмотрение моего дела чиновник с целью пересмотра моих показаний. Пока он находился у меня, суд неожиданно вынес обвинительный приговор. Чиновник усомнился в справедливости вердикта и по собственной инициативе направился в Цаоси, чтобы допросить монахов, выдвинувших против меня обвинения. Он также изучил расходные накладные каждой заключённой мною сделки и пришёл к выводу, что ни гроша из вверенных мне денег не было растрачено. Не обнаружив доказательств злоупотреблений или хищений, он отменил решение суда.

Эта отмена заставила власти начать следствие в отношении истинных мотивов, которыми руководствовались монахи, выдвигая против меня настолько лживые обвинения. Заведомо ложное обвинение и дача ложных показаний карались смертной казнью. Когда заговор против меня был разоблачён, я делал всё, что в моих силах ради спасения жизней монахов, но власти были слишком разгневаны предпринятой ими попыткой манипуляции судебной системой.

Не смотря на обращённые ко мне многократные просьбы вернуться в Цаоси, у меня не было на это ни моральных, ни физических сил. Дав своему ученику бхикшу Хуайю распоряжение занять мою должность в монастыре, сам я отправился в Гуанчжоу.

Год шестьдесят шестой (1611-2)

Весной, в третьем месяце, я отправился на гору Динху[66-1] в округе Дуаньчжоу[66-2] оправиться от болезни и восстановить силы. Пока я поправлялся, я имел возможность давать лекции по Дхарме последователям и учёным. Я также смог написать работу "Устранение сомнений в отношении Великого Учения".

[66-1] Гора Динху - находится в 18 км на восток от г. Чжаоцин, районом которого в наше время является Дуаньчжоу.
[66-2] Округ Дуаньчжоу - см. примечание Дуаньчжоу к главе *Год шестьдесят третий (1608-9)*.

Год шестьдесят седьмой (1612-3)

На протяжении года я жил в храме Чанчунь[67-1], где давал лекции по Шраддхотпада-шастре (Трактате о пробуждении

[67-1] Храм Чанчунь -
[67-2] Шраддхотпада-шастра (Трактат о пробуждении махаянской веры) - см. примечание Трактат о пробуждении веры к главе *Год сорок четвёртый (1589-90)*.
[67-3] Восемь париджнян (ба ши) - 8 видов сознания: пять сознаний органов чувств + ум (зрение - чаксур виджняана - янь ши; слух - штротра виджняана - эр ши; обоняние - гхраана виджняана - би ши; вкус - джихваа виджняана - шэ ши; осязание - каайя виджняана - шэнь

махаянской веры)[67-2], восьми париджнянах[67-3] и ста составляющих[67-4]. Ввиду того, что многие из моих учеников затруднялись в понимании моего сочинения "Овация Лотосовой сутре", чтобы разрешить их недопонимание я написал дополнительный комментарий.

ши; ум - мано виджняна - и ши), интеллект или различающее сознание, формирующее эго (клишта виджняна - мо на ши) и сознание-сокровищница, вместилище всех "зёрен" сознания (аалайя виджняна - а лай е ши). См. также "Краткое описание восьми сознаний".

67-4 Сто составляющих - сто составляющих всех качеств сознания и их факторы. Вероятно речь идёт о ста дхармах школы йогачара. См. также "Шастра о вратах к пониманию ста дхарм" Васубандху.

Год шестьдесят восьмой (1613-4)

Летом я начал цикл лекций на тему Сутры совершенного пробуждения[68-1], но на середине цикла у меня на спине образовался громадный нарыв. Меня врачевали множеством снадобий и способов, но инфекция не поддавалась, и моё состояние ухудшалось. Я настолько ослаб, что комендант Ван Ханьчун начал приготовления к моим похоронам. Но затем моя удача переменилась.

68-1 Сутра совершенного пробуждения - кит. Да фан гуан юань цзюэ сюдоло ляо и цзин, один из наиболее популярных канонических текстов китайского буддизма.

Однажды ко мне нежданно пожаловал алкоголик по имени Лян Синшань, оказавшийся специалистом по лечению как раз моего недуга. Он осмотрел мой нарыв, признал его серьёзным, но излечимым и стал лечить своим отваром из лекарственных трав. Чудесным образом моё состояние улучшилось, и к зиме я был совершенно здоров. Я написал ему письмо, в котором выражал свою признательность.

Конечно же этот нарыв был рецидивом того, что возник у меня в возрасте 20-ти лет. Тогда я расценил его как возмездие за некий забытый грех. В искупление и в качестве лечения я молился и декламировал Аватамсака-сутру. С той поры, когда бы нарыв ни воспалялся я декламировал сутру, пока обострение инфекции не сходило на нет. Я страдал этой проблемой в течение 48 лет и все эти годы мне удавалось справляться с ней силой молитвы. Но кармический долг в итоге остался неоплаченным, было очевидно, что я до сих пор не искупил тот давний грех.

В десятом месяце, когда я был снова здоров, я получил письмо от Цзэна Цзиньцзяна, приглашавшего удалиться вместе с ним в Наньюэ[68-2]. Мы с ним вели переписку более десяти лет и часто обсуждали возможность удалиться на покой в Наньюэ, когда наступит подходящий момент. Почувствовав, что такой момент настал, я собрал вещи и отправился в Наньюэ.

68-2 Наньюэ (Южная гора) - другое название горы Хэн (Хэншань) в пров. Хунань, известной храмовым комплексом Наньюэ дамяо.

Когда я только приехал в Гуандун, у меня появились десятки учеников. Но с течением времени все они разъехались, и со мной остались жить всего несколько бхикшу. В Худун[68-3] меня сопровождали бхикшу Тунцзюн, Чжаои и трое моих прислужников. Через несколько дней после моего прибытия ко мне присоединились мои ученик Фушань и прислужник Синьгуан, которые уезжали на север навестить родителей.

68-3 Худун -

Год шестьдесят девятый (1614-5)

Весной, в первом месяце, я побывал на горе Дэшань[69-1] и написал по этому случаю четыре стихотворения. Позднее в Улине[69-2] я навестил упасаку Фэна Юаньчэна и написал ещё несколько стихотворений. Упасака Фэн и некоторые из его друзей сделали пожертвования на восстановление вихары Таньхуа[69-3]. В Чулине[69-4] принц Юн пригласил меня не вегетарианскую трапезу, а в храме

69-1 Дэшань (Гора Дэ) - находится на северо-западе пров. Хунань севернее г. Чандэ. Известна в частности как место резиденции чаньского учителя эпохи Тан Дэшаня Сюаньцзяня.

69-2 Улин - ныне район г. Чандэ, пров. Хунань, который во времена Ханьшаня мог быть самостоятельным населённым пунктом.

69-3 Вихара Таньхуа -

69-4 Чулин -

69-5 Храм Дашань - по всей вероятности храм на горе Наньюэ (см.

Дашань[69-5] монахи попросили дать лекцию на тему обетов и совершить для них церемению вручения обетов.

[69-5] Дашань - см. примечание Наньюэ (Южная гора) к главе *Год шестьдесят восьмой (1613-4)*).

Летом, в четвёртом месяце, я вернулся в Худун. Уже там узнав о кончине императрицы-матери, я отслужил заупокойную службу, отдавая ей долг благодарности за всю оказанную мне помощь. Эта служба была отмечена в официальном заявлении императорского двора.

Со времён моего пребывания в Дунхае я планировал написать комментарий под названием "Всестороннее разъяснение Сурангама-сутры"[69-6], но никак не мог выкроить для этого время. Наконец летом, в пятом месяце, я приступил к написанию комментария и завершил его за пятьдесят дней.

[69-6] "Всестороннее разъяснение Сурангама-сутры" - комментарий Ханьшаня на Сурангама-сутру в сокращённом переводе включён в перевод этой сутры Чарльзом Люком.

В одиннадцатом месяце, когда была восстановлена вихара Таньхуа, я жил у горы и занимался поэзией.

Год семидесятый (1615-6)

Весной я читал лекции на тему комментария к Сурангама-сутре. Летом я переписал свой комментарий, озаглавленный "Всестороннее разъяснение Лотосовой-сутры"[70-1], а позднее давал лекции по Трактату о пробуждении веры[70-2] и написал на него комментарий.

Осенью, в восьмом месяце, я побывал на горе Наньюэ, а во время фестиваля середины осени взошёл на вершину Чжуюн[70-3].

Девятого числа девятого месяца упасака Фэн Юаньчэн, переведённый на службу из Улина[70-4] в Хунань[70-5], пригласил меня посетить вместе с ним храм Фангуан[70-6].

[70-1] "Всестороннее разъяснение Лотосовой-сутры" - есть подозрение, что упоминание в названии Лотосовой-сутры - это ошибка английского перевода, поскольку выше в тексте автобиографии комментарий под таким названием не упоминался, и контекстуально более ожидаемым здесь было бы вышеупомянутое название комментария "Всестороннее разъяснение Сурангама-сутры".
[70-2] Трактат о пробуждении веры - см. примечание Трактат о пробуждении веры к главе *Год сорок четвёртый (1589-90)*.
[70-3] Вершина Чжуюн - вероятно в тексте английского перевода допущена ошибка, и имеется в виду вершина Чжужун, которая находится на горе Наньюэ и является одной из четырёх основных её достопримечательностей.
[70-4] Улин - см. примечание Улин к главе *Год шестьдесят девятый (1614-5)*.
[70-5] Из Улина в Хунань - ныне Улин находится в пров. Хунань. Возможно во времена Ханьшаня он принадлежал другой административной единице.
[70-6] Храм Фангуан - храм на горе Наньюэ, одна из четырёх основных её достопримечательностей.

Также меня навестил инспектор У Шэнбай с намерением обсудить мой комментарий на Сурангама-сутру. Рукопись ему настолько понравилась, что он и несколько его подчинённых пожертвовали деньги на её публикацию. Кроме того, он нанял художника для создания альбома 88 будд, а меня попросил написать аннотацию к каждому будде, что я охотно согласился выполнить. Как только упасака Фэн устроился на новом месте службы, он снова пригласил меня в поездку, на этот раз в горы Цзюи[70-7].

В десятом месяце, я прибыл в округ Линлин[70-8], где остался зимовать в Юцзи[70-9].

[70-7] Горы Цзюи - горная цепь на границе между пров. Хунань и Гуандун.
[70-8] Линлин - древнее название нынешнего г. Юнчжоу, пров. Хунань, у границы с пров. Гуандун, и современное название одного из его районов.

[70-9] Юцзи -

Год семьдесят первый (1616-7)

Весной, в первом месяце, я вернулся в Худун, где узнал, о предстоящей, ближе к концу года, торжественной кремации тела учителя Дагуаня, моего давнего друга по Дхарме. Сразу после его смерти, тело учителя Дагуаня было помещено в гроб, который моим учеником Да-и был

[71-1] Цзиншань - гора Цзин в окрестностях г. Ханчжоу, пров. Чжэцзян, где располагался монастырь Лэнъянь, в котором Дагуань

доставлен в Цзиншань[71-1] для церемонии прощания с ним его учеников и других монахов в Чжижчаоане[71-2]. С тех пор прошло двенадцать лет, а я сам всё ещё не поклонился его останкам. С чувством стыда я осознал, что даже не направил жертвенные благовония или соболезнования. Теперь мне было известно о предстоящей церемонии кремации и официальном захоронении урны с его прахом. Я дал зарок, что ничто не сможет помешать моему присутствию на церемонии.

подвизался.
[71-2] Чжичжао(ань) -

Также весной в храме Хуаюэ[71-3] состоялась церемония преемственности, на которой я присутствовал. Я побывал в павильоне Мэйсюэ[71-4] и выразил почтение чаньскому учителю Шуньаню[71-5].

[71-3] Храм Хуаюэ -
[71-4] Павильон Мэйсюэ -
[71-5] Учитель Шуньань -

Летом, в четвёртом месяце, я приехал в Учан[71-6], где поклонившись большой статуе Будды, посетил Цзюфэн[71-7].

[71-6] Учан - ныне район города Ухань, пров. Хубэй, который во времена Ханьшаня был самостоятельным населённым пунктом.
[71-7] Цзюфэн - гора, или скорее холм, в Учане.

В шестом месяце я прибыл в Сюэян[71-8] и побывал в храме Дунлинь[71-9], где написал стихотворение в честь древних. Затем я взошёл на гору Куанлу[71-10] и выразил почтение покойному учителю Цехуну[71-11].

[71-8] Сюэян -
[71-9] Храм Дунлинь - расположен в 20 км от г. Цзюцзян, пров. Цзянси.
[71-10] Гора Куанлу - также Лушань (Гора Лу), находится на севере пров. Цзянси, в окрестностях г. Цзюцзян. См. также примечание Лушань к главе *Год тридцать первый (1576-7)*.
[71-11] Учитель Цехун -

Пока я жил на плато Цзиньчжу[71-12], спасаясь от летнего зноя, я написал комментарий на "Чжао лунь"[71-13]. Пейзаж там был настолько обворожителен, что я стал подумывать о строительстве небольшого домика, в котором можно было бы поселиться, отойдя от дел.

В седьмом месяце я побывал в Гуйцзуне[71-14] и поднялся на Вершину золотого колеса[71-15], где в знак поклонения ступе с мощами написал стихотворение.

В этот период один монах любезно предоставил в моё распоряжение павильон Ую[71-16] в качестве места уединения, и я пошёл её осмотреть. Хотя зала была и мала, пейзаж вокруг был великолепен, и я принял предложение. Учёный по имени Цзян Лайцы, бывший учеником учителя Дагуаня, выразил готовность пожертвовать средства на моё проживание там. Меня навестил также советник Чэнь Чиши, который, узнав о моём намерении удалиться сюда на покой, дал обет выполнять роль защитника Дхармы.

Осенью, в десятом месяце, с горы Куаншань[71-17] я отправился в Хуанмэй[71-18] на поклонение 4-му и 5-м чаньским патриархам[71-19]. Также я побывал на Цзыюньшане[71-20], где пробыл десять дней в качестве гостя у губернатора Вана, который любезно предложил построить для меня вихару на Куаншане. Покинув губернатора Вана, я отправился в Сяньчэн[71-21], где У Гуаньво и У Бэньжу также предложили построить храм, в котором я мог бы уйти на покой. Позднее я посетил

[71-12] Плато Цзиньчжу - по всей видимости находится на территории пров. Цзянси.
[71-13] "Чжао лунь" - см. примечание "Чжао Лунь" к главе *Год двадцать девятый (1574-5)*.
[71-14] Гуйцзун - храм/монастырь в южной части горы Лушань, основанный в 340 г., с которым в частности связана биография чаньского учителя Гуйцзуна Чжичана (IX в.), ученика Мацзу.
[71-15] Вершина золотого колеса - следует полагать, что это название одной из вершин Лушаня.
[71-16] Павильон Ую -
[71-17] Гора Куаншань - также Лушань (Гора Лу) в пров. Цзянси. См. также примечания Лушань к главе *Год тридцать первый (1576-7)* и Гора Куанлу - к этой главе.
[71-18] Хуанмэй - уезд и город в пров. Хубэй, которые являлись местом проповеднической деятельности чаньского патриарха Даосиня, родиной чаньского патриарха Хунжэня и одним из центров чань-буддизма, где, в частности, располагался Храм восточной горы (Дуншань-сы) на горе Шуанфэн, в котором учил Хунжэнь, ныне носящий название Уцзу.
[71-19] 4-й и 5-й чаньские патриархи - Даосинь (580 - 651 гг.) и Хунжэнь (601 - 674 гг.) соответственно.
[71-20] Цзыюньшань - возможно гора в пров. Шааньси.
[71-21] Сяньчэн -
[71-22] Фушань - либо название населённого пункта, либо имя прислужника Ханьшаня, неоднократно упомянутого ранее в тексте.
[71-23] Гора Цзюхуа (Цзюхуашань) - одна из четырёх священных гор китайского буддизма, находится в пров. Аньхой.

Фушань/навестил Фушаня[71-22] и переправился через реку, чтобы взойти на гору Цзюхуа[71-23].

В самом начале десятого месяца я прибыл в храм Тунчань[71-24] в Цзиньша[71-25], где встретился с упасаками Юнем, Ваном и Сунем. Затем я отправился на гору Шуанцзин[71-26], проезжая через Уцзян[71-27], где упасака Еньшэн со своими последователями пригласили меня на трапезу и предоставили средства на дорожные расходы.

[71-24] Храм Тунчань -
[71-25] Цзиньша -
[71-26] Гора Шуанцзин -
[71-27] Уцзян - по всей видимости нынешний район г. Сучжоу, пров. Цзянсу.

15-го числа одиннадцатого месяца я добрался до храма Чжичжао, а 19-го числа - отслужил поминальную службу по случаю кремации останков учителя Дагуаня. В светлую память о нём я написал надгробное слово. 25-го числа я лично поместил его прах в урну и руководил её размещением в башне Манджушри. Мой ученик Факай воздвиг в честь учителя Дагуаня ступу, для которой я написал памятное посвящение. Всё, что я сделал, было выражением всего лишь малой доли той преданности, которую я испытывал к своему истинному другу по Дхарме.

Я остался на новогодние праздники и написал для тамошних монахов работу "Важность практики чань". Ввиду того, что Факай задавал вопросы об учении дхармалакшана[71-28], я написал текст "Взаимоотношение между ноуменальным и феноменальным". Я ответил на все вопросы, заданные мне о Дхарме. Я также написал "Песнь держателя таблички".

[71-28] Дхармалакшана - учение о признаках или свойствах дхарм, которые обнаруживают их для феноменального мира, в отличие от их истинной извечной природы. Также может иметься в виду философская школа фасян (кит. перевод термина дхармалакшана), связанная с монахом-переводчиком Сюаньцзаном, берущая начало из школы йогачара (виджнянавада) и постулирующая сознание единственной реальностью, при этом занятая изучением характерных признаков феноменов. Одной из черт этой школы является разделение сознания на восемь видов, см. примечание Восемь париджнян к главе *Год шестьдесят седьмой (1612-3)*. См. также "школа только сознания", школа вэйши.

Песнь держателя таблички

Предисловие Ханьшаня

С тех пор, как Дахуэй[71-29] возродил методы Линьцзи[71-30] и передал его учение чань в Пещере Дхармы[71-31] на горе Цзиньшань[71-32], каждое новое поколение, получив Дхарму, процветало, возводя нашу школу на всё более высокие ступени достижений. К сожалению, эта великая традиция сошла на нет. Тропа к Пещере Дхармы поросла травой и уже не видна со стороны.

Тем, кто практикует чань, следует собираться в глуши, вдали от наставлений Дахуэя. Без учителя они впадают в заблуждение. Многие полагают, что их первый опыт просветления навсегда положил конец их подвижничеству. Без учителя, способного изменить такое мнение, этот единичный опыт они упорно принимают за наивысшее достижение. И они не снизойдут с его высоты, чтобы поклониться Дхарме. Но единичный опыт это не достижение, это ярмо. Скудное знание тем и опасно, что погружает верующего в тягостное невежество! Истинно сказано: проще пройти по шипам, чем отвернуться от лунного света.

[71-29] Дахуэй - Дахуэй Цзунгао (1089–1163 гг.), представитель 12-го поколения школы Линьцзи, ввёл практику медитации на отдельных слове или фразе из коана (кань хуа), с которой сейчас ассоциируется школа.
[71-30] Линьцзи - Линьцзи Исюань (ум. 866/7 г.), учитель чань эпохи династии Тан, к которому традиция возводит возникновение чаньской школы его имени и первые документальные упоминания о котором датируются временем спустя 86 и более лет после его смерти.
[71-31] Пещера Дхармы -
[71-32] Гора Цзиньшань - вероятно в тексте английского перевода допущена ошибка и имеется в виду гора Цзиншань в окрестностях г. Ханчжоу, пров. Чжэцзян, так как местом резиденции учителя Дахуэя был одноимённый монастырь именно в этой местности. Гора Цзиншань также известна под названием Сишань (Западня гора) и как место резиденции чаньского учителя Цзиншаня Даоцина (714–792 гг.).

Те, кто достигает успеха благодаря молниеносной вспышке случая, не могут претендовать на мудрость. Обретённое прозрение становится игрушкой, игрой теней для развлечения памяти. Они

перестают практиковать, не видя более в том надобности. Став праздными, они скатываются до мирских обычаев и призывают других следовать их примеру.

Для исправления их заблуждения, для предостережения их об опасности, для побуждения их к усердию в деле достижения истинной и такой неблизкой цели я написал "Песнь держателя таблички".

Песнь держателя таблички

Лоточник!! Лживый зазывала!! Обманутый обманщик! Эта массивная табличка настолько тебе тяжела, что ты не в состоянии помыслить ни о чём другом, кроме как о том, как её удержать. Ты даже не заметил, как оказался стреноженным.

Ты добивался момента прояснения, но пережив его, возвестил о своём появлении таким громадным указателем, что не в состоянии перед собой ничего увидеть. Ради того, чтобы другие люди заметили твоё объявление, ты сам себе загораживаешь обзор.

Всё, что ты можешь видеть - это пустая сторона. Её пустоту твоё воображение заполняет мириадами вещей. Ты рисуешь эскиз здания и полагаешь, что приближаешься ко дворцу богов. Ты видишь молнию в безоблачном небе. Закрыты твои глаза или открыты, ты не видишь ничего, кроме иллюзии.

Брось свою табличку! Ты таскаешь за собой мерзкую тухлятину! Невозможно продать рыбьи глаза под видом жемчужин!

Эта табличка - колодки на твоей шее. На ногах твоих тоже колодки, и ты никуда не дойдёшь, пока не избавишься от этих порабощающих оков.

Став свободным, ты сможешь идти по хорошей дороге. По удобному, прямому и ровному пути. Не останавливайся у придорожных балаганов и вскоре ты вступишь в престольный град.

Иди вперёд! Двигайся вперёд! Твои ноги будут сами нести тебя. Тебе не придётся перерождаться в теле коня, верблюда или осла.

Выброс эту громоздкую табличку! Это раскрытый парус, который подчиняется ветру. Всю твою энергию тебе приходится расходовать на управление им.

Это гигантское зеркало, отражающее только мирские объекты. Брось его, поколебав великую землю, горы и реки. В его осколке ты обнаружишь отражение своей природы будды. А при повторном взгляде все осколки будут отражать эту природу как образ, воспроизведённый бесконечное число раз. Ищи Бесконечного и повернись спиной к Вратам смерти.

Год семьдесят второй (1617-8)

Весной, в первом месяце, я побывал в горах Шуанцзин[72-1], где поклонился покойному учителю Юньци[72-2].

[72-1] Горы Шуанцзин -

[72-2] Учитель Юньци - см. примечание Ляньчи к главе *Год тридцать первый (1576-7)*.

В момент моего прибытия меня ожидали более тысячи монахов и учеников-мирян. Я был весьма озадачен их ревностным желанием изучать чань. Мастера Юньци я всегда считал опытным учителем чань, поэтому я гадал, почему его ученики знают о чань так мало. Позже я узнал, что в своих наставлениях он ограничивался практиками школы Чистой земли. Подозреваю, что причиной тому был его страх подвергнуть своих учеников опасностям неполноценного просветления. Чань находился в упадке, и те немногие учителя, которые ещё существовали, прекрасно это осознавали. Они боялись, что после их смерти им на смену не придут новые учителя, способные повести их последователей к Истинной цели.

Когда его ученики пришли ко мне и стали задавать вопрос за вопросом о практиках нашей школы, я давал на них развёрнутые ответы, хоть и осознавая, связанную с этим опасность.

Затем в один из вечеров, когда все они были в сборе, я рассказал им каким прекрасным наставником чань был их учитель и как, несомненно из любви к ним, он не стал подвергать их горечи неудачи. Многих этот факт растрогал до слёз. Учитель Юньци не дал им даже намёка на глубину своего постижения.

Проведя с учениками учителя Юньци три недели, я перебрался в храм Цзинцы[72-3], чтобы дать лекции на тему обетов Махаяны. Тысячи людей приходили их послушать, и вид такого большого числа добродетельных людей, собравшихся на берегу озера ради изучения Дхармы, приносил радость.

[72-3] Храм Цзинцы - находится в г. Ханчжоу, пров. Чжэцзян, у Западного озера.

Затем я побывал в нескольких прекрасных местах: Линъине[72-4], Саньчжу[72-5] и Сишане[72-6], где меня порадовала церемония отпускания рыб на волю. В качестве демонстрации своей заботы обо всех живых тварях местные буддисты покупают пойманную рыбу и в ходе этой церемонии выпускают на волю.

[72-4] Линъинь - чаньский храм на северо-западе г. Ханчжоу, пров. Чжэцзян, у Западного озера.

[72-5] Саньчжу - вероятно имеется в виду мост и расположенный на нём или рядом с ним храм в г. Санькуэй уезда Тайшунь пров. Чжэцзян.

[72-6] Сишань -

В пятом месяце я прибыл в Уху[72-7]. Чиновник Лю Юшоу пригласил меня погостить у него, чтобы обсудить со мной необычные сны, которые ему снились в последнее время.

[72-7] Уху - город на юго-востоке пров. Аньхой.

Вернувшись на Куаншань, я узнал, что губернатор Ван уже предоставил средства на строительство вихары. Посему своему ученику Фушаню я поручил руководство строительством, которое было завершено к концу десятого месяца. Так у меня появилось как жилище, так и подходящее место для выступления с лекциями. Моей первой темой стала Сурангама-сутра.

Год семьдесят третий (1618-9)

В этом году своё время я посвятил восстановлению Залы святилища Будды и Залы чань. В третьем месяце в горы приехал советник Чэнь Чиши из Фуляна[73-1] и с помощью Бао Цзунсу сформировал комитет десяти друзей для сбора средств. В двенадцатом месяце, зимой, восстановительные работы были наконец завершены.

[73-1] Фулян - вероятно речь идёт об уезде в пров. Цзянси, такая идентификация хорошо коррелирует с местонахождением горы Куаншань, которая также расположена на территории этой провинции.

Год семьдесят четвёртый (1619-20)

Весной, в первом месяце, а начал декламации Аватамсака-сутры. Всякий раз, декламируя её, я находил в ней новые заслуживающие поклонения качества. Всё же, хотя сам я отдавал предпочтение именно этому поучительному священному писанию, другим, в том числе моим ученикам, оно казалось черезчур длинным. Я откликнулся на их просьбы прочитать лекции на тему своих комментариев к Лотосовой сутре, Сурангама-сутре, Трактату о пробуждении веры, Алмазной сутре, Сутре совершенного пробуждения и Виджняптиматрасиддхи-шастре и был разочарован тем, что никто на заказал Аватамсакка-сутру.

Осенью, в седьмом месяце, я предпринял необходимые шаги по организации приюта для странствующих монахов, достигших почтенного возраста. Я помнил своё детство, когда группа этих монахов пришла к нам в дом за подаянием пищи. Моя мать отнеслась к ним с большим благоговением, угощая их едой, а на меня произвела впечатление их святость. Я часто размышлял о том, что станет с этими монахами, когда они, не будучи приписаны к какому-либо монастырю, слишком состарятся для хождения за подаянием. Теперь я мог предложить им место для проживания.

15-го числа восьмого месяца я удалился в затвор для медитации. Следуя методу учителя Хуэйюаня[74-1], для отсчёта времени я применял курительные палочки, а концентрировался на повторении имени Будды как принято в школе Чистой земли. Но как я ни старался удержать ум на повторении имени Будды, его не оставляло беспокойство о судьбе Аватамсака-сутры. Все сетовали на то, что комментарий учителя Цинляна[74-2] слишком сложен для понимания, и что сложность и длина

[74-1] Учитель Хуэйюань (334–416 гг.) - китайский буддийский учитель, основатель храма Дунлинь на Лушане, посмертно провозглашён первым патриархом школы Чистой земли.

[74-2] Комментарий учителя Цинляна -

самой сутры делали проникновение в глубины её смысла невозможным. Потому я принял решение написать сжатый комментарий под заголовком "Ключевые постулаты Аватамсака-сутры", в котором собирался в общих чертах изложить её смысл. Это должно было помочь читателям понять её и по достоинству оценить.

см. главы *Год девятнадцатый (1564-5)* и *Год тридцать седьмой (1582-3)*.

План работы я начал составлять во время затвора.

Год семьдесят пятый (1620-1)

Весной, в первом месяце, я вышел из затвора и откликнулся на просьбу своего прислужника Гуанъи снова дать разъяснения к Сутре совершенного пробуждения и Трактату о пробуждении веры. Он также попросил меня прочитать лекции на тему "Семи глав метафизики Чжуан-цзы[74-3]", что я охотно согласился сделать.

[74-3] Чжуан-цзы - даосский философ, автор одноимённого трактата.

Летом у меня приключилась хворь ног. Довольно часто возникали острые боли. Пока я поправлялся, в Цаоси поклониться 6-му патриарху приехал провинциальный инспектор У, которого перевели на должность главного судьи Гуандуна. Отреставрированные и отремонтированные мной постройки оказали на него такое впечатление, что он объявил о своём намерении стать для Цаоси защитником Дхармы. Соответственно ему понадобились подробные биографии всех патриархов, которые он через монахов попросил меня написать. Пока я болел, я написал их биографии, снабдив их надлежащими надгробными речами.

Другой темой, которая не давала мне покоя, был Цаоси. С тех пор, как я покинул прекрасный монастырь 6-го патриарха, минуло 8 лет. От монахов мне часто поступали просьбы вернуться и жить с ними. Даже представители местной аристократии и некоторые чиновники тоже писали мне, прося о возвращении, но я всякий раз отказывался.

Теперь и главный судья У написал мне с просьбой вернуться в Цаоси, но на этот раз я смог отказать, сославшись на то, что просто слишком болен для переездов.

Год семьдесят шестой (1621-2)

Летом я давал лекции на тему комментария к Ланкаватара-сутре, а зимой меня снова попросили вернуться в Цаоси. В этот раз старший инспектор Чжу и главный судья У лично приехали официально просить меня о возвращении. Я снова отказался по причине болезни.

Год семьдесят седьмой (1622-3)

Я продолжил работу над сочинением "Ключевые постулаты Аватамсака-сутры" и наконец сумел его завершить.

Мне снова написал главный судья У, выражая искреннее желание моего возвращения на покой в Цаоси. В этот раз по просьбе чиновника Чана из Шаояна его письмо доставил мне настоятель монастыря Цаоси. Понимая, что больше отказываться не смогу, я согласился вернуться. Так 10-го числа одиннадцатого месяца я покинул Куаншань.

В пути я писал стихотворения и встретился со множеством старых друзей. Эта поездка принесла мне столько счастливых минут, что при переходе через вершину Даю[77-1], я думал, что моё сердце больше не выдержит радости. Наконец 15-го числа двенадцатого месяца я добрался до Цаоси. При виде шеренг людей, с нетерпением ожидавших возможности встретить меня и заключить в объятия, моё сердце переполняло счастье.

[77-1] Вершина Даю -

ЗДЕСЬ ЗАКАНЧИВАЕТСЯ АВТОБИОГРАФИЯ УЧИТЕЛЯ ХАНЬШАНЯ

***Год семьдесят восьмой, последний (1623-23)**, описан его учеником Фушанем*

Учитель жил в Зале чань в Цаоси. Первый месяц по возвращении он посвятил преподаванию Дхармы. Множество чиновников, аристократии, учеников и различных последователей посещали Цаоси, чтобы выразить ему почтение и получить от него мудрые наставления.

Осенью, в восьмом месяце, учитель вызвал прислужника и поручил ему передать слова благодарности главному судье У. Когда прислужник направился к выходу, учитель сказал: "Хороший результат приходит только в подходящее время. Будды и патриархи достигали успеха в проповеди истины, потому что люди были готовы внимать ей. Если цель благородна, а время благоприятно, делу обещан успех. Дело моей жизни исполнено, мне пора возвращаться". Слышавшие эти слова люди, подумали, что этим он хотел сообщить главному судье У о своём намерении вернуться на Куаншань. После этого учитель написал стихотворение "Середина осени без лунного света". Поскольку в середине осени луна светит особенно ярко, мы поняли, что так он сообщал о своей приближающейся кончине.

4-го числа десятого месяца в гости к учителю приехал окружной начальник Сяо Сюаньпу. Они оживлённо общались целый день. Но силы учителя явно иссякали, и когда он попросил окружного начальника подобрать подходящее место для его могилы, окружной начальник сразу пообещал выполнить просьбу.

После отъезда окружного начальника учитель захворал. 6-го числа вернулся его прислужник Гуанъи, который увидев учителя, заметил, что вернулся как раз вовремя. В тот же день пришёл чиновник Чан с доктором. Учитель знал, что час его кончины приближается, и что лекарства бесполезны. Он поблагодарил доктора, но отказался от его помощи.

8-го числа приехал ученик Чжао И. Выйдя от учителя, он сказал, что приедь он двумя днями позднее, он мог бы опоздать.

11-го числа учитель простился с чиновником Чаном. Затем после купания он воскурил фимиам и в последний раз произнёс наставление своим ученикам: "Все вещи в мире непостоянны. Пусть в центре вашего внимания всегда будет Будда", - сказал он.

При этих словах ученик Гуанъи взмолился: "Учитель, нам необходим наставник!"

Учитель отчитал его. "Ты так долго учился у меня, - с грустью сказал он, - отчего ты до сих пор в растерянности? Разве ты ничему не научился?" Потом он сказал, вздохнув: "Когда изречения, исходящие из золотых уст (Будды) считаются устаревшими и бесполезными, чего могут стоить мои слова?" Больше он не захотел произнести ни слова.

12-го числа десятого месяца, в день рождения учителя, в монастыре собралось множество буддистов. Губернатор Чан принёс в качестве подарка шёлковую рясу лилового цвета. Он общался с учителем в послеобеденное время, а вечером, когда губернатор ушёл учитель принял ванну.

На следующее утро, одетый в новую шёлковую рясу, он встретил губернатора словами: "Старый горный монах уходит. Благодарю тебя за защиту, которую ты оказывал Дхарме".

Губернатор Чан со слезами возразил: "Ты не уйдёшь! Я начальник этого региона и я говорю, что ты не вправе его покидать!"

Учитель улыбнулся и ещё раз поблагодарил губернатора.

В полдень, после отъезда губернатора, учитель в последний раз принял ванну в то время, как монахи, собравшись, декламировали имя Будды. Облачившись в свежие одежды он встретился с монахами и сказал им: "Не бойтесь. Следуйте буддийской традиции, никакой скорби, никаких рыданий. И с собранным умом повторяйте имя Будды".

В середине второй половины дня, оставаясь в положении сидя, учитель Ханьшань тихо скончался. Птицы Цаоси жалобно щебетали, откликаясь на нашу печаль.

Когда монахи на Куаншане узнали о кончине учителя, они обратились к нескольким высокопоставленным чиновникам с прошением о передаче им его останков. Соответствующее распоряжение было отдано, тело учителя было помещено в гроб и 21-го числа первого месяца (февраль 1625 года) было вывезено из Цаоси.

На Куаншане бхикшу Фушань воздвиг ступу с залой, в которой был поставлен гроб, чтобы дать всем возможность прийти попрощаться с учителем. Позднее губернатор Цзянь Усин из Нанькана выбрал участок для могилы в тенистом, но влажном месте, где гроб и был предан земле. Спустя 11 лет на горе развелось много тигров, и люди ворчали, что это напасть в наказание за захоронение монахами останков учителя в неподходящем месте. В итоге гроб был эксгумирован. При этом обнаружилось, что значительная часть древесины изъедена муравьями. Никто не хотел помещать гроб обратно в землю, поэтому его оставили в ступе.

По прошествии ещё 9-ти лет (в 1643 году) министр церемоний[78-1] Чэнь Цзучуан из Линна[78-2], который был учеником учителя, направил письмо с просьбой вернуть останки учителя в Цаоси, предоставив для этого средства.

Не смотря на значительную степень повреждений гроба, останки учителя находились в сохранности. Он так и пребывал в сидячем положении в позе лотоса. Было принято решение последовать индийскому обычаю и покрыть тело порошком сандалового дерева, что создавало иллюзию покрытия лаком.

[78-1] Министр церемоний - глава Министерства церемоний, одного из органов исполнительной власти императорского Китая, основанных во времена династии Тан и просуществовавших до буржуазной революции 1911 г., а именно трёх департаментов и шести министерств. В ведении этого министерства находились государственные конфуцианские ритуалы, отношения с даосскими и буддийскими священнослужителями, управление системой государственных экзаменов и контакты с представителями иностранных государств.
[78-2] Линна -

Много лет назад, когда учитель жил в Цаоси, одна портниха, которая была его преданной последовательницей, пошила ему великолепную шёлковую рясу, украсив её тысячью Будд, каждый из которых находился в нише, сделанной из накладного шёлка. Учитель умер прежде, чем она успела завершить работу, поэтому увидеть рясу ему так и не довелось. Она благоговейно хранилась в монастырской сокровищнице.

В конце концов монахи Цаоси смогли облачить в неё тело учителя. После чего оно было помещено в раку в Зале Ханьшаня, куда тысячи людей пришли почтить его память.

Афоризмы учителя Ханьшаня

(из "Путешествия в Страну грёз" [Journey to Dreamland])

1. Проповедуя Дхарму тем, кто видит один лишь иллюзорный мир собственного эго, мы проповедуем напрасно. С таким же успехом можно проповедовать мертвецу.

   Как же глупы те, кто отвращается от реального, истинного и долговечного ради погони за скоропреходящими формами материального мира, формами, которые не более, чем отражения в зеркале эго. Не стремясь заглянуть глубже, сбитые с толку существа довольствуются цеплянием за образы. Они полагают, что вечно прибывающую энергию материального мира можно трансформировать в постоянные формы, что можно дать этим формам название и определить их ценность, а затем, подобно великим правителям, распространить на них свою власть.

   Объекты материального мира подобны мёртвым, и эго не может вернуть их к жизни. Как великий правитель в силу самого своего статуса привязан к своему царству, эго, привязываясь к объектам материального мира, становится главой мира мёртвых. Дхарма она для живых. Постоянное не может пребывать в эфемерном. Нельзя обнаружить истинную и долговечную радость в мире изменчивой иллюзии. Никому не под силу выпить воду из миража.

2. Существуют также те, кто, настаивая на своей просветлённости, утверждают, что понимают невещественную природу реальности. Похваляясь тем, что недуг материализма не властен над ними, свой иммунитет они пытаются доказать, избегая земных удовольствий. Но и они блуждают в потёмках.

3. Ошибаются и те, кто посвящает себя разоблачению обмана во всяком чувственном объекте, который им встречается. Действительно, восприятие материальных объектов порождает в сердце необузданное желание. Действительно, как только приходит осознание того, как в сущности ничтожны такие очевидные объекты, необузданные желания сводятся до робких мыслей. Но нам не следует ограничивать нашу духовную практику делом рассеяния иллюзии. Дхарма - это нечто большее, чем просто понимание природы реальности.

4. Каким способом лучше всего разорвать нашу привязанность к материальным вещам?

   Сначала нам нужен добротный острый меч, меч различения, который проникает сквозь кажущееся с тем, чтобы обнажить реальное. На первых порах мы специально обращаем внимание на то, как быстро у нас возникает неудовлетворённость материальными вещами, и как скоро возникает неудовлетворённость чувственными удовольствиями. Будучи постоянно осознанными, мы затачиваем и шлифуем этот меч. И вскоре мы обнаруживаем то, как редко нам приходится его применять. Мы отсекли все наши старые желания, а новые не решаются нас потревожить.

5. Искатели истинной Дхармы, живущие в миру, используют повседневную деятельность в качестве точильного камня. Снаружи они могут выглядеть очень занятыми, словно ударяющийся о сталь кремень, рассыпая искры повсюду. Но внутри они по-тихоньку совершенствуются. Поскольку, даже работая очень интенсивно, они трудятся ради дела, а не ради выгоды, которую оно им принесёт. Не будучи привязанными к результатам своего труда, они выходят за пределы лихорадочной гонки, достигая основополагающей безмятежности Пути. Разве бурный и стремительный водный поток сверкает не так же, как кремень в момент удара, при этом полируя до блеска каждый камень на своём пути?

6. В иллюзорном мире эго все вещи пребывают в постоянном движении. Но непрерывная изменчивость - это постоянный хаос. Когда эго видит себя в центре настолько бурной деятельности, оно не может испытывать космическую гармонию.

   Например то, что эго считает разрушительным ураганом, с точки зрения Вселенной является совершенно естественным событием, звеном в бесконечной цепи причин и следствий. Вселенная, не обладая эго, продолжает существовать не вынося суждений об ураганах или океанических бризах.

   Будучи лишены эго, мы также можем продолжать жизнь, спокойно принимая различные её события. Когда мы перестанем делать субъективные различия - нежно или грубо, красиво или безобразно, хорошо или плохо - в нашем уме воцарится умиротворённое спокойствие. Где нет эго, там нет возбуждения.

7. Наши тело и ум по своей природе чисты, но мы оскверняем их греховными мыслями и поступками. Чтобы вернуть себе свою изначальную чистоту, нам лишь следует вымести накопившуюся грязь. Но с чего начать уборку? Следует ли нам установить преграду между собой и моментами проявления наших пагубных привычек? Следует ли нам избегать мест, где возникают соблазны? Нет. Мы не можем провозгласить победу, уклонившись от сражения. Враг заключён не в нашем окружении, а в нас самих. Нам следует выступить против самих себя и понять человеческую слабость. Нам следует честно взглянуть на себя, на свои отношения и имущество и задаться вопросом, чего мы достигли своим самоугождением. Принесло ли это нам счастье? Однозначно нет.

   Если мы будем безжалостно честны, нам придётся признать, что нас осквернил наш собственный глупый эгоизм. Это больно признавать. Но чтобы растопить лёд, нужно применить жар. Чем горячее огонь, тем скорее растает лёд. С мудростью точно так же. Чем более дотошен наш анализ, тем скорее мы обретём мудрость. Возрастая, наша мудрость исполином возвышается на ставшим карликовым эгоистичным "я". Тогда сражение прекращается.

8. Иногда мы действуем с непоколебимой верой в Дхарму, даже не понимая ситуацию, в которой оказались. Но иногда, даже понимая ситуацию, мы не решаемся полностью положиться на веру.

   В первом случае доминирует сердце, во втором - ум. Мы должны их объединить! Понимание с верой!

9. Благодаря крохотной точке опоры рычаг способен переместить тонны груза. Одной ненасытной мыслью могут быть перечёркнуты годы безупречной жизни. Ненасытная мысль есть семя страха и заблуждения. Оно бурно пойдёт в рост. Материальная прибыль, приносимая корыстолюбивым поступком, на самом деле довольно мала. Потеря материальной выгоды в результате бескорыстного поступка также довольно незначительна. Но потеря собственной безупречности - вот колоссальная потеря! У просветлённого человека точка опоры вызывает благоговейный трепет.

10. К чему стремятся люди? К деньгам, славе либо удачным отношениям, либо к Дхарме. В то же время один может очень разбогатеть, но быть ненавидим собственной семьёй. Другой может быть всеми обожаем, но не иметь ни гроша за душой. Третий может превозноситься как герой своими соотечественниками, но оказаться лишённым средств к существованию и любящей семьи. Обычно на достижение одной цели бросается столько усилий, что достичь других уже нет возможности. Но что можно сказать о том, кто стремиться освоить Дхарму? В случае успеха, достигнув этой единственной цели, он обретает гораздо больше, чем достигнув всех трёх вместе взятых. Тому, кто обладает Дхармой, хватает всего.

11. Извлеки рыбу на берег и она будет помнить океан до конца своих дней. Заключи птицу в клетку и она не забудет небо. Каждый скучает по своему родному дому, по тому месту, находиться в котором ему предназначено природой.

    Человек рождается в состоянии невинности. Его изначальная природа есть любовь, милосердие и чистота. И при этом он так запросто переезжает, даже не помышляя о своём старом доме. Разве это не печальней, чем участь рыб и птиц?”

12. Те, кто преследует материальную выгоду, всегда спешат, всегда заняты срочными делами. Те же, кто ищет Дхарму, движутся медленно и легко. "Скучно", - вы говорите? Возможно. Возможно это действительно ужасно, остановиться и вдохнуть аромат цветка или послушать пение птицы. Возможно сияние золота действительно более ослепительно, чем твоё изначальное лицо. Возможно нам необходимо более удачное определение понятия "сокровище".

13. Погода на сердце всегда должна быть ясной, всегда солнечной и тихой. Единственный случай, когда погода может испортиться, это при формировании облаков страсти и привязанности. Они всегда приносят с собой бури беспокойства и растерянности.

14. Одна соринка в глазу мешает видеть отчётливо, мы видим двоящиеся или троящиеся образы. Одна нечистая мысль смущает рассудительный ум. В результате может возникнуть множество ошибок в суждениях. Извлеките соринку и смотрите без искажений! Устраните нечистую мысль и размышляйте трезво!

15. Великие достижения складываются из незначительных деталей. Те, кто достигает Целого, уделяют пристальное внимание каждой отдельной мелкой детали. Терпящие неудачу игнорируют или недооценивают то, что они посчитали неважным. Просветлённый человек ничего не упускает.

16. Почему отдельные материальные вещи так высоко ценятся? Драгоценный камень фактически бесполезен, а позолоченные ножны не лучше обычных.

    Человек считает золото драгоценным по причине его редкости, долговечности и блеска. Потом он думает, что, обладая золотом, сам станет редким или уникальным, что его ценность как личности будет долговечной и что его, к тому же, будут считать назаурядной персоной. Одержимость этими представлениями может овладеть им настолько, что, пытаясь раздобыть золото, он разрушит ту самую жизнь, которую стремится улучшить.

    Пребывая во мраке заблуждения, непросветлённые верят, что могут возвеличить себя, отражая те качества, которыми они наделяют своё имущество. Те, кто живёт просветлённой жизнью, ясно видят, что свойства объекта не переходят к его владельцу. Гора драгоценностей, сваленных у них на пути, не заслонит их обзор. Они способны смотреть поверх них. Золото в кармане не есть золото в характере.

17. Взгляните на людей, содержащих тигров в качестве домашних животных. Даже во время смеха и игр в их подсознании сидит страх того, что их питомец внезапно на них нападёт. Они никогда не забывают об опасности, исходящей от тигров.

Но что можно сказать о людях, охваченных страстью обладания, балующих себя то одним приобретением, то другим? Они совершенно не осознают опасности.

При этом тигр способен пожрать лишь плоть. Алчность же пожирает душу.

18. Гораздо проще поступать правильно, когда знаешь, что значит "правильно". В поисках Пути мы не можем полагаться на инстинкты. Нам необходимо руководство.

Но как только путь нам указан, и мы начинаем движение вверх по нему, мы обнаруживаем, что с каждым шагом возрастают наши мудрость и сила духа. Озираясь назад, мы видим как много поотмирало наших старых желаний, оставшись лежать на обочине. Они выглядят настолько беспомощно, что нам остаётся лишь удивляться, как мы могли полагать, что нам не хватает решительности для сопротивления им.

Вершина мудрости отличается от прочих вершин. Чем выше мы взбираемся, тем сильнее становимся.

19. Люди пребывают в постоянном поиске лёгких путей. Трудный путь, освоенный через тяжёлые испытания и болезненные уроки, их не интересует. Им нужен брод. Истинные искатели Дхармы опасаются бродов. Они знают, что ценно. Знают, что без усилий не бывает чувства достижения. Именно это чувство заставляет их идти вперёд.

Люди, неспособные оценить по достоинству усилия, прилагаемые для восхождения, лишены понимания того, где они были, осознания того, кто они есть, и решимости продолжать восхождение.

20. Каковы две самых популярных цели у людей, живущих в миру? Богатство и слава. Ради их достижения люди готовы потерять всё, в том числе здоровье своих тела, ума и духа. Не слишком ли невыгодный обмен? Мирские богатство и слава истощаются так быстро, что впору задумываться о том, чего хватит на дольше, денег, славы или человека.

Но возьмите цель просветления, обретения богатства Дхармы. Те, кто достигает этой цели, энергичны телом, проницательным умом и мирны духом... отныне и навеки.

21. Существуют люди, которые, ничего не совершив, удостаиваются великих почестей или высоких и важных должностей. Что ж, люди, получившие высокий пост, не заслужив его, подобны лишённым корня деревьям. Они живут в страхе быть поваленными даже лёгким ветром.

Незаслуженные почести есть предтеча позора.

22. Богатыми восхищаются, потому что они накопили денег. Но что накоплено может быть растрачено. Восхищение убывает вместе с деньгами. Государю подданные верно служат, потому что считают его благородным. Но приди они к выводу, что он поступает скверно, он рискует лишиться не только своего трона. Те, кто богат Дхармой и благороден на Пути Будды, всегда сохраняют богатство и верность людей.

23. Успешно скрывая свои злодеяния, человек не может считать себя благочестивым. Сам он знает, что совершил зло. Без конца бахвалясь, человек не может претендовать на славу, пусть даже его имя звучит отовсюду. Подражая поведению святых, монахи могут заслужить почитание, но посредством добродетельного поведения никто никогда не становился святым. Что есть истинное благочестие, истинное признание и истинная добродетель? Это внутренние качества, не внешние поступки или видимость. Когда совесть человека незапятнана, он благочестив. Когда о его репутации порядочного человека узнают раньше, чем его самого, он знаменит. Когда смирение перед Дхармой и её почитание естественно проявляются в его характере, он уважаем.

24. Если люди не в силах уклониться от повелений своих отца и императора, что они могут сделать, когда повеление исходит от Смерти? Они отчаянно сопротивляются и взывают к небесам, но вынуждены подчиниться. Громче всех голосит тот, кто считает, что наконец достиг вершины мирского успеха.

Просветлённые понимают жизнь и смерть. Им всегда всего хватает, и они никогда не ропщут.

25. Люди, полагают, что обладая мирским знанием, они знают всё. Но это не так. Даже после усвоения материала сохраняется вероятность ошибки. И если искусный лучник порой промахивается по цели, что уж говорить о заурядных? Зная Дхарму, мы располагаем всей необходимой нам информацией.

Независимо от того, что мы ещё узна́ем помимо неё, наша сокровищница, даже будучи вместительной и глубокой, уже полна.

26. Во Вселенной всё подвержено изменению. Есть только одно исключение: смерть всегда следует за жизнью. Неужели не странно, что люди этого не заметили, что они живут, будто впереди у них вечность, что смерть не причина для беспокойства? Разумеется, если они действительно желают жить так долго, как рассчитывают, им стоит искать Дхармы. Выход за пределы жизни, смерти и перемен достигается в Дхармакае.

27. Я собираю то, что жнецы упустили или чем пренебрегли. Тогда почему их корзины пусты, тогда как моя ломится от избытка провизии? Просто они не узнали свою природу Будды, когда увидели её.

В жизни всё зависит от выбора, который мы совершаем.

28. В приличном обществе быстро замечают человека с грязными руками. На него начинают смотреть с отвращением. Он остаётся изгоем до тех пор, пока не вымоет руки.

Но разве не поразительно, что на человека, осквернённого алчностью и злобой, никто не обратит ни малейшего внимания? Он не испытает никакого неудобства. Очевидно грязная натура не заслуживает того же внимания, что грязные руки.

Вернуть рукам чистоту так просто. Их нужно только помыть. Испорченная же натура - совсем другое дело.

29. Тело человека, несущего слишком тяжёлое мирское бремя, скоро устаёт. Рассудок человека, озабоченного множеством мирских проблем, скоро отказывает. Излишняя озабоченность материальными вещами - это опасный образ жизни, безрассудная трата энергии. Необходимо сокращать свои запросы и использовать силу для достижения духовных целей. Никто ещё не нанёс вреда своим уму или телу практикой самообуздания.

30. В чём, в сущности, заключается разница между трудностями и удовольствием? Трудности являются препятствием, препятствие - это вызов, а вызов - это возможность применить силу Дхармы. А что может принести большее удовольствие?

Люди всегда так боятся трудностей. Они идут по жизни, стараясь избегать трудного и стремясь к лёгкому. У меня же всё ровно наоборот. Я совсем не делаю различий между трудностями и удовольствием. Независимо от того, труден или лёгок лежащий передо мной путь, я без колебаний ступлю на него.

31. Люди возмущённо осуждают воров, похищающих материальные вещи. Меня же беспокоит тот тип воров, которые похищают души. Люди стремятся защитить своё имущество. Они возводят стены и устанавливают системы охраны. Они казнят каждого схваченного ими вора. Но какие меры принимают они для защиты своего разума от порчи и ущерба?

32. Человек с добрым характером мягок, скромен и лишён материалистичных желаний. Человек со скверным характером груб, заносчив и порабощён алчностью. Мягкость говорит о большей силе по сравнению с грубостью. Скромность заслуживает большей похвалы, чем высокомерие. Свобода всегда предпочтительней рабства.

Очевидно, что жизнь человека с добрым характером более благополучна.

33. Существуют материальные приобретения и духовные. Ради обретения материальных вещей, являющихся предметом его желаний, ум занят поисками во внешнем мире. Когда его интересуют духовные приобретения, он направляет внимание к сердцу.

Человек, пренебрегающий своим сердцем привязывается к материальному миру. Искатель Дхармы смотрит внутрь и слушает своё сердце. Свои привязанности он предпочитает формировать именно в этой области.

34. Невозможно испытывать комфорт, имея занозы в теле. А если их не извлечь, возникает заражение кожи. На заражённых участках кожи развивается некроз.

То же самое с сердцем. Невозможно испытывать комфорт, когда в нём сидят занозы алчности. А если их не извлечь, в сердце возникает заражение. Что вы станете делать, когда отмирает ваш дух?

35. Стихийные бедствия, так называемые действия высшей силы, не различают своих жертв. Они затрагивают всех - богатых и бедных, хороших и плохих.

Имея власть над людьми, помни о стихийных бедствиях. В своей справедливости будь подобен высшим силам.

36. Наилучший способ обращения людей на Путь Дхармы - это обращение на него прежде всего самого себя. Будь им примером для подражания. Один естественный поступок, продиктованный добрым характером, убеждает сильнее, чем любое красноречие.

37. Проще из бедности достичь роскоши, чем из роскоши вернуться в бедность. Все это знают. Бедность подобна плаванию в бурных водах. Если человек внимателен, он найдёт возможность выбраться. Но роскошь подобна мягкому дрейфу вниз по течению. Человек впадает в дрёму и просыпается, находясь уже в открытом океане. Вот вам и трудности. Относись к дождю как к утренней росе. Остерегайся солнечных дней. Тяжело совершать восхождение, когда солнце печёт в спину.

38. Наша природа Будды всегда чиста и ясна. Если мы её не видим, это потому что наши глаза покрыты плотной пеленой эмоциональной пыли. Как невозможно устранить пыль пылью, так эмоции невозможно устранить эмоциями. Но как же снять пелену? Применять мудрость Дхармы. Просветление снимает пелену и озаряет природу Будды.

39. Величайшее качество мудрости заключается в её способности всегда давать именно тот ответ, который необходим в настоящий момент. Как меткий остро заточенный меч она всегда угождает в цель. Когда наша мудрость возрастает, мы начинаем понимать свой ум и обретаем способность им управлять.

Мудрый человек всегда добр и предупредителен. Он всегда видит, в чём есть нужда. Он позволяет снегу падать на разгорячённое тело. Он угощает прохладной водой, помогая утолить жестокую жажду.

40. Лёгкий путь всегда так привлекателен. Тогда почему я предпочитаю трудный? На лёгком пути мы всё принимаем как должное. Мы ленимся и скучаем. Это рецепт для неприятностей и утрат. Идя по трудному пути, мы знаем, что не можем потерять бдительность даже на мгновение. Мы должны быть начеку, чтобы во всеоружии встретить препятствия. Решение проблем делает наш разум острее, а характер твёрже. В этом заключается достижение! Это по-настоящему ценное приобретение!

41. Все мы склонны благоволить тем, кто прислушивается к нашим советам, и не любить тех, кто ими пренебрегает. Нам следует избегать такой наклонности.

Позволяя себе подвергаться влиянию эмоций, мы грешим против заветов Дхармы. Любовь и ненависть способны заразить сознание и поставить под угрозу нашу способность трезвого, непредвзятого восприятия. В потёмках мы можем споткнуться. Контролируя свои эмоции, мы сохраняем свет.

42. Люди жаждут чувственных впечатлений. Им нравится подобное возбуждение внешними факторами. Но я такую жажду считаю формой страдания. Чувственные впечатления сами себя подпитывают, возрастают и воспитывают ненасытный аппетит. В стремлении его утолить люди уничтожат и себя, и других. Источник удовольствия, извлекаемого из Дхармы, находится внутри. Счастье возрастает по мере того, как возрастает способность им наслаждаться. Получив возможность выбора между видами удовольствия, просветлённые всегда отдают предпочтение Дхарме.

43. Обратите внимание, все мирские достижения имеют изъяны. Чем ты богаче, тем больше твоя гордыня. Чем выше пост, который ты занимаешь, тем больше в тебе любоначалия. Чем сильнее твои амбиции, тем черствее ты становишься.

В Дхарме успех основан на дугих принципах. Чем лучше ты становишься, тем лучше ты становишься.

44. Море штормит, а мельница вращается благодаря ветру. Исключи ветер и море успокоится, а мельницы остановятся. У всякого следствия есть причина.

Волны желания вещей метериального мира захлёстывают наш разум, удерживают его в постоянном состоянии возбуждения, заставляют бросаться из стороны в сторону. Как вы думаете, что случится,

если мы исключим желания?

45. Течение потока вялое, когда источник неглубок. Чигирь в нём вертеться не будет. Высокое строение долго не простоит, если фундамент зыбок. Стены трескаются как только проваливается пол. Для качественной работы и долговечности необходимы глубина и крепость. Святые это знали. Именно поэтому они глубоко укоренялись в Дхарме. Они становились башнями благочестия, которых ничто не могло повалить. Их просветление было маяком, указывавшим путь и вдохновлявшим других на протяжении многих поколений.

    Не удовлетворяйтесь изучением Дхармы, освоением её верхних пластов. Погружайтесь в неё. Углубляйтесь насколько возможно.

46. Глаз без труда видит безграничные небеса и огромную землю, но одна пушинка может запросто нарушить его способность видеть. Сердце, наполненное любовью, может вырасти до размеров вселенной, но одна злобная мысль способна создать брешь в таком сердце и заставить любовь уйти из его. Никогда не недооценивайте могущество малых вещей. Святые всегда серьёзно воспринимали даже самые невзрачные мысли.

47. Даже когда сотня великих эрудитов предрекают неудачу, мудрый человек, уверенный в своих способностях, не опускает рук и добивается успеха. Даже когда те же самые сто человек прочат успех, человек, обладающий одним только знанием без уверенности в себе, происходящей из мудрости, потерпит фиаско.

    Книжное знание само по себе порождает сомнения, а сомнения становятся причиной смущения. В таких условиях никакая уверенность в себе не может развиться. Но мудрость вызывает доверие, а доверие пробуждает прозорливость и здравомыслие. Последователи Дхармы следуют по пути мудрости для искоренения сомнения и употребляют знание с пользой.

48. Еще совсем недавно, когда человек падал в нечистоты, он испытывал такое чувство стыда, что давал обет на крови исправиться и больше никогда не падать. Ныне же, когда человек оказывается в нечистотах, он рассылает другим приглашения прийти и составить ему компанию. Разве это не печально?

49. Единственное, в чём можно быть уверенным - это то, что ни в чём нельзя быть уверенным. Единственный неизменный факт состоит в том, что всё изменяется. Святые культивировали терпение. В какой ситуации они бы ни оказывались, они спокойно ждали. Кроме того они понимали, что в случае с сердцем изменяется не только объект - субъект так же непостоянен. Желание - это, возможно, самое изменчивое явление.

50. Развивайте привычку раннего отхода ко сну. Это наилучший режим для поддержания устойчивого и безмятежного состояния ума. Людям, бодрствующим допоздна, приходится занимать и развлекать своих друзей. В противном случае им скучно и требуются новые впечатления. Даже просыпаясь поздно, они всё равно испытывают усталость, всё равно медленно двигаются и соображают. Они не могут как следует ни трудиться, ни мыслить. Люди, следующие Дхарме ведут более полноценную и насыщенную жизнь. Они не нуждаются в поддержке другими людьми. Полезные привычки подобны мышцам, чем чаще ими пользуешься, тем глубже они укореняются.

51. Все реки, большие и малые, чистые и мутные текут к океану, на что океан отвечает испарением, которое образует облака, приносящие дождь, наполняющий реки. Таков цикл.

    Святые относятся с любовью и уважением ко всем людям, богатым и бедным, хорошим и плохим. Люди, наблюдая такую исключительную справедливость, отвечают почитанием святых и стремлением им подражать. И это - цикл.

    Относись к Дхарме, как река относится к океану, источнику самого её существования и её бесконечно обновляющейся судьбы. Относись к Дхарме, как святые относятся к людям: объекту любви и вознаграждению за любовь.

52. Относясь к людям, как к иным, отдельным или отличным от себя, ты не обнаружишь склонности быть справедливым или милосердным в своих суждениях о них. Но относясь к людям, как к подобиям самого себя, ты поймёшь их ошибки и оценишь их качества.

Разве не наше счастье, что именно так Небо относится к Земле?

53. Кто видит лишь внешние формы материи и не проникает в истинную природу видимой реальности, тот духовно слеп.

Кто воспринимает лишь временный аспект шума и не проникает в истинную природу звуковой реальности, тот духовно глух.

Формы и звуки - всего лишь миражи. Зрением и слухом мы пользуемся, чтобы выявить их суть, понять истинную природу реальности.

54. Непрерывный поток мыслей эгоистичного сознания не может приостановиться на время, достаточное для постижения реальности. При этом люди постоянно пытаются придумать для него преграду, применить мысли для остановки мышления. Мысли подобны диким котам. Нам никогда не пришло бы в голову использовать одного дикого кота для приручения другого.

Каким же тогда образом войти в состояние безмыслия? Мы понимаем невещественную природу как мыслителя, так и самой мысли. Мы понимаем, что в действительности не существует даже крошечной мысли или мыслителя. Когда мы становимся очевидцами этой реальности, наше собственное видение избавляет нас от привязанности к мыслям об отсутствии мыслей.

55. Сама природа ума и тела ясна, спокойна и лишена малейших мыслей. Думает эго, и оно же думает, что желает не думать. Эго само создаёт проблемы, которые пытается решить. Быть свободным от эго значит слышать беззвучный звук, видеть невидимый образ, мыслить немыслимую мысль.

56. Кто достигает стадии размышления без мыслей, то может подумать, что он пробудился к Дхарме. Он анализирует свой медитативный опыт и то, как в итоге изменится его взгляд на окружающую реальность. Он полагает, что достигнутый им контроль ума - это замечательно. Утверждать, что у него появилось больше тем для размышления, неверно. На самом деле их у него стало меньше.

57. Чем чище тело, тем ярче сияет наша природа Будды. Поначалу тело нам всё ещё необходимо. Оно словно светильник. Это пламя есть природа Будды. Но мы можем продолжать осознавать тени. По мере нашего прогресса мы приобретаем ощущение, что тело - это сама Вселенная и что самость Будды освещает её как солнце.

58. У того, что было прежде, нет начала, у того, что наступит в дальнейшем, нет конца. Течение времени на интервалы разбивает мысль, которая определяет и его шкалу. Это мысль полагает, что ночь следует за днём, что смерть следует за рождением, что одни вещи миниатюрны, тогда как другие громадны. Но что для Вселенной значит малое или большое, светлое или тёмное, будущее или прошлое?

59. Поступки невелики, но Принцип велик. Поступки разнообразны, но Принцип един. Действия тех, кто живёт в соответствии с Принципом, позволяя ему вместе с кровью течь в своих жилах, никогда с ним не расходятся. Что бы они ни делали, они исполняют Принцип. У них нет тайных мотивов, и такие им не нужны.

60. В мире ничего не обретается без желания, без мотивации. Можно искать удовлетворения желаний честно и откровенно, а можно путём обмана, получая желаемое нечестным путём. Каким бы способом ты ни заполучил объект своего желания, ты к нему привязываешься - как минимум до тех пор, пока не появится желание чего-то другого. Но между путями честности и лукавства лежит путь, на котором ни одна из этих стратегий не нужна. Это путь, ведущий к постижению природы мирских желаний. На этом пути, пока ты по нему неуклонно движешься, все твои мотивы отмирают сами собой.

61. Вы вызываете к существованию то, о чём думаете. Объекты, порождающие желания, исчезают, когда от них отвращается внутренний взор. Они сливаются с ландшафтом.

То же самое с эмоциями. Надежды, страхи, суждения о правильном и неправильном, чувства удовольствия или страдания также исчезают, когда разум не вовлекается в мирские события, которые их порождают. Не будучи засорён мирскими наносами, опустошённый ум может вмещать бесконечное пространство. Его чистота пронизана безмятежностью, небеса испускают свечение, и повсюду звучит музыка сфер.

62. Чем активней люди задействуют силу воли для устранения желания, тем больше они его укрепляют. Излишние усилия лишь сбивают их с пути. Они становятся одержимы проблемой. Чем больше люди рассуждают о Дхарме, не зная, что это такое, тем глубже в них укореняется невежество. Это их невежество возрастает, и вскоре они начинают мнить себя столпами непогрешимости. Они подобны рыбе, которая, оказавшись на суше, обучает других плаванию, или заключённой в клетку птице, обучающей искусству полёта.

Намереваясь обуздать желание, сорвите с него маску и посмотрите на его суть. Оно тотчас теряет свою значимость и не будет заслуживать даже воспоминания. Желая рассуждать о Дхарме, сделайте её своей естественной средой обитания. Чувствуйте себя в ней как дома. Познакомьтесь ближе с человеческой природой, распознавая собственные заблуждения и низменные желания. И вы сразу простите другим людям их ошибки. В своей любви к человеческому роду будьте скромными и мягкими. Так можно стать примером для подражания. Горделивая косность не есть непогрешимость. Это духовное окоченение.

63. Те, кто воспринимает Дхарму всерьёз, ищут откровений мудрости во всех своих делах. Будучи занятыми или праздными, находясь в одиночестве или в гуще людей, в какой бы ситуации они ни оказывались, они стремятся сохранять осознанность. Подобная бдительность нелегка. Но когда они привыкают к этой практике, она становится для них настолько естественной, что никому вокруг и в голову не приходит, что они что-то практикуют.

64. Если из Вселенной изъять одну травинку, уже нельзя будет сказать, что она вмещает всё. Допустив возникновение в чистом уме одной крошечной мысли алчности или вожделения, уже нельзя сказать, что ум свободен от скверны.

Будьте внимательны к малому. Его наличие или отсутствие может всё изменить.

65. Сознание расширяется до размеров Вселенной, тело сжимается до размеров мыши. Быть просветлённым значит признавать динамизм Дхармы.

Когда ум воспаряет в безграничное пространство, тело остаётся прикованным к земному обиталищу. Обычно оно занято метаниями в потьмах.

66. Какая же это напрасная трата времени и сил, стремление к обладанию материальными объектами желания. Их обретение не может принести длительного удовлетворения, поскольку в результате самого факта их обретения они перестают быть объектами желания. Они идут в расход как дрова или сжигаемые пожертвования. Мы выплёвываем золу изо рта и идём искать следующее дерево на сруб.

Святые стремились к духовным прозрениям. Они задавались вопросом о смысле жизни. Обретая прозрение, они обретали Вселенную. В отсутствие того, чего они ещё могли бы возжелать, они переставали возжигать жертвенный огонь.

67. При всей своей необъятности Вселенная может уместиться в сознании. При всей миниатюрности тела, для его удовлетворения не хватает целого мира.

68. Всё во Вселенной обладает единой природой. Люди, живущие в согласии с этой природой, обладают всем, чего они могли бы пожелать. Желание - удел непросветлённых.

69. Человек, мнящий себя выше других постоянно выносит суждения и замечает различия. Он упрямо рассуждает в понятиях противоположностей: хорошо - плохо, правильно - неправильно. Следуй он своим собственным критериям справедливости, ему придётся отвергнуть как минимум половину мироздания.

Человек, следующий Дхарме, стремиться к единению со всем человечеством. Он не делает различий и безучастен к качественным характеристикам. Он знает, что природа Будды есть единая неделимая реальность. Человек, следующий Дхарме, стремиться поддерживать постоянное осознание своей причастности к этому единству.

70. Горы, реки и сама земля есть часть этого единства. Чистый ум прозрачен, сквозь него можно видеть всё сущее. Разум, замутнённый иллюзией эго, не видит ничего, кроме самого себя.

Стремитесь к осознанию своей сопричастности единому! Хотя ваше тело будет пребывать в материальном мире, ваш разум будет осознавать, что кроме самого себя, желать ему нечего.

71. В совершенной неподвижности Дхармы сердце воспринимает и понимает всё. В ней нет слов для языка, нет звука, слышимого уху, нет образов, видимых глазу. Те, кто живёт в Дхарме, живут сердцем. Любопытно, что хотя их тела увядают, их дыхание всегда подобно дуновению ароматного прохладного бриза. Как чудесно находиться рядом с ними!

72. Я столькому научился у людей, отвергнутых обществом. Это правда. Прислушайтесь к моему совету. Если желаете найти хорошего учителя, ищите среди тех, кого отвергли как слепых, глухих или невежественных.

73. Объекты материального мира - это декорации, реквизит и персонажи пригрезившейся драмы. В момент пробуждения сцена исчезает. Исчезают также актёры и зрители. Пробуждение не есть смерть. Что живёт во сне, может умереть во сне, но сновидец обладает реальным существованием, не прекращающимся вместе со сновидением. Всё, что ему нужно, это перестать грезить, не поддаваться чарам образов сновидения и осознать, что он всего-навсего спал.

74. Большинство людей воспринимают только перемены. Для них явления возникают и исчезают. Рано или поздно новое становится старым, ценное бесполезным. Их эго определяет судьбу всех вещей.

Когда существование определяется такими ограниченными, зыбкими понятиями, способность управлять людьми и вещами естественным образом рассматривается как проявление эго. Да и почему бы нет? Разве не эго является авторитетом в вопросе изменчивости? При этом в вопросе единого, которое никогда не изменяется, эго поражает своим невежеством. Ныне люди не ценят неизменное. Они мечутся, пытаясь поспеть за каждым веянием моды. Они словно комики, занятые отчаянным пополнением своего багажа шуток. Их жизнь зависит от способности смешить аудиторию.

Но что на самом деле смешно, это их убеждённость в своих свободе, могуществе и способности управлять ситуацией. В действительности они всего лишь беспомощные рабы иллюзии.

75. Существуют два способа восприятия Дхармы: внезапный способ, при котором преграда иллюзии разрушается вспышкой осознанности, и постепенный способ, при котором иллюзия рассеивается по чуть-чуть благодаря постоянным усилиям. Так или иначе преграда должна быть разрушена.

76. Сознание Будды вмещает Вселенную. В этой Вселенной существует лишь одна чистая субстанция, одна абсолютная и неделимая Истина. Понятие двойственности отсутствует.

Ограниченный ум содержит лишь иллюзию отдельности, разделённости. Он воображает тьму вещей и формулирует истину в понятиях относительных противоположностей. Большое определяется малым, доброе злым, чистое осквернённым, сокровенное явным, полное пустым. Что есть противоположность? Это арена вражды, конфликта и хаоса. Там, где двойственность преодолена, воцаряется мир. Такова конечная истина Дхармы.

77. Хотя истина Дхармы на самом деле невыразима словами, учителя всё говорят и говорят, пытаясь её объяснить. Полагаю, что просто такова человеческая природа, сначала заявить, что нечто необъяснимо, а затем часами пытаться это объяснить. Неудивительно, что люди разворачиваются и уходят. А ведь можно было бы сделать этот процесс более увлекательным. Мы могли бы сочинять занимательные истории и произносить в адрес аудитории лестные речи. И разумеется, при этом нагромождая иллюзию поверх иллюзии. Но какое это имеет отношение к Дхарме?

78. В одиночестве человек не может вести беседу. Барабан, чтобы звучать, должен быть полым. Отсутствие чего-либо имеет значение. Слова ограничивают. Толкования разнятся. Что не высказано, так же важно. Абсолютная истина невыразима словами. Её следует пережить.

И тогда, в красноречивом безмолвии пусть мы обнаружим, что пробудились к Дхарме.